

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

ЛУКОНИНА ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА

**ЦИФРОВАЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Воронцова Ирина Викторовна

Саратов – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ГРАЖДАНСКИМ, АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ.....	18
1.1. Дефиниция, сущность и значение цивилистической процессуальной формы в системе мер правовой защиты	18
1.2. Понятие цифровой цивилистической процессуальной формы и ее процессуально-правовое значение	31
1.3. Признаки цивилистической процессуальной формы в условиях цифровизации правосудия	48
1.4. Детерминизм цифровой процессуальной формы и руководящих положений цивилистического процесса.....	74
ГЛАВА 2. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ	92
2.1. Процессуально-правовые тенденции применения технологий нового поколения в суде первой инстанции	92
2.2. Правовое поле использования цифровых технологий при пересмотре судебных постановлений и актов	129
2.3. Диверсификация перечня средств доказывания как одна из консеквенций цифровизации доказательственного процесса	156
2.4. Искусственный интеллект и его право на жизнь при отправлении правосудия в режиме электронного окна	173

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	186
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	192
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	193
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	234
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	237
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Внедрение цифровых технологий в реалии современной действительности постепенно приобретает черты закономерного процесса. Реализация права начинает затрагивать цифровую среду, когда на первый план выходят цифровые права и связанное с ними правовое регулирование. Не становится исключением и сфера осуществления судебной власти, когда участники процессуальных отношений, первоначально прибегая к цифровым инструментам в гражданском обороте, обращаются к ним и при реализации права на обращение в суд. Однако последнее видится более затруднительным, поскольку при отправлении правосудия первостепенными остаются первоначальные установки судебной деятельности, определенные процессуальным законодательством, а не тенденции цифровой трансформации. В этой связи определение принципов имплементации цифровых новелл в действующее законодательство – процесс довольно неоднозначный, поскольку, с одной стороны, требуется оперативное реформирование уже сложившегося порядка, а с другой – грамотная трансформация правоотношений при условии сохранения руководящих начал.

Как следствие, внедрение цифровых технологий в порядок рассмотрения и разрешения судами дел становится одним из ведущих направлений модернизации процессуальных отношений, но не единственным, поскольку последнее бы означало вытеснение стандартных средств защиты права инновационными (цифровыми).

Анализ последних траекторий развития цифровизации цивилистических процессуальных отношений, складывающихся при отправлении правосудия в России, показывает, что сегодня элементы цифровой модернизации проявляются на всех стадиях цивилистического процесса, начиная с возбуждения производства по делу и заканчивая исполнением решения суда. Защита прав и свобод субъектов общественных отношений претерпевает существенные изменения: появляются принципиально новые способы передачи юридически-значимой информации,

получает широкое распространение возможность реализации права на предъявление иска в режиме «онлайн», все больше набирает популярность система удаленной связи между участниками процессуальных отношений. Однако несмотря на такое стремительное развитие цифровизации общественных отношений, нормы процессуального права по-прежнему остаются неоднозначными.

Прежде всего, одним из последствий легализации цифровых прав и оборота криптовалюты в России стало возникновение острой необходимости в реформировании доказательственного процесса, на данный момент по-прежнему не учитывающего специфику цифровых новаций. Также вне поля зрения законодателя остались отдельные сегменты информационного обеспечения судебной власти.

В настоящее время коллизии наблюдаются в порядке инициирования цивилистического процесса в режиме онлайн и при реализации права на участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи и веб-конференций. Неурегулированными остаются некоторые вопросы электронного документооборота, а также возможности проведения судебных заседаний с помощью современных средств коммуникации. Также признан дискуссионным вопрос о релевантности применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия по гражданским, административным делам и экономическим спорам.

Вместе с тем комплексный анализ возможностей цифровых технологий в цивилистическом процессе позволит предопределить создание основы для эффективного внедрения цифровых новаций в цивилистическое судопроизводство, что в дальнейшем послужит своеобразным триггером для имплементации новелл в нормы действующего законодательства. Такой основой для трансформации цивилистического процессуального права может стать создание цифровой цивилистической процессуальной формы, обусловившей эффективное функционирование так-называемого прообраза «цифрового правосудия» в России. Это в свою очередь поспособствует реализации целей повышения качества правосудия и совершенствования судебной защиты прав и законных интересов

граждан и организаций, определяемых Правительством РФ в качестве одного из ведущих направлений модернизации судопроизводства в России.

Рассмотрение гражданской, арбитражной и административной процессуальной формы в рамках единой правовой категории цифровой цивилистической процессуальной формы обусловлено общими чертами гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, императивно-диспозитивным методом правового регулирования отношений, складывающихся при отправлении правосудия, а также близкими по своей природе подходами к цифровизации процессуального законодательства. Все три рассматриваемых судопроизводства могут быть реализованы в рамках единой процессуальной формы, когда в центре внимания находятся не различия, например, в правовом статусе участников судебного процесса, а одинаковые возможности для реализации их прав и обязанностей применительно к цифровой среде.

При этом отличия в нормативно-правовом регулировании процессуальных отношений не становятся препятствием для их рассмотрения сквозь призму единой цифровой процессуальной формы, поскольку дифференциация судопроизводств также может лечь в основу цифровизации отправления правосудия, обеспечив единый механизм правового регулирования при условии сохранения дифференцированного подхода к легализации цифровых технологий в рамках различных, но близких по своей природе судопроизводств.

Так, применение цифровых инноваций в гражданском судопроизводстве способствует повышению возможностей физических лиц, не обладающих юридическим образованием, но способных использовать преимущества технического прогресса. В то же время цифровизация арбитражного судопроизводства происходит с учетом правового статуса его участников, тем самым отвечая потребностям гражданского оборота, в частности, в отношении электронной коммуникации между юридическими лицами.

Модернизация арбитражного судопроизводства оказывает существенное влияние на гражданское процессуальное законодательство. Перенимая опыт арбитражных судов, суды общей юрисдикции постепенно выходят на новый

уровень отправления правосудия. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести появление апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции по признаку территориальной удаленности инстанций, действующему в системе арбитражных судов. Данная аналогия также может быть проведена в отношении цифровизации информационного обеспечения судебной власти, когда сначала трансформации подлежат арбитражные процессуальные отношения в силу их специфики, после чего цифровые модификации проникают в процесс цифровизации деятельности судов общей юрисдикции.

Аналогичным образом модернизируются административные процессуальные правоотношения. Специальная процессуальная форма административного судопроизводства в судах общей юрисдикции установлена КАС РФ и представляет собой специализированную форму искового производства. Процессуальная форма административного судопроизводства в арбитражных судах учитывает специфику административных дел и регламентирована положениями АПК РФ. Она отличается ограниченным применением процессуальных средств административно-исковой защиты, но близка по своей природе к процессуальной форме, имеющей место в судах общей юрисдикции. Как следствие, цифровизация административного судопроизводства осуществляется по пути цифровой трансформации гражданского и арбитражного судопроизводства и имеет аналогичную траекторию цифрового развития, предоставляя участникам административного судопроизводства такие же возможности для реализации права на обращение в суд с использованием цифровых средств.

Вышеуказанная корреляция цифровых новелл обуславливается сходством и одновременно различиями гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, позволяя на основе апробации цифровых новаций каждым из судопроизводств создать более усовершенствованную модель цифровой цивилистической процессуальной формы, действующую во всех трех судопроизводствах одновременно.

Степень научной разработанности темы Вопросы, связанные с процессуальной формой, были предметом исследования во многих отраслевых

науках. В цивилистической процессуальной доктрине среди наиболее значимых современных работ следует отметить диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Н.А. Рассахатской на тему «Гражданская процессуальная форма» (г. Саратов, 1995). Следующим весомым вкладом в разработку положений о цивилистической процессуальной форме необходимо признать диссертацию О.В. Егоровой на тему «Сущность гражданской процессуальной формы» (г. Санкт-Петербург, 2001), а также диссертацию Г.В. Дудниковой на тему «Арбитражная процессуальная форма» (г. Саратов, 2005).

Лежащая в основе настоящего исследования идея выделения нового цифрового вида цивилистической процессуальной формы прослеживается в научных работах Ю.Н. Зипунниковой, а вопросам цифровизации правосудия в целом посвящено множество научных трудов российских и зарубежных ученых и практиков, в частности, А.В. Аносова, С.Ф. Афанасьева, В.М. Бозровой, А.Т. Боннера, В.Ф. Борисовой, К.Л. Брановицкого, Д.Х. Валеева, И.В. Воронцовой, Е.В. Зайченко, О.В. Исаенковой, Е.В. Кудрявцевой, В.И. Решетняка, Д. Ринальди, С.С. Рябинской, Е.С. Смагиной, Т.В. Соловьевой, Л.К. Терещенко, А.Х. Хисамова, А.В. Чекмаревой, Р.В. Шакирьянова, В.В. Яркова и др.

Отдельное место при анализе цифровых технологий в цивилистическом процессе занимают диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук М.Г. Цуцковой «Информационное обеспечение в гражданском судопроизводстве» (Саратов, 2015 год) и С.В. Васильковой «Электронное правосудие в цивилистическом процессе» (г. Санкт-Петербург, 2018). Также заслуживает внимания монография В.А. Пономаренко «Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции».

Комплексное исследование цифровизации действий, связанных с обжалованием судебных постановлений по гражданским делам стало возможным благодаря результатам научных исследований доктора юридических наук, профессора Е.А. Борисовой.

Непосредственным изучением темы электронных доказательств как одного из центральных аспектов цифровизации доказательственного процесса занимались

такие исследователи, как С.П. Ворожбит, М.А. Фокина, А.Н. Балашов, А.В. Бегичев, В.Б. Вехов, А.Р. Емалтынов, Г.Т. Даулеталиева, Ю.В. Руднева, Л.В. Зайцева, Н.В. Сухова, М.В. Горелов, Е. П. Панкратова, Е.А. Нахова, С.Г. Сафронов, А.В. Минбалеев и др. Как правило, интерес непосредственно к самой теме доказательств в научном сообществе берет свое начало с исследований, проведенных М.К. Треушниковым и И.В. Решетниковой.

Тема искусственного интеллекта была поднята П.М. Морхатом в докторской диссертации «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы» (г. Москва, 2018).

Целью диссертационного исследования является разработка теоретико-прикладных положений о порядке рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров в условиях цифровизации правосудия.

Достижение указанной цели предопределило постановку и решение следующих задач:

- определить дефиницию, сущность и значение цивилистической процессуальной формы и выделить цифровую цивилистическую процессуальную форму как одну из ее разновидностей;
- рассмотреть признаки цивилистической процессуальной формы в условиях цифровизации цивилистических процессуальных отношений и определить новый признак цивилистической процессуальной формы, обозначив его как «процессуально-правовая адаптивность»;
- проследить детерминизм цифровой цивилистической процессуальной формы и принципов цивилистического процессуального права;
- применительно к цифровой цивилистической процессуальной форме определить место процессуального действия суда по отклонению электронного искового заявления в контексте права на обращение в суд;

- проанализировать особенности возникновения новых факультативных форм обмена информацией между судом и участниками гражданского процесса на примере стадии подготовки дела к судебному разбирательству;
- исследовать правовую регламентацию цифровых технологий в гражданском процессуальном законодательстве и определить их влияние на функциональные принципы гражданского процессуального права;
- обозначить необходимость расширения перечня средств доказывания за счет включения в него электронных доказательств;
- предложить возможный механизм внедрения искусственного интеллекта в режим рассмотрения дел приказного производства.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие по поводу рассмотрения и разрешения судами гражданских, административных дел и экономических споров в условиях цифровизации правосудия.

Предмет исследования составляют характерные особенности порядка осуществления судопроизводства с использованием цифровых технологий и их нормативно-правовое отражение в законодательстве России и зарубежных стран, материалы правоприменительной практики, научные труды по исследуемой проблематике.

Методологическую основу исследования представлена общими философскими и специальными правовыми методами познания. В качестве основного философского метода был определен метод диалектики, позволивший проследить генезис гражданского процессуальной формы в условиях цифровизации правосудия. В отношении современных специальных и общенаучных методов познания следует отметить метод анализа и синтеза, структурно-функциональный и нормативно-логический метод. Применение указанных способов теоретико-прикладного исследования в совокупности с анализируемой специальной литературой позволило выявить основные аспекты цифровой гражданской процессуальной формы.

Теоретической основой исследования послужили труды российских ученых и практикующих юристов: А.В. Аносова, С.Ф. Афанасьева, А.Н. Балашова, А.В. Бегичева, В.М. Бозровой, А.Т. Боннера, В.Ф. Борисовой, Е.А. Борисовой, К.Л. Брановицкого, Д.Х. Валеева, С.В. Васильковой, В.Б. Вехова, С.П. Ворожбит, И.В. Воронцовой, М.В. Горелова, Г.Т. Даулеталиевой, Г.В. Дудниковой, О.В. Егоровой, А.Р. Емалтынова, Е.В. Зайченко, Л.В. Зайцевой, Ю.Н. Зипунниковой, О.В. Исаенковой, Е.В. Кудрявцевой, А.В. Минбалеева, П.М. Морхата, Е.А. Наховой, Е.П. Панкратовой, В.А. Пономаренко, Н.А. Рассахатской, И.В. Решетниковой, В.И. Решетняка, Д. Ринальди, Ю.В. Рудневой, С.С. Рябинской, С.Г. Сафронова, Е.С. Смагиной, Т.В. Соловьевой, Н.В. Суховой, Л.К. Терещенко, М.К. Треушникова, М.А. Фокиной, А.Х. Хисамова, М.Г. Цуцковой, А.В. Чекмаревой, Р.В. Шакирьянова, В.В. Яркова и др.

Характер темы настоящего исследования потребовал обращение к специальной литературе по уголовному, информационному праву и нотариату таких авторов, как Л.М. Якуб, В.Г. Тихиня, Д.Н. Бахрах, И.Л. Бачило, С.Г. Долгов и др.

В исследовании также были использованы труды зарубежных авторов, среди которых: V. Bush, E. Charniak, J. Haugeland, A. Turing, C. Smith, P.G. Rideout, A.D. Reiling, E. Katsh и др.

Нормативную базу диссертации представили международные акты, Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, включая кодифицированные нормативные правовые акты (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, ГК РФ, НК РФ, УПК РФ, КоАП РФ), подзаконные нормативные правовые акты, а также законодательство зарубежных стран (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Великобритании, Германии, США, Китая).

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили акты Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ, постановления судов общей юрисдикции, судебные акты арбитражных судов, а также иные материалы правоприменительной практики.

Научная новизна работы заключается в том, что соискателем на основании комплексного анализа сформулированы теоретико-прикладные положения, связанные с решением научной задачи по определению еще одного вида цивилистической процессуальной формы – цифровой цивилистической процессуальной формы, выделяемой соискателем наряду с устной и письменной процессуальными формами. В этой связи выявлен неизвестный ранее цивилистическому процессуальному праву признак цивилистической процессуальной формы – процессуально-правовая адаптивность.

В рамках диссертационного исследования определены основные тенденции цифровизации цивилистического процесса, в связи с чем предложены наиболее релевантные юридические инструменты внедрения цифровых технологий в цивилистическое судопроизводство. Предложены новые качественные признаки, расширяющие понимание правовой сущности электронных доказательств, и один из способов установления достоверности электронной информации. Обоснована возможность внедрения искусственного интеллекта в режим рассмотрения дел приказного производства.

Научная новизна находит выражение в следующих положениях и выводах, выносимых на защиту:

1. Обоснованы доктринальные суждения о том, что в зависимости от способа фиксации и передачи юридически-значимой информации цивилистическая процессуальная форма подразделяется на устную, письменную и цифровую. Цифровая процессуальная форма представляет собой внешнее нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения судами гражданских, административных дел и экономических споров с применением цифровых технологий фиксации, обработки и передачи информации, имеющей юридическое значение.

2. Выявлен новый признак цивилистической процессуальной формы, который в цивилистическом процессуальном праве необходимо обозначить как «процессуально-правовая адаптивность». Под процессуально-правовой адаптивностью следует понимать гибкость цивилистической процессуальной

формы по отношению ко всем способам рассмотрения и разрешения судами гражданских, административных дел и экономических споров. Последнее свидетельствует о том, что цивилистическая процессуальная форма адаптируется под рассмотрение судебных дел как с использованием цифровых технологий, так и без их применения.

3. Определено, что цифровая цивилистическая процессуальная форма не только базируется на принципах цивилистического процессуального права, но и оказывает на них свое влияние. В большей степени модернизируются организационные принципы, отвечающие за внешнее устройство цивилистического судопроизводства, поскольку выделение цифровой цивилистической процессуальной формы прежде всего обусловлено внешним преобразованием порядка судебного рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров. В частности, отдельные принципы цивилистического процессуального права (гласность, открытость, транспарентность) приобретают иной смысловой оттенок, связанный с обеспечением прозрачности цивилистического судопроизводства за счет применения цифровых технологий.

4. Аргументировано, что применительно к цифровой цивилистической процессуальной форме в контексте права на обращение в суд, осуществляемого при наличии предпосылок права на предъявление иска, при выполнении предварительных условий его реализации и при соблюдении правил обращения к суду, такое процессуальное действие суда, как отклонение электронного искового заявления находится в непосредственной связи с правилами обращения к суду. Это объясняется тем, что единственным основанием для совершения судом данного действия является нарушение правил подачи электронных документов в суд, то есть несоблюдение требований к форме представления электронного искового заявления и документов, приложенных к нему. Такое действие не предполагает проверку наличия предпосылок права на предъявление иска, не влечет невозможность повторного обращения с исковым заявлением в суд, а также не

подразумевает установление судом факта выполнения заявителем предварительных условий для реализации права на обращение в суд.

5. Доказано, что выделение цифровой цивилистической процессуальной формы повлекло возникновение новых факультативных форм обмена информацией между судом и участниками процесса. Так, стадия подготовки дела к судебному разбирательству по усмотрению суда может быть обличена в форму предварительного судебного заседания или в форму информационно-подготовительной встречи, либо может пройти без их проведения. Под проведением информационно-подготовительной встречи следует понимать факультативное действие судьи по использованию упрощенного механизма получения судом необходимых для правильного рассмотрения и разрешения дела сведений посредством дистанционной связи с участниками процесса (веб-конференции, телефонного звонка).

6. Обосновывается, что внедрение цифровых технологий в цивилистическое судопроизводство привело к преобразованию отдельных функциональных принципов цивилистического процессуального права. В контексте цифровой цивилистической процессуальной формы мотивируется целесообразность сокращения свободы судейского усмотрения при разрешении вопроса о применении систем ВКС и веб-конференций с корреспондирующим ему увеличением диспозитивных правомочий на применение цифровых технологий для лиц, участвующих в деле. При этом необоснованное сокращение диспозитивных правомочий для одной из сторон, например, продолжение судебного заседания в случае возникновения у истца или ответчика технических неполадок, следует рассматривать как отход от принципа состязательности.

7. В контексте анализа проблемы расширения перечня средств доказывания за счет включения в него электронных доказательств предложена авторская дефиниция электронных доказательств, под которыми следует понимать сведения о фактах, полученные в электронно-цифровой форме. Определение настоящей дефиниции обусловлено необходимостью обновления перечня средств доказывания применительно к цифровой цивилистической процессуальной форме

за счет классификации средств доказывания в зависимости от источника доказательств. В этой связи выявлены новые признаки электронно-цифровой формы сведений о фактах, имеющих доказательственное значение: во-первых, электронная информация обладает свойством динамики; во-вторых, носителем такой информации может стать любая среда; в-третьих, при использовании электронной информации особое значение приобретают метаданные.

8. Обосновывается позиция о том, что искусственный интеллект может быть внедрен в процессуальный режим рассмотрения дел приказного производства. В этом случае проект судебного приказа будет формироваться искусственным интеллектом и направляться сторонам производства, которые в силу диспозитивности цивилистического процесса получают возможность согласиться с вынесенным искусственным интеллектом судебным постановлением или заявить о необходимости рассмотрения дела непосредственно судом. Как следствие, руководящая роль в соответствии с провозглашенным Европейской комиссией по эффективности правосудия принципом «контроля пользователем» останется в руках судьи-человека, который сможет по заявлению взыскателя или должника отменить судебный приказ, вынесенный искусственным интеллектом, и направить дело на рассмотрение непосредственно судом.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что разработанные соискателем теоретические положения развивают научное знание о порядке и особенностях рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров в условиях цифровизации общественных отношений, а также способствуют восполнению существующих пробелов в этой области научных исследований.

Практическая значимость определяется тем, что сформулированные выводы и предложения могут быть использованы в правотворческой работе, а также в деятельности судебных органов в целях решения возникающих в ходе практической деятельности проблем цифровизации правосудия. Результаты проведенного исследования могут найти свое отражение в образовательном процессе в рамках преподавания курсов по цивилистическому процессуальному

праву, а также при подготовке соответствующей учебной литературы, лекций и учебно-методических пособий.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», где проведено ее рецензирование и обсуждение.

По результатам диссертационного исследования автором опубликовано 16 работ, в том числе 7 статей в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Положения диссертации были апробированы автором в ходе выступлений на международных и всероссийских конференциях: XVIII Ежегодная международная научно-практическая конференция «Толкование и конкретизация права: проблемы теории и практики» (Москва, 2019); X (юбилейная) Международная научно-практическая конференция «Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования» (Саратов, 2019); Международная научно-практическая конференция «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики» (Ростов-на-Дону, 2020); VIII Ежегодная научная конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Право и правосудие в современном мире» (Санкт-Петербург, 2020); VIII Международная научно-практическая конференция «Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии» (Казань, 2020); II Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции управления и цифровая экономика: от регионального развития к глобальному экономическому росту» (MTDE 2020). (Екатеринбург, 2020); VII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Регулирование правоотношений в гражданском праве и цивилистическом процессе в условиях цифровизации» (Казань, 2021); Международная научно-практическая конференция «Особенности юридической деятельности в условиях цифровизации»

(Симферополь, 2021); Итоговая научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП» за 2020 год (Казань, 2021); Международная научно-практическая конференция «Пересмотр судебных актов по гражданским и административным делам: проблемы нормативного регулирования, официального толкования и правоприменения» (Санкт-Петербург, 2021); XVI Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения: трансформация социальной и правовой действительности в современных условиях» (Казань, 2021); Международная научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «Бизнес, Менеджмент, Право» (Екатеринбург, 2021); Всероссийская научно-практическая конференция «Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования» (Казань, 2021); Итоговая научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП» за 2021 год (Казань, 2022); Международная научно-практическая конференция «Особое производство в цивилистическом процессе: проблемы доктрины, законодательства и практики» (Санкт-Петербург, 2022).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав с параграфами, заключения, библиографического списка и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ГРАЖДАНСКИМ, АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1.1. Дефиниция, сущность и значение цивилистической процессуальной формы в системе мер правовой защиты

На протяжении последних десятилетий перед государством остается первостепенной задачей создания всех возможных условий для справедливого отправления правосудия. Являясь неотъемлемой частью основополагающего принципа верховенства права, право на обращение в суд реализуется в соответствии со строго регламентированным порядком. Подобный порядок предполагает наличие конкретных правил и требований, необходимых для оптимального достижения стоящих перед системой правосудия задач. Различные аспекты деятельности суда и иных участников процесса определяются на нормативно-правовом уровне и находят свое отражение в доктрине.

В настоящее время судебным порядком защиты нарушенных прав и свобод в России, согласно отдельным исследованиям, принято считать определенную процессуальную форму¹. Однако, как справедливо отмечает Н.А. Рассахатская, дефиниция процессуальной формы носит дискуссионный характер и раскрывается в научных трудах теоретиков и процессуалистов по-разному². Как показывает анализ научной литературы, определение данного термина зависит от того, в каком виде судопроизводства и соответствующей ему отрасли права предполагается его использование.

Применительно к уголовно-процессуальному праву под процессуальной формой, по мнению М.Л. Якуба, следует понимать регламентированные нормами

¹ См.: Советский гражданский процесс. Под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. М., 1978. С.6; Зинченко А.И. Гражданская процессуальная форма судебного разбирательства// Вопросы теории и практики судебного разбирательства гражданских дел. Саратов, 1988. С.55.

² См.: Рассахатская Н.А. Пределы гражданской процессуальной формы // Правоведение. 1996, № 6. С.137.

права порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности¹. Это дает основание предположить, что в уголовном процессуальном праве процессуальная форма отождествляется с процедурой осуществления уголовного судопроизводства.

В своих научных работах по административному праву Д.Н. Бахрах называл совокупность ключевых элементов процессуальной формы ядром процессуального права, тем самым связывая форму с системой процессуальных норм, раскрывающих требования закона, предъявляемые к деятельности участников судебного процесса. При этом в его понимании процессуальная форма может быть дифференцирована на полную и неполную, когда первая закрепляется в УПК РФ, в то время как вторая регламентируется процессуальными главами КоАП РФ².

Положения общей теории права в целом сводятся к наиболее распространенному научному видению процессуальной формы, согласно которому под ней следует понимать урегулированную нормами права совокупность однородных требований, предъявляемых к деятельности суда и участников судебного процесса³.

В цивилистической процессуальной доктрине по аналогии с иными сферами научных исследований имеет место огромное количество различных по своей природе и содержанию дефиниций процессуальной формы.

Так, в одном из самых первых исследований содержания, структуры и компонентов процессуальной формы Н.А. Рассахатской данная понятийная категория была определена как установленный законом порядок отправления правосудия по гражданским делам. В исследовании также было отмечено, что содержание процессуальной формы составляет совокупность правил, требований и

¹ См.: Якуб Л.М. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юридическая литература, 1981. С. 12.

² См.: Бахрах Д.Н. Административно-процессуальная деятельность государственной администрации // Административное право и процесс. 2009. № 3. С. 2-7.

³ См.: Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под ред. В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло. М., 1976. С. 13; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе: монография. М.: Юрид. лит., 1972. С. 190; Карташов В.Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии. Автореферат ... докт. дисс.: 12.00.01. Москва, 1990. С. 16.

условий, служащих своеобразным правовым регламентом осуществления гражданского судопроизводства¹.

О.В. Егорова не согласилась с мнением Н.А. Рассахатской, объяснив свою позицию необходимостью дифференциации терминов «процессуальная правовая форма» и «процессуальная форма». В своей диссертации на соискание степени кандидата юридических наук она проанализировала обе дефиниции и пришла к выводу о некорректности их отождествления.

Согласно положениям исследования О.В. Егоровой, процессуальная правовая форма является более узким понятием по отношению к процессуальной форме и применительно к судебном процессу подразумевает систему норм процессуального права². В то же время процессуальная форма – более узкое понятие по отношению к форме защиты, поскольку данная категория представляет собой непосредственно сам порядок защиты нарушенных или оспариваемых гражданских прав и охраняемых законом интересов³.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в юридической литературе сформировалось два самостоятельных направления исследования сущности процессуальной формы.

Согласно первому – процессуальная форма отождествляется с процессуальным правом как системой процессуальных норм, устанавливаемых особые требования к отправлению правосудия по гражданским делам.

Так, Н.А. Громошина определяет процессуальную форму как «исторически сложившуюся, атрибутивную, закрепленную законом структурированную систему базовых правил осуществления правосудия в гражданском судопроизводстве в целях защиты прав и законных интересов»⁴.

¹ Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: автореферат дисс. канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 1998. С.6.

² См.: Егорова О.В. Сущность гражданской процессуальной формы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. СПб., 2001. С.16.

³ См.: Егорова О.В. Там же. С 17.

⁴ См.: Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2010. С. 41.

Аналогичным образом в своих ранних работах Н.А. Чечина называет процессуальной формой систему установленных процессуальным законом правил, регламентирующих порядок осуществления правосудия и деятельность участвующих в нем лиц¹.

А.В. Цихоцкий приравнивает процессуальную форму к предусмотренным законом процессуальным условиям². Таким же образом раскрывает понятие процессуальной формы С.Ю. Кац³.

М.А. Гурвич понимает под процессуальной формой гражданское процессуальное право, представляемое в реалиях правовой действительности в «двойном виде»⁴. По аналогии с делением процессуальной формы Н.А. Рассохатской на устную и письменную, Д.Н. Бахрахом на полную и неполную, М.А. Гурвич выделяет абстрактный и конкретный вид гражданской процессуальной формы, указывая на то, что в первом случае форма представляет собой объективное право, а во-втором – существует в виде прав и обязанностей участников процесса.

Согласно второму подходу к определению процессуальной формы под ней следует понимать порядок отправления правосудия по гражданским делам. Данное видение сущности процессуальной формы также получило свое право на жизнь в научном сообществе и нашло свое отражение в доктрине.

К.С. Юдельсон раскрыл понятие процессуальной формы через установленный законом порядок деятельности суда и иных лиц, при котором осуществляется рассмотрение и разрешение заявленных в судебном порядке требований и возражений⁵.

¹ См.: Чечина Н.А. Судебная защита и конституционные принципы гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С.42.

² См.: Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 32

³ См.: Кац С.Ю. Понятие и значение гражданской процессуальной формы. // Радянське право. 1971, №5. С.78-80.

⁴ Советский гражданский процесс. Под ред. М.А. Гурвича. М., 1975. С.6.

⁵ См.: Советское гражданское процессуальное право. Под ред. К.С. Юдельсона. М., 1965. С. 12.

Таким же образом П.П. Гуреев определил лексическое значение термина процессуальной формы через порядок рассмотрения дел судами¹.

М.С. Шакарян и А.К. Сергун отождествили процессуальную форму с порядком защиты субъективных прав, сделав особый акцент на том, что процессуальная форма выступает как урегулированная законом деятельность по разрешению правовых конфликтов².

И.М. Зайцев и М.А. Викут разделили вышеизложенную позицию, при этом отметив, что форма воспринимается как развитая система правовых требований в силу того, что целиком находит свое отражение в процессуальном кодексе³.

По словам О.Д. Шадловской, рассматриваемое понятие представляет собой способ существования правосудия, выражающийся в системе действий, закрепленных в процессуальном законодательстве в виде правил, которые находят свое отражение в процессуальных нормах и применяются при отправлении правосудия по гражданским делам⁴.

Применительно к теме своего исследования А.В. Ильин говорил о гражданском судопроизводстве как об универсальной процессуальной форме, представляющей собой порядок рассмотрения дел⁵.

Е.В. Михайлова называет процессуальной формой установленную законом последовательность строго определенных процессуальных действий, которые совершаются судом и иными участниками процесса, находясь под контролем суда⁶.

¹ См.: Курс советского гражданского процессуального права. Под ред.: А.А. Мельникова, П.П. Гуреева, А.А. Добровольского и др. М., 1981. Т. 1. С. 55.

² См.: Шакарян М.С., Сергун А.К. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы»// Проблемы соотношения материального и процессуального права. Труды ВЮЗИ. М., 1980. С.71-72.

³ См.: Зайцев И.М., Викут М.А. Гражданский процесс России: учебник. М.: Юристъ, 1999. С.22.

⁴ См.: Шадловская О.Д. Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2015. С. 14.

⁵ См.: Ильин А.В. Пересмотр судебных актов на основании постановлений Конституционного Суда России // Закон. 2020. № 12. С. 41.

⁶ См.: Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): монография. М.: Проспект, 2017. С. 66.

В противовес приведенным точкам зрения следует обратиться к исследованиям правовой категории процессуальной формы, проведенным теоретиком права А.М. Васильевым. По его словам, процессуальная форма не может быть сведена к процедуре и последовательности действий. Форма представляет собой «законодательное установление», существующее в силу того, что она определена законом. При этом процессуальная форма имеет место не в любой правоприменительной деятельности, а лишь в той, где защита осуществляется через суд¹.

Аналогичной позиции придерживается Т.В. Сахнова, которая, давая развернутую дефиницию интересующего нас понятия, отметила, что «процессуальная форма обеспечивает максимум гарантий судебной защиты и характерна только для правосудия»².

В этой связи также вызывает интерес точка зрения Д.А. Туманова, по словам которого гражданская процессуальная форма представляет собой «широкую систему гарантий, обеспечивающих установление действительных обстоятельств дела и правильное применение норм права; а также защиту от возможного произвола»³.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что процессуальной формой является не сам судебный процесс, а элемент, или, как указывает Н.А. Громошина, «атрибут» его сущности⁴.

Действительно, понимая под цивилистическим процессом урегулированную нормами процессуального права деятельность по рассмотрению и разрешению дел и споров гражданско-правового характера, мы не можем называть процессуальной формой действия суда и иных участников судебного процесса, поскольку «форма» как лексическая единица означает не деятельность, а ее внешнее выражение.

¹ Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 2021. С. 262.

² См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 64.

³ См.: Гражданское процессуальное право России: учебник / Под ред. С.Ф. Афанасьева. М., 2013. С. 50.

⁴ См.: Громошина Н.А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // *Lex russica* (Русский закон). 2010. Т. 69. № 4. С. 777.

Однако, рассматривая форму как внешнее выражение процесса, нельзя забывать и о том, что внешнее выражение всегда обусловлено определенным содержанием.

В нашем понимании внешнее выражение деятельности участников цивилистического процесса определяется содержанием их деятельности, которое составляют их действия по реализации предусмотренных законом прав и обязанностей. Но права и обязанности субъектов процесса реализуются ими не хаотично, а в строго регламентированном законом порядке. Например, право на обращение в суд в цивилистическом процессе может быть реализовано через самостоятельное представление интересов или посредством обращения к институту ведения дела через представителя. Оба варианта имеют нормативно-правовое закрепление (ч. 1 ст. 48 ГПК РФ, ч. 1 ст. 159 АПК РФ, ч. 1 ст. 54 КАС РФ), однако выбор любого из них обуславливает соответствующий ему порядок реализации, то есть определенную последовательность действий, которая и приобретает нормативно-правовое выражение.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что внешнее выражение деятельности участников процесса находится в прямой зависимости от выбранного ими порядка реализации предусмотренных законом прав и исполнения установленных законом обязанностей.

Соответственно, в цивилистическом процессуальном праве процессуальная форма приобретает значение внешнего – нормативно-правового – выражения процессуальной деятельности участников судебного процесса, обусловленного ее содержанием, и раскрывается через предусмотренный законом порядок реализации прав и обязанностей.

В этой связи наиболее релевантной кажется точка зрения О.В. Егоровой, которая, отметив единое существование формы и содержания правовых явлений, пришла к выводу о том, что сущность гражданской процессуальной формы раскрывается через ее объективное (нормативно-правовое) и субъективное (процедурное) начало¹. Это позволяет включить в определение цивилистической

¹ См.: Егорова О.В. Указ. соч. С.26.

процессуальной формы и процессуальную правовую форму, и порядок деятельности по осуществлению правосудия по гражданским делам.

В этом же аспекте следует отметить мнение Н.А. Чечиной, согласно которому форма и содержание существуют в неразрывном единстве, и нарушение формы деятельности ведет к невозможности обеспечения правильности ее содержания¹.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что нормативно-правовое выражение цивилистического процесса как объективная сторона цивилистической процессуальной формы и непосредственно порядок отправления правосудия как ее субъективная сторона должны рассматриваться в качестве двух единых и неделимых составляющих процессуальной формы. При этом норма права как аспект объективной стороны регламентирует механизм реализации порядка, а порядок как субъективная сторона обуславливает применение соответствующей нормы. Корреляция элементов определяет сущность цивилистической процессуальной формы и ее процессуально-правовое значение.

Таким образом, применительно к теме настоящего исследования под цивилистической процессуальной формой следует понимать внешнее нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров, раскрывающееся через механизм реализации предусмотренного процессуальным законом порядка отправления правосудия в системе цифрового правосудия.

Значение цивилистической процессуальной формы как одной из базовых категорий права и процесса обусловлено ее теоретической и практической значимостью и должно рассматриваться сквозь призму теоретических основ цивилистического процессуального права, с точки зрения объективной стороны цивилистической процессуальной формы, и их отражения в системе отправления правосудия – с позиции субъективной стороны.

¹ См.: Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права: монография. Л., 1987. С. 51.

Теоретическое значение цивилистической процессуальной формы состоит в терминологическом закреплении нормативно-правового выражения порядка рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров. Базовое понятие цивилистической процессуальной формы способствует нормативно-правовой дифференциации отправления правосудия в рамках пяти предусмотренных статьей 118 Конституции РФ судопроизводств, закрепляет специфику гражданского, арбитражного и административного судопроизводств, разграничивая отправление правосудия по гражданским, административным делам и экономическим спорам от иных процессуальных механизмов судебной деятельности и материально-правовых институтов системы российского права.

Нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения судебных дел как объективная сторона цивилистической процессуальной формы представляет собой одну из разновидностей юрисдикционной формы защиты права, а именно судебный (общий) порядок защиты, реализуемый в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, одной из ключевых отличительных черт которых является императивно-диспозитивный метод правового регулирования¹.

Следовательно, цивилистическая процессуальная форма применительно к судебному порядку защиты права определяет содержание процессуальных отношений. Субъектами признаются суд, лица, участвующие в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия. Объект отношений конкретизируется и ограничивается материально-правовым спором или охраняемым законом интересом. В зависимости от объекта устанавливается содержание правоотношений – процессуальные действия субъектов, совершаемые в соответствии с комплексом их процессуальных прав и обязанностей.

В практическом отношении процессуальная форма предоставляет заинтересованным в исходе дела лицам определенные цивилистическим судопроизводством правовые гарантии, наделяет их комплексом предусмотренных

¹ См.: Богданова Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. 2003. № 6(78). С. 39-45.

законом прав и обязанностей, а также обязывает суд выносить законное и обоснованное решение по результатам рассмотрения и разрешения правового спора в соответствии с положениями действующего процессуального законодательства.

Так, право на обращение в суд ограничивается установленным законом претензионным порядком урегулирования спора, несоблюдение которого является основанием для возвращения искового заявления в соответствии со статьями 135 ГПК РФ, 129 АПК РФ, 129 КАС РФ¹. При этом для суда важно соблюсти процессуальную формальность, подтвердив сам факт направления ответчику претензионного письма (п. 3 ст. 132 ГПК РФ, п. 7 ч. 1 ст. 126 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 129 КАС РФ). Как правило, суды не проверяют содержание претензионного письма, был ли соблюден предоставленный ответчику в претензионном письме срок для ответа в целях урегулирования спора в досудебном порядке.

Нарушение истцом требований к форме и содержанию искового заявления влечет оставление искового заявления без движения (ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, ч. 1 ст. 128 АПК РФ, ч. 1 ст. 130 КАС РФ), а повторная подача иска о том же предмете, по тем же основаниям и к тому же ответчику – отказ в принятии искового заявления (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 128 КАС РФ). Например, только на основании части 1 статьи 136 ГПК РФ судьями Иркутского областного суда в 2016 году было оставлено без движения 14 заявлений о международном усыновлении².

Отклонение от установленного процессуальным законом порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел может стать основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции в порядке апелляционного

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»// Российская газета. 2021. № 144.

² См.: Обзор практики рассмотрения в 2016 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 6.

производства. Например, нарушение правил исключительной подсудности является безусловным основанием для отмены постановления суда первой инстанции. Это объясняется тем, что исключительная подсудность устанавливает особые правила определения компетенции судов, исключая альтернативность применения иных видов подсудности¹. Как следствие, например, в гражданском судопроизводстве рассмотрение дела с нарушением требований, установленных статьей 30 ГПК РФ, считается рассмотрением дела судом в незаконном составе и впоследствии служит основанием для отмены решения суда в порядке пункта 1 части 4 статьи 330 ГПК РФ².

Вышеизложенная позиция находит свое отражение в судебной практике, когда суды апелляционной инстанции, анализируя правила о подсудности объектов недвижимого имущества, устанавливали нарушение правил исключительной подсудности и отменяли решение суда первой инстанции, направляя дело на новое рассмотрение³.

Из этого следует вывод о том, что отклонение даже от одного из требований, установленных в рамках процессуальной формы, влечет определенные последствия, которые могут стать не только препятствием для защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса, но и основанием для отказа в такой защите.

Предполагая определенный алгоритм процессуальных действий, цивилистическая процессуальная форма упорядочивает осуществление судопроизводства, нивелирует риски дезорганизации системы правосудия и

¹ См.: Цой В.И. Институт подсудности гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 9-15; Стрелкова И.И. Территориальная подсудность гражданских дел (проблемы совершенствования законодательства) // Российский судья. 2015. № 6. С. 16-19.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144.

³ См.: Апелляционное определение Краснодарского краевого суда № 33-5104/2014 от 20 марта 2014 г. по делу № 33-5104/2014. Доступ из архива решений судов общей юрисдикции справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Краснодарского краевого суда № 33-16246/2014 от 29 июля 2014 г. по делу № 33-16246/2014. Доступ из архива решений судов общей юрисдикции справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельности участников процесса, тем самым обеспечивая логичную и оптимальную организацию отправления правосудия. Так, например, установленное частью 4 статьи 33 ГПК РФ, частью 6 статьи 39 АПК РФ и частью 4 статьи 27 КАС РФ правило о том, что споры о подсудности между судами в Российской Федерации не допускаются, позволяет избежать ситуации, когда одно и то же дело будет передаваться из одного суда в другой неограниченное количество раз.

Наличие стадий цивилистического процесса и строгое соблюдение порядка обжалования постановлений суда позволяет выстроить логичную систему судопроизводства, когда возможность обжалования судебного постановления в определенном производстве открывается участникам процесса только по истечении предусмотренного процессуальным кодексом срока и при соблюдении установленного законом порядка. Так, право отмены судебного приказа исключает возможность его обжалования в апелляционном порядке, не лишая сторону права обжалования в порядке, предусмотренном для постановлений, вступивших в законную силу, а неподача апелляционной жалобы как «иного способа обжалования» становится препятствием для обращения в суд с кассационной жалобой (абз. 2 ч. 1 ст. 376 ГПК РФ)¹.

С течением времени, в целях приведения системы в соответствие с реалиями социальной действительности, практически все институты судебной власти подвергаются модернизации. Упорядочивание осуществления правосудия в рамках судопроизводства позволяет избежать законодательной трансформации системы без учета специфики существующих процессуальных механизмов. Поскольку внесение изменений в отдельный сегмент судопроизводства может привести к деструкции всей системы в целом, наличие процессуальной формы требует проведение комплексного анализа действующих процессуальных институтов, не

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144.

допуская введение в действие новаций, приводящих к возникновению пробелов и коллизий в правовом регулировании порядка отправления правосудия.

Наравне с правовым и организационным значением цивилистической процессуальной формы в научной литературе также имеет место точка зрения о том, что процессуальная форма является характеристикой «качественности» осуществления правосудия¹.

Действительно, такие качества, как доступность правовой защиты, простота порядка возбуждения производства и движения дела, разумность сроков осуществления правосудия в рамках цивилистической процессуальной формы свидетельствуют об оперативности, слаженности и результативности судопроизводства. Неслучайно Н.А. Рассахатская характеризует понятие гражданской процессуальной формы как «идеальной нормативной модели»².

Аналогичной позиции в своей диссертации в отношении арбитражной процессуальной формы придерживается Г.В. Дудникова, с одной стороны, соглашаясь с тем, что совокупность норм определяет идеальную модель поведения, но, с другой стороны, отмечая, что процессуальная форма не является данной моделью, а «представляет собой фактическую форму» ее реализации при рассмотрении и разрешении конкретного дела³. В понимании Г.В. Дудниковой арбитражная процессуальная форма должна рассматриваться как более сложное комплексное явление по сравнению с совокупностью норм арбитражного процессуального права.

При этом вышесказанное не исключает возможность появления новых – более эффективных – моделей правосудия посредством создания «технически и нормативно» усовершенствованной цивилистической процессуальной формы. В нашем понимании, процессуальная форма предполагает не абстрактное выражение порядка рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и

¹ Егорова О.В. Указ. соч. С. 40-43.

² Рассахатская Н.А. Пределы гражданской процессуальной формы // Правоведение. 1996, № 6. С. 138.

³ Дудникова Г.В. Арбитражная процессуальная форма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2005. С. 7-8.

экономических споров, а вполне реальную модель правосудия, действующую в системе российских судов как некий обязательный для применения «регламент» отправления правосудия.

Таким образом, дефиниция цивилистической процессуальной формы раскрывается через ее процессуально-правовое значение как атрибута отправления правосудия. Отождествление процессуальной формы с цивилистическим процессом и цивилистическим процессуальным правом является некорректным, поскольку понятие процессуальной формы применяется по отношению не к любому порядку разрешения спора, а только к урегулированному нормами права и имеющему соответствующие признаки.

1.2. Понятие цифровой цивилистической процессуальной формы и ее процессуально-правовое значение

С развитием цифровых технологий методы передачи и обмена информацией между участниками общественных отношений претерпевают кардинальные изменения. Появление «цифровой реальности» приводит к возникновению не только новых способов оборота информации, но и к трансформации восприятия картины мира в целом, поскольку теперь реалии социальной действительности рассматриваются также и через призму цифрового пространства. Одной из консеквенций становится стремительная диалектика права как инструмента регулирования сегментов цифровой реальности. Возникают цифровые права и цифровые инструменты регулирования общественных отношений. Происходит трансформация судебной системы как одного из ключевых механизмов обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина – появляется понятие цифрового права и прообраз цифрового правосудия.

Прямым следствием цифровой трансформации материальных правоотношений становится модернизация процессуальных правоотношений, составляющих основу цивилистической процессуальной формы. Существующий порядок отправления правосудия по гражданским, административным делам и

экономическим спорам постепенно адаптируется к «цифровым рельсам», тем самым приводя к необходимости в создании принципиально новой модификации – еще одной разновидности цивилистической процессуальной формы – цифровой цивилистической процессуальной форме.

В контексте введения новой дефиниции необходимо обратиться к научным исследованиям электронного правосудия, проведенным Ю.Н. Зипунниковой, которая в одной из своих работ обосновала идею возникновения категории «электронная процессуальная форма», понимая под ней «установленный порядок деятельности судов по рассмотрению и разрешению дел с использованием электронных и интернет-технологий, электронный способ объективации совершаемых процессуальных действий»¹.

Раскрытие термина через объективацию процессуальных действий следует признать особо привлекательным при рассмотрении вопроса о понятийно-категориальном аппарате, используемом при определении дефиниции, поскольку процессуальная форма, действительно, является одним из способов внешнего выражения порядка. Неслучайно в одной из своих научных работ Н.А. Бортникова, обращаясь к исследованиям О.Д. Шадловской, разделяет ее понимание процессуальной формы как способа существования правосудия, называя процессуальную форму «внешним выражением правосудия»²

Однако, как уже было отмечено выше, процессуальная форма не может быть приравнена к деятельности или порядку деятельности судов, поскольку под данным термином скрывается не только порядок, но и его нормативно-правовое выражение, которому в определении должно быть отведено центральное место.

Более того, раскрывая форму через порядок деятельности судов, по нашему мнению, автор исключает действия сторон и иных участников процесса, от

¹ См.: Зипунникова Ю.Н. К вопросу об электронном правосудии (судопроизводстве) и электронной процессуальной форме // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 22 - 23 ноября 2012 г. / Под ред. Т.Е. Абовой. С. 168.

² См.: Бортникова Н.А. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве. 2021. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

совершения которых зависит ход всего процесса. Метод цивилистического процессуального права определяется как императивно-диспозитивный¹. При этом диспозитивность раскрывается через возможность участников процесса влиять на движение дела, переводя его с одной стадии на другую. Однако, следуя предложенной дефиниции, электронное отправление правосудия зависит от суда и представляет собой исключительно механизм реализации судебной власти.

В то же время суждение о возможности дифференциации цивилистической процессуальной формы на устную, письменную и электронную может быть принято во внимание и лечь в основу рассматриваемой дефиниции².

В качестве критерия Ю.Н. Зипунниковой был определен предложенный в свое время Н.А. Рассахатской способ фиксации и передачи информации³. По мнению автора, первоначально в судопроизводстве существовал устный порядок совершения процессуальных действий и письменный порядок оформления процессуальных документов. С развитием информационных технологий появился электронный порядок передачи и фиксации данных, который и положил начало электронному правосудию. Как следствие, первый порядок привел к возникновению устной формы, второй – письменной, третий – электронной.

Также Ю.Н. Зипунниковой небезосновательно высказывается мысль о том, что появление электронной процессуальной формы не влечет создание новой правовой категории, «сущностно отличной от категории «процессуальная форма».

Безусловно, следует всецело разделить позицию автора в отношении дифференциации формы и ее правовой природы, пояснив, что в нашем понимании электронная процессуальная форма не является отдельным институтом, а представляет собой лишь разновидность цивилистической процессуальной формы,

¹ См.: Алиэскеров М.А. Метод гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2006. № 7(115). С. 79-84.

² См.: Зипунникова Ю.Н. Некоторые вопросы классификации цивилистической процессуальной формы // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 53 - 57.

³ См.: Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: учебное пособие. Саратов: СГАП, 1998. С. 51 - 76.

имеющей место при использовании возможностей электронного правосудия или, как утверждает Ю.Н. Зипунникова, «электронных и интернет-технологий».

Однако в условиях цифровизации общественных отношений, на наш взгляд, следует говорить не об электронной, а о цифровой цивилистической процессуальной форме.

Понятия цифровой и электронной среды очень часто используются как синонимы¹. Однако если досконально проанализировать лексическое значение и сферы применения данных терминов, то можно найти существенные различия.

Во-первых, выделяются три формы документа: аналоговая, электронная и цифровая. Если документ – это зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, то аналоговая форма представляет собой традиционную форму фиксации информации на материальном носителе, например, на бумаге или фото-и киноплёнке.

Определение электронного документа закреплено на законодательном уровне и сводится к документированной информации, представленной в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием ЭВМ². При этом понятие электронного документа и электронного образа документа не идентичны. В первом случае мы говорим о документе, изначально созданном в электронной форме с помощью специального программного обеспечения, например, редактора Word. Во втором – об аналоговой форме документа, переведенной в цифру. В обоих случаях документ фактически пассивен, поскольку форма подразумевает его фиксацию на определенном носителе.

В отличие от электронного документа или электронного образа документа, цифровой документ активен, создается и существует исключительно в цифровой среде, кроме предметных данных имеет программные данные и метаданные и не

¹ См.: Волкова К.Ю. Цифровой или электронный (Digital vs Electronic)/ К.Ю. Волкова, В.В. Зверевич // Научные и технические библиотеки. 2020. № 12. С. 159-172.

² Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

всегда представлен в виде, пригодном для восприятия человеком, поскольку для его «прочтения» требуется не просто наличие ЭВМ, а применение специальных команд. В качестве одного из примеров цифрового документа можно назвать смарт-контракт, который с юридической точки зрения представляет собой самоисполняемое соглашение (ст. 420 ГК РФ), а программистом может быть определен как «набор обещаний, указанных в цифровой форме, включая протоколы, в рамках которых стороны выполняют эти обещания»¹.

Язык программирования смарт-контракта зависит от технологии. При использовании блокчейн чаще всего используется Solidity, созданный для платформы Ethereum. Электронно-вычислительные средства позволяют увидеть цифровой код, но вопрос о его восприятии и расшифровке без специального образования как технического, так и юридического – остается открытым.

Аналогичным образом работает принцип написания веб-сайтов, когда программный код HTML первоначально может быть скрыт от восприятия, а при совокупности программных действий выводится на экран в форме знакомого нам веб-сайта.

Это свидетельствует о том, что электронный документ является своеобразным отражением цифрового, то есть его проекцией в форме, пригодной для первичного восприятия человеком с помощью ЭВМ.

Аналогичной позиции при исследовании вопросов цифровизации нотариата придерживается С.Г. Долгов, утверждая, что «цифровой» и «электронный» документ – это совершенно разные понятия. По его словам, «отличительной особенностью электронного документа является возможность восприятия человеком информации с использованием ЭВМ, то есть понимание вида созданного документа. Человек не в состоянии воспринять и в большинстве случаев увидеть кодовые импульсы и частоты цифровых технологий. Формула

¹ См.: Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. С. 201.

программного обеспечения может быть выведена на печать, но обратный процесс невозможен, в отличие от электронного документа»¹.

Во-вторых, вследствие существования различных форм представления документированной информации национальным стандартом определяется три среды существования документа: аналоговая, электронная и цифровая. Под аналоговой понимается «среда физических объектов (явлений), представленных в виде непрерывных характеристик (физических величин)». Электронная среда определяется, как «среда технических устройств (аппаратных средств), функционирующих на основе физических законов и используемых в информационной технологии при обработке, хранении и передаче данных», а цифровая среда - как «среда логических объектов, используемая для описания (моделирования) других сред (в частности, электронной и социальной) на основе математических законов»².

Следовательно, электронная среда представляет собой статичный массив данных, обрабатываемых средствами электронно-вычислительной техники и выводимых в доступном для человека восприятии. В то же время цифровая среда, будучи средой «логических объектов» подразумевает не просто наличие различных технических устройств и программного обеспечения в совокупности информационных систем, а именно взаимодействие элементов внутри и вне системы, непосредственно сами операции с данными.

Проецируя вышеизложенное на процесс отправления правосудия, мы приходим к следующему. Электронная среда не является принципиально новой для судебной системы, поскольку использование ЭВМ началось еще в первой половине 20 века, и в дальнейшем получило широкое распространение в работе судов. С помощью периферийных устройств ЭВМ начали появляться первые печатные документы, создавались электронные картотеки и электронные базы данных.

¹ Долгов С.Г. Нотариат сегодня, цифровой или электронный? // Нотариус. 2021. № 2. С. 42 - 45.

² ГОСТ Р 52292-2004 «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200038309> (дата обращения: 07.08.2021),

Однако возникновение цифровой среды произошло гораздо позже – с появлением компьютерных сетей, принцип объединения которых и лег в основу сети «Интернет».

Первоначально имел место аналоговый сигнал, означающий непрерывную волну, которая постоянно меняется в течение определенного периода времени. В дальнейшем появился цифровой сигнал, который также является непрерывной волной, но в этом случае волна несет информацию в двоичном формате и имеет дискретные значения. Следовательно, цифровой сигнал получают из аналогового или синтезируют непосредственно в цифре.

В этой связи, безусловно, любой электронный элемент имеет отношение к цифровой среде, поскольку в конечном итоге превращается в цифру. Так, например, скан документа является результатом оцифровки – создания копии аналогового документа в цифровой форме. Однако сам по себе скан не является объектом цифровой среды до тех пор, пока не будет передан от одного носителя информации к другому.

Как верно в этом отношении указывает А.В. Серов, практически все цифровые технологии являются «результатом комплексного взаимодействия других технологических решений, таких как большие данные, нейросети и искусственный интеллект, алгоритм голосового синтеза, распознавание речи и эмоций, голосовой ассистент и др.»¹.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в системе отправления правосудия играет роль не электронная среда, а цифровая, когда во внимание принимается сам процесс взаимодействия электронных объектов, а не их существование или воплощение. Так, электронное исковое заявление само по себе не представляет ценности, пока не будет подано в суд по электронным каналам связи. Наличие ВКС или веб-конференции не будет являться средством информационного обеспечения судебной власти до тех пор, пока

¹ Серова А.В. Внедрение цифровых технологий в практику взаимодействия субъектов отношений по трудоустройству у данного работодателя // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5. С. 65 - 71.

технология не обеспечит одновременную передачу видео и звука между двумя и более участниками процесса.

Как следствие, приведенные примеры свидетельствует о том, что сегодня применительно к технологиям нового поколения правосудие осуществляется в цифровой среде, а не электронной, поскольку судебная власть реализуется в силу обмена данными, а не их фиксации. В этой связи справедливо будет отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция перехода от электронного правосудия к прообразу цифрового.

При этом для комплексного понимания значения данных лексических единиц необходимо раскрыть термины электронного и цифрового правосудия, которые являются такими же многогранными и дискуссионными, как и понятие самой цивилистической процессуальной формы.

История возникновения термина «электронное правосудие» начинается на первом этапе становления и развития информатизации судебной системы, когда в качестве своеобразного правового триггера информационной модернизации выступила федеральная целевая программа «Электронная Россия»¹, заложившая основы для построения системы электронного правительства в России.

Понятие электронного правительства вызвало неоднозначную дискуссию в российской доктрине. Исследованию дефиниции было посвящено немало научных трудов². Многие из отечественных правоведов свели тему толкования данного термина к необходимости введения более точного понятия с широким смысловым значением, способным отразить процесс информатизации государства в целом. В

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 г. № 65 «О Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)»// Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

² См.: Васькова М.Г. Электронное государство: проблемы правового регулирования// Информационное право. 2009. №4. С. 20-25; Федосеева Н.Н., Чайковская М.А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 6-10; Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М. 2013. С. 57-65; Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Санкт-Петербург, 2018. С. 17.

качестве одного из таких вариантов было предложено понятие электронного государства.

При определении искомого термина в отношении категории электронного государства довольно сложно было не согласиться с необходимостью расширения терминологической границы, поскольку именно понятие государства отражает все три ветви власти, в то время как электронное взаимодействие без модернизации судебной и законодательной ветвей теряет всякий смысл.

В связи с этим приобрела значение позиция Н.Н. Федосеевой, которая с уверенностью утверждала, что концепция электронного государства должна включать в себя не только электронное правительство, но и электронный парламент, а также электронное правосудие¹.

Аналогичной позиции придерживались В.И. Решетняк и Е.С. Смагина, которые в своей научной работе настаивали на невозможности информатизации общества и государства исключительно в отдельных сферах².

На втором этапе информатизации началось постепенное внедрение информационных технологий в судебную систему России. На первый план вышло стремление страны соответствовать мировым стандартам, для достижения которых главной целью стало повышение качества судебной защиты за счет развития информационных технологий.

В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» появились официальные сайты судов. В системе судов общей юрисдикции успешно началась работа по развитию подсистем ГАС «Правосудие», в то время как в арбитражных судах был сформирован «Банк решений» с соответствующими ему подсистемами, что в свою очередь стало отправной точкой процесса создания электронных судебных архивов в России³.

¹ См.: Федосеева Н.Н. Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы // Администратор суда. 2008. №3. С. 14.

² См.: Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2017. С. 11.

³ См.: Зайченко Е.В. Повышение эффективности информационного обеспечения участников гражданского судопроизводства посредством применения информационных технологий//

В процессуальное законодательство были внесены существенные изменения, касающиеся порядка осуществления зарождающихся на тот момент электронных процедур. Так, в статье 14 ГПК РФ и в статье 18 АПК РФ нашел свое отражение порядок формирования состава суда с использованием автоматизированной системы.

Наряду с этим необходимо отметить, что вопросы правового регулирования электронного обеспечения правосудия в арбитражном процессе решались гораздо быстрее, чем это было сделано в гражданском судопроизводстве¹. В АПК РФ были внесены изменения, устанавливающие возможность извещения лиц, участвующих в деле, посредством ресурсов сети «Интернет», видеоконференц-связь, аудиопотоколирование, а также отдельные элементы электронного документооборота такие, как подача документов в электронной форме².

Третий этап правовой регламентации характеризовался информационным преобразованием судебной системы и внедрением отдельных элементов электронного судопроизводства. На первый план вышла Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2013 – 2020 годы, цель которой была сведена к повышению качества правосудия и совершенствованию механизма защиты прав и свобод³. В связи с этим одним из приоритетных направлений программы стала информатизация судебной системы.

Информационное переоснащение судебной системы ставило перед собой цель обеспечить не только открытость и доступность информации, но и возможность использования технологий нового поколения с момента обращения в

Юрист. 2012. № 23. С. 39-43; Булгакова Е.В. Электронное правосудие//Российский судья. 2013. № 7. С. 14-17.

¹ См.: Борисова Е.А. Некоторые новеллы арбитражного процессуального законодательства России// Законотворчество. 2011. №2. С. 62-67.

² См.: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. №31. Ст. 4197.

³ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

суд до вынесения итогового решения, а также оптимизацию судебного процесса для снижения нагрузки на аппарат.

По итогам реализации предусмотренных программой мероприятий в судах общей юрисдикции и арбитражных судах было оснащено системами видеопротоколирования 2 528 из 2 528, 115 из 115 зданий; системами аудиопротоколирования – 8 400 из 7 372 запланированных залов при условии полного укомплектования арбитражных судов в силу обязательности аудиопротоколирования в арбитражных судах; комплектами ВКС – 95% судов, 7 044 единиц из 2 657 запланированных, что свидетельствует о выполнении предусмотренных программой планов информатизации судебной системы (См. Приложение 1, диаграммы 1-6)¹.

Как следствие, вышеназванные нововведения положили начало электронному правосудию в прямом его лексическом значении. Так, под электронным правосудием стали понимать систему автоматизированных сервисов, использующих средства, обеспечивающие ведение «электронного дела» с последующим предоставлением к нему доступа в сети «Интернет»².

Аналогичным образом электронное правосудие понимается в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы, где данный термин раскрывается как «использование ИКТ в реализации правосудия всеми заинтересованными сторонами в юридической сфере с целью повышения эффективности и качества государственных служб» и состоит из трех элементов: электронного общения, обмена данными и доступа к информации судебного характера³.

Однако в доктрине имели место и более узкие подходы к определению рассматриваемой дефиниции. Например, И.В. Стюфеева сводила электронное

¹ Федеральные целевые программы России: Программа «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы». Целевые индикаторы. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2019/410/?yover=2020> (дата обращения: 12.12.2019)

² Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. №4. С. 26-31.

³ См.: Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии и пояснительная записка. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.07.2022).

правосудие к безбумажному обмену информацией в электронно-цифровом виде¹. О.И. Виляк делал акцент на системе информатизации и автоматизации судопроизводства², а Н.Н. Телешина ограничивала понятие электронного правосудия, сводя его к использованию информационных технологий³.

На наш взгляд, данные дефиниции не отражают всей специфики электронного правосудия, не учитывают значимость обращения юридически-значимой информации в электронном виде, а также особенности движения вследствие совершения процессуальных действий в электронной среде, не акцентируют внимание на порядке рассмотрения и разрешения материально-правовых споров и дел – на процессуальной форме отправления правосудия.

В этой связи более привлекательной для исследования представляется точка зрения А.Т. Боннера, согласно которой электронное правосудие представляет собой электронную форму осуществления правосудия, существующую и развивающуюся как подвид письменной процессуальной формы⁴. В этой позиции, на наш взгляд, присутствует некоторая рациональность, поскольку применение любой IT-технологии оставляет определенный «след» в цифровой среде, который свидетельствует о «зафиксированном», то есть в некотором роде письменном порядке передачи информации. Однако в основе деления процессуальной формы лежит именно способ фиксации и передачи информации, а, например, при ВКС ключевым остается устный порядок коммуникации. При этом одновременное присутствие элементов различных форм в одном аспекте судебной деятельности в силу сочетания принципов устности и письменности – не исключается⁵. Примером

¹ См.: Стюфеева И.В. Новый уровень правосудия. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2021).

² См.: Виляк О.И. Процессуально-правовые и организационно-технические проблемы использования видеоконференцсвязи в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. №7. С. 13-20.

³ См.: Телешина Н.Н. Реализация электронного правосудия в России (на примере Арбитражного суда Владимирской области) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. №6. С. 44-50.

⁴ См.: Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 22 - 38.

⁵ Овчаренко О.В. Сочетание принципов устности и письменности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2013. 31 с.

такого сочетания может стать традиционное судебное заседание с параллельной фиксацией хода в протоколе судебного заседания, когда к заседанию предъявляются требования устной формы, а к протоколу – письменной.

Тем не менее, первым официальным источником, содержащим определение данного термина в России, принято считать приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362, согласно которому под электронным правосудием следует понимать основанные на использовании информационных технологий способ и форму осуществления процессуальных действий, включая взаимодействие в электронном виде¹.

В 2018 году С.В. Василькова в диссертации на соискание степени кандидата юридических наук изложила свое собственное видение электронного правосудия применительно к цивилистическому процессу, раскрыв указанную дефиницию через возможности суда дистанционно общаться с участниками процесса и обмениваться данными в бездокументарной форме, когда информационные технологии приобретают значение «субсидиарного средства общения по отношению к существующей документарной форме передачи данных»².

Аналогичным подходом руководствовался В.А. Пономаренко, называя электронным правосудием такой «судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения гражданских дел», при котором выражение процессуальной информации и взаимодействия участников судопроизводства всецело опосредуется электронной формой³.

В условиях существования и корреляции двух различных по своей природе систем личного и дистанционного общения, документарной и бездокументарной передачи данных, представленное определение электронного правосудия приобретает особую актуальность. Действительно, в силу положений

¹ См.: Воронцова И.В. О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие»// Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 167-169.

² Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Санкт-Петербург, 2018. С. 52.

³ См.: Пономаренко В.А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции: монография. Москва: Проспект, 2015. С. 11-12.

действующего законодательства использование информационных технологий не является обязательным для отправления правосудия по гражданским делам. При этом не вызывает сомнений, что цифровые новации выступают в качестве дополнительного или, как указывает С.В. Василькова, «альтернативного» инструмента в цивилистическом процессе.

Однако согласно положениям вышеуказанного исследования, ключевым в определении электронного правосудия является деятельность суда, при которой обмен информацией подразумевается по инициативе суда и между судом и участниками процесса. Но информационные технологии связывают не только суд с участниками процесса, но и участников процесса между собой. Так, например, электронная переписка как подтверждение соблюдения претензионного порядка или доказательство по делу напрямую связана с отправлением правосудия, но подтверждает наличие связи между сторонами спора, а не между участниками процессуальных отношений и судом. Более того, право подачи искового заявления в электронной форме не входит в деятельность суда, но напрямую связано с судебным процессом.

В этой связи, по нашему мнению, электронное правосудие в цивилистическом процессе – это предусмотренная законом альтернативная форма рассмотрения и разрешения дел и споров, предоставляющая суду и иным участникам процесса возможность влиять на движение дела и следить за его ходом в режиме онлайн с использованием информационных технологий.

Между тем применительно к теме настоящего исследования мы настаиваем на необходимости оперирования понятием цифрового правосудия, поскольку по аналогии с электронной процессуальной формой, также исходя из понимания электронного правосудия, в трансформации системы правосудия на первый план выходит среда обмена информацией, а не сфера технических возможностей ЭВМ.

При этом в рамках настоящего исследования также не исключается и тезис о том, что говорить о становлении цифрового правосудия в России в прямом лексическом значении слова на данный момент – преждевременно. Термин

«цифровое правосудие» определяет совершенно новый тип организации судопроизводства, когда, как верно отмечает Е.Е. Новопавловская, «большая часть судебных коммуникаций переходит в цифровую среду»¹. В то же время в современной судебной системе России по-прежнему преимущество имеет бумажный документооборот, цифровой доступ к суду остается альтернативным, а организационные формы судебной деятельности еще только начинают подстраиваться под цифровой формат.

Однако вышеизложенное не противоречит выбранной терминологии, поскольку при рассмотрении вопросов цифровизации применительно к цивилистическому судопроизводству РФ внимание обращается именно на прообраз цифрового правосудия – основу для создания полноценной модели цифрового правосудия в России, когда «по умолчанию» будет использоваться цифровая инфраструктура передачи информации, а не стандартные «бумажные» инструменты оборота данных.

В этом аспекте сложно не согласиться с выводами А.В. Нестерова, по словам которого «одной из основных проблем является цифровая терминология, которая должна определяться в информационном праве и быть универсальной для всех отраслей права»². Действительно, введение в понятийно-категориальный аппарат цифровых терминов требует междисциплинарного подхода со стороны представителей всех юридических специальностей, не исключая ученых в области информационного права.

Резюмируя вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что в науке цивилистического процессуального права наравне с устной и письменной формами в зависимости от среды и способа фиксации и передачи информации должно быть отведено место новой разновидности цивилистической процессуальной формы,

¹ Новопавловская Е.Е. Некоторые проблемы цифровизации российского правосудия// Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей): сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, посвященный X Всероссийскому съезду судей. В двух частях. Часть II / под ред. В.И. Поправко, Ю.В. Журавлёвой, Р.В. Ярцева. Н. Новгород : Изд-во «Автор», 2022. С. 123.

² Нестеров А.В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 16.

определяемой как «цифровая цивилистическая процессуальная форма», под которой в настоящем исследовании предлагается понимать внешнее нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров с применением цифровых технологий фиксации, обработки и передачи информации, имеющей юридическое значение.

Сфера применения цифровой процессуальной формы аналогична использованию иных видов цивилистической процессуальной формы. При этом цифровая форма имеет ряд преимуществ перед устной и письменной формами.

Во-первых, в отличие от устной процессуальной формы, направленной исключительно на передачу информации, и письменной, нацеленной, прежде всего, на фиксацию, цифровая процессуальная форма способна одновременно охватывать процесс передачи и фиксации информации.

Во-вторых, в отношении цифровой процессуальной формы не имеют значения такие свойства, как время и территория. Так, например, видеоконференц-связь и веб-конференции позволяют передавать информацию в устной форме в режиме реального времени при условии территориальной удаленности субъектов, что позволяет в полной мере реализовать право на судебную защиту лицам, не имеющим возможность находиться в зале судебного заседания.

Неслучайно число судебных заседаний, проводимых федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями, с использованием ВКС по первой инстанции, согласно данным официальной статистики, стремительно растет. Так, в

2017 году оно составляло 28 819¹, в 2018 – 41 741², в 2019 – 55 841³, в 2020 – 66 728⁴, а в 2021 достигло отметки 81 538⁵ (См. Приложение 2, диаграмма № 1).

В-третьих, применительно к цифровой процессуальной форме фиксации информации осуществляется оперативно с использованием средств информационного обеспечения, что исключает субъективный фактор. К примеру, при протоколировании хода судебного заседания секретарем судебного заседания или помощником судьи могут быть упущены отдельные моменты. Система же может хранить и обрабатывать гораздо больший объем информации, чем человеческие память и мозг.

Как показывает статистика, число судебных заседаний, в которых проводилась аудиозапись, в федеральных судах общей юрисдикции и у мировых судей в 2017 году составляло 519 217, в 2018 году – 646 148, в 2019 году – 1 689 660, в 2020 – 2 819 496, а в 2021 – 3 317 807 (См. Приложение 2, диаграмма № 2). Аналогичное повышение показателей наблюдается и в отношении числа судебных заседаний, в которых проводилась видеозапись: 2017 год – 118 639, 2018 год – 153 981, 2019 год – 214 637, 2020 год – 246 111, 2021 год – 318 622 (См. Приложение 2, диаграмма № 3).

В-четвертых, совершение процессуальных действий в рамках цифровой процессуальной формы позволяет мгновенно передавать информацию, не допуская

¹ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 19.08.2021).

² См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 19.08.2021).

³ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения 19.08.2021).

⁴ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения 19.08.2021).

⁵ См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения 28.07.2022).

пропуска процессуальных сроков, поскольку электронная подача документов предполагает направление иска 24 часа 7 дней в неделю.

В-пятых, цифровая процессуальная форма удовлетворяет потребности современного гражданского оборота, поскольку позволяет использовать технически усовершенствованные способы и средства передачи информации. В частности, в качестве доказательства по делу при определенных условиях могут быть приняты электронная переписка, смарт-контракт, обмен цифровыми финансовыми активами.

Так, например, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд по делу № А60-63900/2019 рассмотрел электронную переписку сторон в качестве доказательства, поскольку результат работ был направлен на электронную почту сотрудников истца, находился в облачном сервисе хранения файлов, к которому истцу был предоставлен доступ¹. В то же время по делу № А14-1360/2020 Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд признал электронную переписку сторон ненадлежащим доказательством в силу того, что факт соответствия адресов электронной почты заявителем подтвержден не был².

Таким образом, в условиях цифровизации правосудия наравне с устной и письменной формами появляется новый, более усовершенствованный, вид цивилистической процессуальной формы, определяемый в настоящем исследовании как «цифровая цивилистическая процессуальная форма».

1.3. Признаки цивилистической процессуальной формы в условиях цифровизации правосудия

Одной из ключевых отличительных характеристик любого правового явления и института является наличие совокупности признаков, отграничивающих

¹ См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.12.2020 № 17АП-8834/2020-ГК по делу № А60-63900/2019. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.08.2021).

² См.: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2021 № 19АП-757/2021 по делу № А14-1360/2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.08.2021).

рассматриваемую категорию от иных юридических форм и процедур. В этой связи применительно к теме настоящего исследования особое значение приобретают внутренние качества цивилистической процессуальной формы, раскрывающиеся через ее признаки.

В научной литературе выделяются различные черты, свойственные цивилистической процессуальной форме, но, как правило, основные из них совпадают¹.

В качестве самого главного признака следует выделить определяющую само существование процессуальной формы нормативность. Данный признак как основополагающий раскрывается в большинстве научных исследований процессуальной формы.

М.А. Гурвич утверждает, что нормы процессуального права в своей совокупности образуют процессуальную форму в широком значении².

Н.А. Чечина настаивает на том, что среди характеризующих процессуальную форму признаков следует выделить закрепление требований, составляющих ее содержание³.

М.К. Треушников называет одной из характерных черт процессуальной формы то, что порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел заранее определен нормами процессуального права⁴.

¹ См.: Советский гражданский процесс / Под ред. А.А. Добровольского М., 1979 С.8; Гагарин А.В. Взаимосвязь и взаимодействие гражданского процессуального права, гражданского процесса и гражданской процессуальной формы. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Ленинград, 1988. С. 73-91; Гражданский процесс: учебник / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М., 2001. С. 5 - 6; Гражданское процессуальное право России: учебник / О. В. Исаенкова, А. А. Демичев; под ред. О. В. Исаенковой. М.: Норма, 2009. С. 26-27; Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 66-73; Гражданский процесс: учебник для бакалавров / Под ред. В.В. Блажеева, Е.Е. Уксусовой. М., 2015. С. 47.

² См.: Советский гражданский процесс. Под ред. М.А. Гурвича. М., 1975. С.6.

³ См.: Юридическая процессуальная форма. Под ред.: В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло. М., 1976. С. 179.

⁴ См.: Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова; Под ред. М.К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2014. С. 27.

А.А. Мохов и П.М. Филиппов причисляют к основным чертам процессуальной формы установленную законом систему определенных требований, предъявляемых к порядку разрешения дел¹.

Также нормативно-правовая регламентация судопроизводства выделяется как специфическая черта процессуальной формы в научных трудах А.В. Никифорова².

Сложно не согласиться с тем, что каждое действие, осуществляемое участниками гражданского процесса, в рамках процессуальной формы имеет строгую нормативно-правовую регламентацию. Нарушение любого из требований процессуального закона влечет за собой определенные последствия.

Так, отсутствие предусмотренного статьей 54 ГПК РФ указания на специальные полномочия представителя в доверенности лишает его перечисленных в вышеуказанной статье прав³. Отсутствие подписи истца или его представителя в исковом заявлении по прямому указанию пункта 4 части 1 статьи 135 ГПК РФ является основанием для его возвращения⁴. Более того, как показывает практика, поступление в суд ксерокопии иска с отсутствием оригинальной подписи

¹ См.: Гражданский процесс: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. С. 5.

² См.: Никифоров А.В. Гражданский процесс: учебное пособие. 7-е изд. Москва: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2016. С. 4.

³ См.: Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 11.12.2019 по делу № 44г-371/2019. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021); Определение Ставропольского районного суда Самарской области от 17.07.2020 № 9-241/2020~М-1468/2020 Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021); Определение Ставропольского районного суда Самарской области от 30.04.2020 № 9-147/2020~М-856/2020. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

⁴ См.: Определение Октябрьского районного суда города Самары от 24.05.2021 № 9-601/2021~М-2326/2021. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021). Определение Октябрьского районного суда города Самары от 18.05.2021 № 9-583/2021~М-2264/2021. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

истца также влечет возвращение искового заявления на основании статьи 135 ГПК РФ¹.

Неисполнение возложенной на юридическое лицо в определении арбитражного суда по корпоративному спору обязанности уведомить о возбуждении производства по делу участников этого юридического лица, а также лиц, входящих в его органы управления и контроля, в соответствии с частью 4 статьи 225.4 АПК РФ может повлечь наложение судебного штрафа на лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа².

Несообщение в суд общей юрисдикции о принятых мерах по устранению выявленных в частном определении суда нарушений законности повлечет наложение на виновных должностных лиц судебного штрафа (ч. 3 ст. 200 КАС РФ). Таким же образом неисполнение определения суда о применении мер предварительной защиты по административному иску может повлечь наложение судебного штрафа на лиц, виновных в неисполнении (ч. 2 ст. 88 КАС РФ).

Недобросовестное процессуальное поведение участников гражданского процесса может стать основанием для взыскания компенсации за потерю времени (ст. 99 ГПК РФ). Как отметил в определении по делу № 88-6717/2020 Шестой кассационный суд общей юрисдикции, возможность взыскания утраченного заработка с проигравшей стороны не предусмотрена действующим гражданским процессуальным законодательством, однако статьей 99 ГПК РФ стороне предоставлено право взыскать с другой стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска, компенсацию за фактическую потерю времени³.

¹ См.: Определение Советского районного суда города Самары от 25.10.2019 № 9-453/2019~М-3758/2019. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

² См.: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2017 № 05АП-9653/2016 по делу № А24-4176/2016. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 22.08.2021).

³ См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2020 по делу № 88-6717/2020. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

Нарушение порядка в судебном заседании в соответствии со статьей 159 ГПК РФ может повлечь наложение на лицо судебного штрафа. Например, согласно протоколу судебного заседания от 10.02.2020 г. по делу № 2-88/20 председательствующим Воткинского районного суда Удмуртской Республики неоднократно было сделано замечание представителю истца в силу того, что последний постоянно перебивал суд, мешая вынести определение, при этом не реагируя на замечания судьи. Судом был объявлен перерыв в связи с окончанием рабочего дня, а после окончания перерыва вынесено определение о наложении судебного штрафа в порядке статьи 159 ГПК РФ. Представителем была сделана попытка обжаловать определение на основании вынесения в его отсутствие. Но Верховный суд Удмуртской Республики занял позицию суда первой инстанции и, не увидев никаких нарушений норм процессуального права, оставил частную жалобу без удовлетворения¹.

Аналогичным образом если в целях затягивания введения процедуры должник в деле о банкротстве будет заявлять возражение на требования кредитора, то такие действия будут признаны судом злоупотреблением правом, а возражение на основании части 2 статьи 41 АПК РФ – подлежать отклонению².

В то же время отсутствие в законе какого-либо возникшего на практике случая или основания влечет за собой невозможность совершения судьей того или иного действия, не предусмотренного законом. Например, при поступлении искового заявления у судьи есть четыре варианта действий: принять исковое заявление к своему производству, отказать в принятии искового заявления, возвратить иск или оставить его без движения (статьи 133-136 ГПК РФ, 127-129 АПК РФ, 127-130 КАС РФ). Соответственно, при разрешении вопроса о принятии искового заявления судья не вправе вынести определение, например, о

¹ См.: Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 21.12.2020 по делу № 33-4789/2020, 13-98/2020. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»// Российская газета, 2015. № 235.

прекращении производства по делу, поскольку на данном этапе такого действия процессуальным законом не предусмотрено.

Также судья не вправе отказать в принятии искового заявления, возвратить иск или оставить его без движения в случае, если при поступлении искового заявления установит, что иск подан ненадлежащим лицом. Это объясняется тем, что совершение всех трех вышеназванных процессуальных действий не предусматривает такого основания как «подача искового заявления ненадлежащим истцом». При таких обстоятельствах судья вынужден точно следовать стандартному порядку возбуждения производства по делу – принять исковое заявление к своему производству и при настаивании истца рассмотреть его требование по существу, завершив производство отказом в удовлетворении иска¹.

При обнаружении опечаток или явных арифметических ошибок по прямому указанию закона (ч. 1 ст. 200 ГПК РФ) судья не вправе изменить или отменить вынесенное им решение. В этом случае он может воспользоваться предусмотренным процессуальным кодексом механизмом исправления допущенных опечаток и ошибок посредством вынесения соответствующего определения (ст. 203.1 ГПК РФ, ч. 4 ст. 179 АПК РФ, ч. 3 ст. 184 КАС РФ).

Аналогичным образом, если по какому-либо заявленному требованию не было принято решение, был разрешен вопрос о праве, но суд не указал, предположим, размер присужденной суммы, или в решении суда не был разрешен вопрос о судебных расходах, судья не вправе внести изменения в уже вынесенное судебное постановление. Для этого существует порядок вынесения дополнительного решения (ст. 201 ГПК РФ, ст. 178 АПК РФ, ст. 183 КАС РФ), которое впоследствии становится частью решения суда в окончательной форме².

Таким образом, нормативность цивилистической процессуальной формы проявляется в нормативно-правовой регламентации порядка рассмотрения и

¹ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.04.2021 № 19-КАД21-1-К5. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении»// Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2004.

разрешения гражданских, административных дел и экономических споров, когда процессуально-правовое значение приобретают только те действия, которые предусмотрены законом. Неслучайно М.А. Алиэскеров называет процессуальную форму «строем гражданского процесса», придавая ей значение процессуального режима судопроизводства¹.

Поскольку нормативно-правовое регулирование подразумевает не хаотичное, а структурированное и организованное поведение участников процесса, нормативность имеет тесную связь с упорядоченностью действий, реализуемых в рамках судопроизводства и, как следствие, ведет к выделению второго признака процессуальной формы, обозначаемого в научной литературе как системность правил, образующих процессуальную форму².

Являясь одним из наиболее очевидных признаков цивилистической процессуальной формы, системность проявляется в следующих аспектах.

Во-первых, действующие цивилистические процессуальные кодексы содержат исчерпывающий перечень участников судопроизводства. В настоящий момент субъектами цивилистического судопроизводства признаются суд, лица, участвующие в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия.

При этом до ноября 2002 года гражданское процессуальное законодательство не предусматривало наличие в процессе такого субъекта, как специалист (ст.188 ГПК РФ)³. В арбитражный процесс статус специалиста был введен в 2011 году (ст. 55.1 АПК РФ)⁴. Процессуальный статус помощника судьи появился в ГПК РФ

¹ Алиэскеров М.А. Состязательный гражданский процесс в правовом социальном государстве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 101.

² См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 69.

³ См.: Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4531.

⁴ См.: Федеральный закон от 08.12.2011 г. № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» (ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7364.

и КАС РФ, как и в УПК РФ (ст. 244.1), сравнительно недавно¹. В то же время статус секретаря судебного заседания не нашел своего отражения в отдельной статье ГПК РФ, как это сделано, например, в статье 58 АПК РФ и статье 52.1 КАС РФ.

Кроме того, цивилистическому процессуальному законодательству России до сих пор остается неизвестным процессуальный статус понятого. Между тем данное лицо является полноправным субъектом гражданских процессуальных правоотношений, например, в Республике Беларусь (ст. 104 ГПК РБ)². ГПК РФ и АПК РФ не предоставляет самостоятельной правовой регламентации процессуальному статусу судебного пристава, оперируя лишь статусом судебного пристава-исполнителя как участника исполнительных правоотношений. Для сравнения – в Республике Казахстан судебный пристав имеет нормативно-закрепленный статус лица, участвующего в деле (ст. 56-3 ГПК РК)³.

Применительно к кругу субъектов цивилистических процессуальных отношений за рубежом, как отмечает Т.В. Сахнова, процессуальное законодательство Австрии и Германии вводит статус «сведущего свидетеля»⁴. В российских процессуальных кодексах положений о данном лице как участнике процесса не имеется.

Во-вторых, функциональное значение участников цивилистического процесса строго регламентировано – процессуальный закон не допускает возможности совмещения одним лицом различных процессуальных статусов, закрепляя за каждым из них определенную процессуальную роль.

Каждый субъект цивилистического судопроизводства имеет свои собственные основания для вступления в процесс. Например, в гражданском и

¹ См.: Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4854.

² См.: Гражданский Процессуальный Кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.05.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065 (дата обращения: 30.07.2021)

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053#pos=2;-108 (дата обращения: 30.07.2021)

⁴ См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 69.

арбитражном процессе третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, вступают в уже начатый между истцом и ответчиком процесс посредством подачи искового заявления¹. Вместе с тем третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований, могут вступить по своей инициативе, по ходатайству сторон или по инициативе суда (ст. 43 ГПК РФ, ст. 51 АПК РФ). Исковое заявление в этом случае не требуется, поскольку данный субъект не имеет материально-правового притязания к предмету спора и его вступление в процесс обусловлено возможностью нивелирования рисков регрессного требования².

Для каждого участника цивилистического процесса предусмотрен конкретно очерченный круг процессуальных прав и обязанностей. Единственное возможное исключение – институт процессуального соучастия, в рамках которого соистцы и соответчики вправе возложить обязанность представления своих интересов в суде на одного или нескольких лиц из своего числа (ч. 3 ст. 40 ГПК РФ, ч. 3 ст. 46 АПК РФ, ч. 3 ст. 41 КАС РФ).

Процессуальное законодательство налагает на истца обязанность по уплате государственной пошлины (п. 1 ст. 132 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 126 АПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 126 КАС РФ). Исключением из этого правила могут стать определенные налоговым законодательством основания для освобождения от уплаты (ст. 90 ГПК РФ, ст. 105 АПК РФ, ст. 104 КАС РФ)³. Следуя положениям части второй НК РФ, от уплаты государственной пошлины освобождаются истцы по Закону о защите прав потребителей (ч. 3 ст. 17). Также требование об уплате государственной пошлины не распространяется на прокурора (п. 1 ст. 333.37 части второй НК РФ). В то же время исковое заявление третьего лица, заявляющего самостоятельные требования, облагается государственной пошлиной, поскольку статус данного лица по своей природе близок к истцу, но не приравнивается к нему, так как третье лицо

¹ См.: Артебякина Н.А. Институт третьих лиц в гражданском и арбитражном судопроизводстве: некоторые проблемы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 19-21.

² См.: Чубарь А. А. Характер заинтересованности третьих лиц в гражданском процессе / А. А. Чубарь // Modern Science. 2021. № 6-1. С. 304-308.

³ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021)// Собрание законодательства РФ.2000. № 32. Ст. 3340.

не возбуждает процесс, а, как было отмечено выше, вступает в уже инициированное истцом производство по делу.

В отношении института правомочий наблюдается аналогичная дифференциация. Отказаться от иска вправе только истец, а признать иск – ответчик (ч. 1 ст. 39 ГПК РФ, ч. 2 и ч. 3 ст. 49 АПК РФ, ч. 2 и ч. 3 ст. 46 КАС РФ). Отменить судебный приказ может только должник (ст. 129 ГПК РФ, ч.2 и ч. 3 ст. 229.5 АПК РФ, ч. 1 ст. 1237 КАС РФ), а отменить заочное решение в гражданском судопроизводстве – ответчик (ст. 237 ГПК РФ). При этом имеет место и дифференцированное предоставление прав, но в зависимости от формы, в которой субъект участвует. Так, прокурор, вступающий в процесс в защиту прав неопределенного круга лиц вправе отказаться от иска, в то время как участие прокурора для дачи заключения по делу таким правом его не наделяет (ст. 45 ГПК РФ, ст. 52 АПК РФ, ст. 39 КАС РФ)¹.

В-третьих, деятельность участников процесса осуществляется в строго определенной последовательности в установленные законом сроки.

Как верно отмечает Г.Л. Осокина, разделение процесса на стадии необходимо в силу трех обстоятельств. Во-первых, процессуальная деятельность субъектов преследует разные цели. Во-вторых, различаются содержание и субъектный состав процессуальной деятельности. В-третьих, разнообразные направления процессуальной деятельности ведут к диаметрально-противоположным правовым последствиям².

Понятие стадии процесса, не имея законодательно закрепленной дефиниции, представлено в научной литературе довольно разными точками зрения.

Согласно исследованиям Т.В. Сахновой под стадией следует понимать часть процесса, выполняющую определенную задачу на конкретном этапе защиты права³.

¹ См.: Аушев М.А. Участие и полномочия прокурора в гражданском процессе// Modern Science. 2020. № 7-1. С. 110-113.

² См.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 90.

³ См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 82.

В понимании В.В. Яркова стадии – это составные части единого судопроизводства, характеризующиеся «общностью ближайшей процессуальной цели»¹.

Для М.К. Треушникова стадия представляет собой «совокупность процессуальных действий, направленных к одной близлежащей цели»². Близкое по смыслу определение можно также найти в научных работах Г.А. Жилина³ и Н.И. Масленниковой⁴.

Между тем в настоящее время исследователями не только даются разные дефиниции стадий цивилистического процесса, но и указывается их различное число.

Традиционно процессуалистами выделяется семь основных стадий: возбуждение производства по делу, подготовка дела к судебному разбирательству, судебное разбирательство, апелляционное производство, кассационное производство, надзорное производство и пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам⁵.

Однако имеет право на жизнь и точка зрения В.М. Шерстюка, который в одном из своих исследований предлагает выделять две крупные стадии – производство в суде первой инстанции и производство по пересмотру судебных актов, – объясняя свою позицию указанием на предмет подотраслей процессуального права⁶.

В противовес данной позиции следует привести мнение Г.А. Жилина, который считает возбуждение дела, его подготовку и разбирательство

¹ Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 8-е изд., пераб. и доп. М., 2012. С. 11.

² Гражданский процесс: учебник / . 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2014. С. 32.

³ См.: Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М., 2010. С. 106.

⁴ См.: Масленникова Н.И. Гражданский процесс как форма социального управления: монография. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 41-52.

⁵ См.: Мохов А.А., Воронцова И.В., Семёнова С.Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / отв. ред. А.А. Мохов. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. С. 26-28.

⁶ См.: Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права: монография. М., 1989. С. 19 - 46.

самостоятельными стадиями, существующими как в производстве суда первой инстанции, так и при пересмотре судебных постановлений¹.

Но наиболее интересным представляется изложение видения стадийности процесса, представленное в учебнике под редакцией А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова, согласно которому процесс делится на семь базовых стадий, но не исключается наличие восьмой стадии (исполнительного производства), исчезнувшей из цивилистического процесса в связи с реформированием порядка исполнения судебных решений².

В этой связи следует разграничить два понятия «цивилистическое судопроизводство» и «цивилистический процесс», при буквальном толковании которых необходимо понимать, что они соотносятся как часть и целое, поскольку, например, гражданский процесс помимо гражданского судопроизводства также включает в себя исполнительное производство, третейское производство и нотариат. Здесь же следует отметить, что до внесения изменений в статью 118 Конституции РФ гражданский процесс также включал в себя и арбитражное судопроизводство, которое сравнительно недавно получило статус самостоятельного судопроизводства наравне с гражданским, уголовным, конституционным и административным.

Следовательно, если мы говорим о стадиях цивилистического процесса, то целесообразным будет выделять восемь стадий, включая исполнительное производство, так как без исполнения судебного постановления теряется весь смысл судебного процесса как инструмента защиты и охраны нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

При этом, как уже было отмечено в первом параграфе настоящего исследования, стадии развиваются в строго установленной последовательности –

¹ См.: Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. С. 123–126.

² См.: Гражданский процесс: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», С. 11.

переход с одной стадии на другую происходит лишь при точном соблюдении предусмотренных для этого законом условий.

Каждая стадия, за исключением подготовки дела к судебному разбирательству, имеет установленные законом сроки. Осуществление действий на каждой стадии гражданского процесса аналогичным образом ограничено определенными процессуальными сроками. Так, для исправления недостатков в исковом заявлении устанавливается судебный срок (ст. 136 ГПК РФ, ст. 128 АПК РФ, ст. 130 КАС РФ), для подачи апелляционной жалобы на решение суда первой инстанции – законный месячный срок (ч. 2 ст. 321 ГПК РФ, ч. 1 ст. 259 АПК РФ, ч. 1 ст. 298 КАС РФ).

Процессуальная деятельность судьи также ограничена сроками. Например, на принятие искового заявления в гражданском и арбитражном процессе отводится пятидневный срок (ч. 1 ст. 133 ГПК РФ, ч. 1 ст. 127 АПК РФ), а на принятие административного искового заявления – трехдневный (ч. 1 ст. 127 КАС РФ); на рассмотрение дела по существу по общему правилу в гражданском и административном судопроизводстве – двухмесячный (ч. 1 ст. 154 ГПК РФ, ч. 1 ст. 141 КАС РФ), в арбитражном – шестимесячный (ч. 1 ст. 152 АПК РФ). Более того, с 2010 года гражданские процессуальные кодексы оперируют понятиями «разумный срок судопроизводства» и «разумный срок исполнения судебного постановления» (ст. 6.1 ГПК РФ, ст. 6.1 АПК РФ, ст. 10 КАС РФ).

Право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом закреплено в статье 6 Европейской Конвенции по правам человека¹. Дефиниция разумного срока российским законодателем завуалирована и дается косвенным образом через указание на правовую и фактическую сложность дела, поведение участников процесса, достаточность и эффективность действий суда, общую продолжительность судопроизводства по делу. Нововведение было связано с Постановлением ЕСПЧ по делу «Бурдов против Российской Федерации», обязавшим создать средство

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013)// Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

правовой защиты против неисполнения или несвоевременного исполнения решений национальных судов¹.

Все процессуальные действия участников цивилистического процесса имеют свое собственное выражение вовне, которое обличается в форму определённых документов – актов. Так, истец оформляет свою позицию в письменной форме посредством искового заявления (ст.ст. 131-132 ГПК РФ, 125-126 АПК РФ), административный истец – в форме административного искового заявления (ст.ст. 125-126 КАС РФ), ответчик – с помощью отзыва на иск или возражения (п. 2 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ, ст. 131 АПК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 135 КАС РФ), а судья обличает результаты рассмотрения и разрешения гражданского дела по существу в гражданском судопроизводстве в форму судебного постановления (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ), в арбитражном и административном – в форму судебного акта (ч. 1 ст. 15 АПК РФ). Как отмечает Н.А. Рассахатская: «Каждый вид правовых актов имеет собственную, свойственную только ему характеристику проявления в судебном порядке защиты прав»².

Вышеизложенное позволяет выделить в качестве третьего признака цивилистической процессуальной формы формальную определенность.

Действительно, абсолютно все действия, совершаемые участниками процесса, определенным образом фиксируются. Каждое отдельное процессуальное действие, совершаемое вне стен суда, оформляется специальным протоколом, например, протоколом осмотра вещественного доказательства (ч. 3 ст. 58 ГПК РФ, ч. 4 ст. 78 АПК РФ, ч. 2 ст. 166 КАС РФ). В рамках непосредственного рассмотрения дела в зале суда осуществляется фиксация хода судебного заседания в протоколе судебного заседания с параллельной аудиофиксацией (ст. 228 ГПК РФ, ст. 155 АПК РФ, ст.ст. 204-207 КАС РФ). Отсутствие в материалах дела протокола судебного заседания является безусловным основанием для отмены судебного

¹ См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов против РФ» №2 (Жалоба №33509/04), принятое 15 января 2009 года. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%5B%22001-90671%22%5D%7D> (дата обращения: 30.07.2021)

² Рассахатская Н.А. Акты судопроизводства и гражданская процессуальная форма // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 1. С. 50.

постановления судов вышестоящей инстанции (п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, п. 6 ч. 4 ст. 270 АПК РФ, п. 6 ч. 4 ст. 270 КАС РФ)¹. При этом отсутствие в материалах дела аудиозаписи судебного заседания при наличии письменного протокола, по мнению Шестого кассационного суда общей юрисдикции, таким основанием являться не будет².

Таким образом, формальная определенность процессуальной формы позволяет оперативно выявить нарушение предусмотренного законом порядка, тем самым способствуя реализации принципа законности.

Если формальная определенность подразумевает некий элемент стабильности процессуальной формы, поскольку означает фиксацию того или иного процесса, то в условиях стремительного развития цифровых технологий и сопутствующего ему усовершенствования нормативно-правового регулирования общественных отношений выделяется еще один неотъемлемый признак цивилистической процессуальной формы, именуемый процессуалистами как динамизм.

Как нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров цивилистическая процессуальная форма должна отражать все происходящие в системе правосудия изменения.

Так, 9 мая 2017 года Президент РФ подписал Указ № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы», согласно положениям которого, направление развития информационной политики должно быть обращено не только к созданию основ нормативно-правовой регламентации информационных технологий, но и к формированию

¹ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 по делу № 88-7959/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021). Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 № 88-5661/2021. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

² См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2021 по делу № 88-13211/2021, 2-3195/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

единой информационной структуры в рамках реализации цели построения информационного общества в России¹. В свою очередь одним из ключевых сегментов информационного общества являются институты судебной власти, цифровая модернизация которых в большей степени осуществляется за счет трансформации информационного обеспечения.

Применительно к отправлению правосудия в цивилистическом процессе понятие информационного обеспечения судебной власти следует рассматривать в двух смысловых значениях.

В широком смысле под информационным обеспечением понимается «общий информационный ресурс современного постиндустриального общества», оперирующий технологиями, призванными облегчить процесс принятия юридически-значимых решений².

В узком смысле информационное обеспечение судебной власти представляет собой самостоятельный институт, регламентирующий процессы поиска, сбора, обработки, хранения и распространения информации судами и иными участниками судебного производства.

Следовательно, при определении дефиниции информационного обеспечения на первый план выходит понятие информации, составляющей базис юридически-значимых действий участников процесса.

Легальное закрепление информация получила в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно положениям которого под ней понимаются сведения независимо от формы их представления (ст. 2).

В информационном праве информация определяется как средство, снимающее энтропию события или объекта познания³.

¹ См.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

² Цуцкова М.Г. Информационное обеспечение в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2015. С. 60.

³ См.: Бачило И.Л. Информационное право: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 93.

В научных кругах данным термином называют сообщения о событиях, происходящих в правовой системе общества¹, а также массивы правовых актов и правоприменительной практики².

Соответственно, лексическое значение информации (как в правовом поле, так и в доктринальном понимании) сводится к сведениям, данным и знаниям.

В то же время в аспекте цивилистического процесса понятие информации, на наш взгляд, необходимо пересмотреть. Сведения, данные и знания по своей природе статичны. Между тем процессы, в которые они вовлечены, обладают признаками динамики. Информация в сфере судебной власти – это не отдельные значения, а массив данных, отражающий процесс движения конкретного дела и деятельность суда в целом. Например, получаемые сторонами сведения подвержены изменениям в силу того, что судебное заседание может быть перенесено. В этом случае существенно меняется содержание конечных данных, которые и представляют процессуальный интерес, влекущий за собой юридически-значимые действия.

В связи с этим рассмотрение информации как отдельных процессуальных знаний теряет всякий смысл, поскольку информация в цивилистическом процессе в силу её процессуально-правовой природы является массивом данных, каждый блок которого по аналогии с технологией блокчейн связан процессуальной цепью действий, и внесение изменений в один из них отражается на последующем звене.

Следовательно, применительно к цивилистическому процессу под информацией необходимо понимать массив данных, преобразующихся в конечный объект, представляющий собой результат информационного обеспечения. В качестве инструментов такого преобразования следует рассматривать информационные технологии.

¹ См.: Рассолов М.М. Правовая информатика и управление в сфере предпринимательства: учебное пособие / М.М. Рассолов, В.Д. Элькин, И.М. Рассолов. М.: Юристъ, 1996. С. 184.

² См.: Бурцева Е.В. Информационные технологии в юриспруденции: учебное пособие / Е.В. Бурцева, А.В. Селезнёв, В.Н. Чернышов. Тамбов: Издательство ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2012. С. 11.

В силу последних изменений в федеральном законодательстве информационные технологии интерпретируются как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов¹.

В то же время легального понятия цифровых технологий в действующем законодательстве на данный момент не содержится. Как верно отмечает в одном из своих исследований А.А Щелокова, данный термин встречается только в Паспорте федерального проекта «Цифровые технологии», который в свою очередь оперирует понятием «сквозных» цифровых технологий². К таким технологиям, согласно документации к вышеназванному проекту, следует относить большие данные; новые производственные технологии; промышленный Интернет; искусственный интеллект; технологии беспроводной связи; компоненты робототехники; квантовые технологии; системы распределенного реестра; технологии виртуальной и дополненной реальностей³.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что цифровые технологии являются разновидностью информационных или, как справедливо указывает А.А Щелокова, «представляют собой явление, более «продвинутое», следующий этап в развитии информационных технологий»⁴.

В нашем понимании цифровые технологии действительно являются «частным случаем» информационных технологий, что также можно обосновать,

¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

² См.: Паспорт федерального проекта "Цифровые технологии" (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9). Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovyye-tehnologii.pdf> (дата обращения: 28.07.2022).

³ См.: Проект «Цифровые технологии». Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/878/> (дата обращения: 28.07.2022).

⁴ См.: Щелокова А.А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11 - 13.

обратившись к природе самой информации. Применительно к вопросу о применении технологий в цивилистическом процессе на первый план выходит проблема фиксации информационного массива, поскольку для разрешения правового спора главенствующую роль играет не сам способ обработки информации, а его конечное значение, которое должно быть представлено в форме, позволяющей его исследовать. Так, например, по форме хранения информация подразделяется на аналоговую и цифровую. Дифференциация в этом случае проводится в силу того, что аналоговая информация непрерывна, а цифровая — дискретна. Соответственно, информационные технологии как процесс и метод работы с информацией, включающий в себя, в том числе, ее хранение, подразделяются на технологии, основанные на аналоговом сигнале, и технологии раздельного, так-называемого «дискретного», сигнала.

Таким образом, цифровые технологии представляют собой одну из возможных разновидностей информационных технологий, что в свою очередь также позволяет определить соотношение используемых в цивилистической доктрине понятий «информатизации» и «цифровизации».

В нашем понимании понятие «информатизация», исходя из правил морфемики и этимологии, базируется на двух терминах — «информация» и «информационные технологии». Соответственно, термин «цифровизация» происходит от корня «*цифр*», который присутствует в выше проанализированном нами понятии «цифровых технологий». Последнее позволяет сделать вывод о том, что лексическое значение информатизации сводится к процессу внедрения информационных технологий, в то время как цифровизация представляет собой частный случай информатизации, а именно: процесс внедрения цифровых технологий как одной из разновидностей информационных технологий.

Выступая в качестве средств информационного обеспечения судебной власти, информационные технологии привлекают к себе пристальное внимание законодателя, поскольку без их правовой регламентации внедрение новаций в судебную систему является бессмысленным. В отсутствие нормы права или соответствующих разъяснений вышестоящих инстанций суды скептически

относятся к цифровым новациям, тем самым лишая участников процесса предусмотренного законом права на использование результатов технического прогресса со всеми присущими ему преимуществами. Неслучайно с появлением в Постановлениях Пленума ВС РФ разъяснений о допустимости электронного сообщения количество гражданских дел, по которым представляются такие доказательства, начало стремительно расти¹.

Во избежание наиболее распространенного в России стереотипного подхода к цифровой модернизации судебной системы следует рассмотреть концептуальные и институциональные основы информатизации, в качестве которых выступают цели внедрения и основные начала использования технологий нового поколения при отправлении правосудия по гражданским, административным делам и экономическим спорам.

К концептуальным целям цифровой трансформации необходимо отнести повышение эффективности механизма реализации и защиты прав и свобод участников общественных отношений. Так, например, автоматическое распределение дел окончательно исключает возможность оказания влияния на судебную систему, тем самым нивелируя все имеющиеся в судебной практике риски нарушения предусмотренного Основным законом государства принципа независимости судей. Электронная подача процессуальных документов и возможность использования систем ВКС позволяет обеспечить доступность защиты прав и свобод на всей территории страны. Обязательное аудиопротоколирование хода судебного заседания и опубликование решений суда на официальном сайте способствуют обеспечению гласности и открытости российского судопроизводства, впоследствии повышая качество правосудия и доверие к нему.

При этом надлежащее качество правосудия и высокий уровень доверия могут иметь место только при условии его отправления независимым судом с

¹ См.: Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 189 - 204.

непрекословным соблюдением принципов гласности и открытости. Это в свою очередь не только соответствует началам судебного реформирования второй половины XIX века¹ и является фундаментом отправления правосудия в соответствии с Конституцией РФ (ст.ст. 118-124), но и подтверждает идею о том, что реализация общих целей возможна исключительно в условиях внедрения и использования информационных технологий в их неразрывном единстве.

К институциональным целям относят снижение нагрузки на судей, сокращение сроков рассмотрения дел и процессуальных издержек, снижение нагрузки на судебный аппарат, улучшение коммуникации с неразрывно связанным с ним облегчением информационного взаимодействия в рамках цивилистического судопроизводства².

Снижение нагрузки на судей происходит посредством автоматизированного распределения дел, которое позволяет учесть не только специализацию, но и загруженность судей. При этом также повышается качество рассмотрения дел, поскольку, например, судьи, специализирующиеся на земельных спорах, не могут и не должны рассматривать гражданские дела из сферы действия интеллектуального права, так как те же исключительные права, в отличие от земельных правомочий, имеют существенную специфику.

Так, 13 марта 2020 года в деле о защите авторских прав судья Вахитовского районного суда г. Казани не разобрался в материалах дела и вынес отрицательное решение, оставив иск народной артистки Республики Татарстан без удовлетворения³. При этом представитель истца представил суду все необходимые документы, свидетельствующие о нарушении права. Но судья надлежащим образом не исследовал представленные сторонами доказательства и не учел, что правообладатели музыки на спорное произведение не состояли в Российском

¹ См.: Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / Под. Ред. Е.А. Борисовой. М., 2014. С. 154.

² См.: Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2017. С. 30-31.

³ См.: Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 13.03.2020 г. по делу № 2-1074/2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2021).

авторском обществе, что в свою очередь влечет нарушение прав истца при отсутствии его согласия на исполнение третьими лицами музыки, исключительное право на которую принадлежит истцу. Как следствие, энтропия со стороны судьи в отношении тонкостей части IV Гражданского кодекса РФ повлекла принятие судом решения, нарушающего нормы материального права, что в последующем обоснованно отметила апелляционная инстанция¹.

Сокращение сроков рассмотрения дел и снижение расходов происходит за счет уведомления участников процесса посредством интернет-сервисов и смс-извещений. Одну из ведущих ролей также играет внедрение элементов электронного документооборота, который наравне со снижением сроков и издержек уменьшает нагрузку на аппарат суда и повышает скорость коммуникации между судами и иными органами, тем самым обеспечивая оперативное информационное взаимодействие.

Среди функциональных целей, во-первых, необходимо отметить экономию средств и времени участников судебного разбирательства, что обеспечивается за счет дистанционного ознакомления с актами суда, исключения прямой обязанности направления извещений и документов по почте России и отсутствия необходимости фактического присутствия в зале судебного заседания. Кроме того, участие в процессе в режиме онлайн также способствует обеспечению доступности судебной защиты, в частности, лицам с ограниченными возможностями.

Во-вторых, целью является облегчение построения правовой позиции в силу технических возможностей современного программного обеспечения. Наиболее яркими примерами в России являются справочные правовые системы «Гарант» и «КонсультантПлюс». В США набирает популярность аналитическая платформа «ROSS» – первый в мире «адвокат» с искусственным интеллектом, который, получив запрос, автоматически проводит поиск по всем возможным базам данных, анализирует полученные результаты и генерирует необходимый пользователю

¹ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 06 июля 2020 года по делу № 33-8972/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

ответ, обосновывая свои выводы ссылками на первоисточники¹. Также примером может стать продукт «iManage RAVN», способный автоматически читать, интерпретировать, классифицировать и извлекать ключевые данные из юридических документов².

Соответственно, цифровизация цивилистического процесса обусловлена достижениями технического прогресса, позволяющими усовершенствовать информационное обеспечение судебной власти посредством внедрения цифровых новаций в систему отправления правосудия. Постепенная модернизация процессуальных отношений становится закономерным этапом развития цивилистического процесса, тем самым вынуждая порядок отправления правосудия адаптироваться под реалии цифровой действительности.

Вышеизложенное позволяет поставить вопрос о необходимости выделения еще одного признака цивилистической процессуальной формы, который в условиях цифровой трансформации порядка отправления правосудия должен быть определен как «процессуально-правовая адаптивность».

Применительно к цивилистической процессуальной форме под процессуально-правовой адаптивностью следует понимать гибкость цивилистической процессуальной формы по отношению ко всем способам рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров.

В этой связи не оспаривается, что в науке цивилистического процессуального права уже имеет место признак всеобщности (универсальности) цивилистической процессуальной формы, подразумевающий распространение предусмотренного процессуальным кодексом процессуального порядка по всем стадиям и применительно к любым категориям дел: гражданским, земельным, трудовым,

¹ См.: Официальный сайт ROSS Intelligence. URL: <https://blog.rossintelligence.com/> (дата обращения: 26.07.2021).

² См.: Официальный сайт компании iManage. URL: <https://imanage.com/> (дата обращения: 26.07.2021).

жилищным и иным в соответствии с ГПК РФ¹; спорам, возникающим из гражданских, корпоративных и иных правоотношений в соответствии с АПК РФ², а также ко всем категориям дел в соответствии с КАС РФ³. Однако в контексте процессуально-правовой адаптивности следует отметить, что предусмотренный процессуальным законодательством порядок в эпоху информационных технологий должен быть релевантным не только по отношению к традиционным спорам, но и применительно к нестандартным случаям, когда платформа судопроизводства постепенно переходит на цифровые рельсы.

Последнее свидетельствует о том, что цивилистическая процессуальная форма должна обладать свойством гибкости, то есть быть способной адаптироваться под рассмотрение судебных дел как с использованием цифровых технологий, так и без их применения.

В XXI веке, говоря о цифровом судопроизводстве и возможностях искусственного интеллекта в судебной системе, необходимо понимать, что действующие на данный момент правила так или иначе постепенно приспособляются к цифровой среде. В частности, исследование смарт-контрактов и связанных с цифровыми финансовыми активами транзакций требует технически усовершенствованных способов разрешения материально-правовых споров.

В настоящее время появляются возможности рассмотрения дела в режиме онлайн, расширяется сфера реализации цифровых прав. В условиях глобальной цифровой трансформации цивилистическая процессуальная форма не может оставаться вне процессуально-правовой модернизации и, как следствие,

¹ См.: Алексеев А.А. Принцип гибкости гражданской процессуальной формы в российском гражданском процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14. № 4. С. 68-72.

² См.: Дудникова Г.В. Арбитражная процессуальная форма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2005. С. 61.

³ См.: Опалев Р.О. К вопросу о единстве и дифференциации процессуальной формы административного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. №№ 9. С. 56 - 60.

приобретает новые – «цифровые» – черты, которые и предлагается в настоящем исследовании обозначить процессуально-правовой адаптивностью.

При этом определение «процессуально-правовой» указывает на природу процессуальной формы, раскрывающуюся через возможность адаптации применительно ко всем элементам судебного процесса и нормам права, его регламентирующим, а понятие «адаптивность» вводится в значении гибкости процессуальной формы, когда форма отправления правосудия способна оперативно «приспосабливаться» к любой возможной, но в то же время легальной среде защиты прав и свобод субъектов правоотношений. Здесь же следует отметить, что применение термина адаптивности также имеет место в исследованиях процессуальной формы, но применительно к уголовно-процессуальному порядку разрешения уголовных дел, когда под адаптивностью понимается «способность к быстрой перестройке, изменению содержания и структуры формы в зависимости от складывающихся условий»¹. Между тем применительно к положениям настоящего исследования адаптивность не подразумевает кардинальное изменение и перестройку процессуальной формы, указывая на ее гибкость – возможность применения единой структуры и содержания к различным средам отправления правосудия в рамках цивилистического процесса.

В настоящее время отправление правосудия в цивилистическом процессе предполагает две альтернативные среды – стандартную и цифровую. Так, подавая исковое заявление на бумажном носителе, например, через канцелярию суда, истец возбуждает производство по делу стандартным способом, в то время как направление в суд электронного иска будет рассматриваться как действие, произведенное в цифровой среде (ч. 1 ст. 131 ГПК РФ, ч. 1 ст. 125 АПК РФ, ч. 1 и ч. 8 ст. 125 КАС РФ). Аналогичным образом за участником цивилистического процесса остается выбор – принять участие в судебном заседании лично или

¹ См.: Никитина С.В. Процессуальная форма и обоснованность судебных решений в досудебном производстве по уголовным делам// Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 72-79.

посредством возможностей удаленной связи, например, с помощью системы веб-конференции (ст. 155.2 ГПК РФ, ст. 153.2 АПК РФ, ст. 142.1 КАС РФ).

Соответственно, внедрение в судебную систему цифровых технологий привело к возникновению двух сред отправления правосудия – стандартной и цифровой. В обеих средах, исходя из природы отправления правосудия, должен действовать единый порядок, базирующийся на руководящих началах цивилистического процесса. Обе среды должны включать единый комплекс прав и обязанностей участников судебного процесса. Безусловно, в этом случае не исключается, что в каждой из сред будут проявляться свои собственные процессуальные нюансы. Например, в зависимости от природы подаваемого документа действующим законодательством могут предъявляться различные требования к тому, какой именно разновидностью электронной подписи должен быть подписан такой документ (абз. 2 ч. 4 ст. 131 ГПК РФ, абз. 2 ч. 1 ст. 125 АПК РФ, ч. 9 ст. 125 КАС РФ). Но в то же время ко всем документам, подаваемым в суд предъявляются единые требования, в частности, действующие процессуальные кодексы предъявляют одинаковые требования к содержанию искового заявления, подаваемого как на бумажном носителе, так и в электронном виде (ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, ч. 2 ст. 125 АПК РФ, ч. 2 ст. 125 КАС РФ).

Вышеизложенное позволяет провести параллель с признаком универсальности процессуальной формы, но понятие адаптивности применительно к цифровизации цивилистического процессе все же остается более точным, поскольку включает в себя гибкость не только порядка отправления правосудия по отношению к каждой из выделяемых сред, но и способность оперативно приспосабливаться к изменяющимся условиям и обстоятельствам. Последнее имеет принципиальное значение, поскольку в реалиях современной действительности наблюдается стремительное развитие цифровых технологий, в то время как, например, движение дела по стадиям и выделение категорий дел (в отношении универсальности) в большей степени остаются статичными.

Таким образом, в настоящее время необходимо выделять шесть основных признаков цивилистической процессуальной формы, к которым следует отнести

нормативность, системность, формальную определенность, динамизм, универсальность и процессуально-правовую адаптивность. Последняя в условиях цифровой модернизации порядка отправления правосудия определяется как гибкость цивилистической процессуальной формы по отношению к способам рассмотрения и разрешения всех возможных категорий дел в соответствии с правилами, установленными процессуальным кодексом.

1.4. Детерминизм цифровой процессуальной формы и руководящих положений цивилистического процесса

Любое реформирование процессуального законодательства, в том числе с помощью информационных или составляющих их цифровых технологий, должно осуществляться в точном соответствии с его базовыми началами – принципами цивилистического процесса. Как справедливо отмечает О.В. Исаенкова, «принципы предопределяют содержание деятельности суда и участников гражданских процессуальных правоотношений. Именно с помощью принципов достигается цель гражданского судопроизводства»¹.

В доктрине под принципами традиционно понимаются руководящие нормы цивилистического процессуального права, отражающие его структуру, природу и содержание. При этом в научной литературе можно встретить самые различные интерпретации их лексического значения.

В.В. Молчанов раскрывает данное понятие через закрепленные в правовых нормах основополагающие положения, упорядочивающие отправление правосудия².

В понимании К.С. Юдельсона принципами именуются теоретические составляющие отрасли, лежащие в основе необходимости правового регулирования

¹ Исаенкова О.В. О проектной модели принципов гражданского процессуального права // Перспективы развития гражданского процессуального права: Материалы международной научно-практической конференции (г. Саратов, 16 сентября 2017 г.): Сб. науч. ст. / Под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Саратовская гос. юрид. акад., 2017. С. 156

² См.: Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2014. С. 61.

процессуальных отношений¹, а в научных исследованиях М.А. Гурвича это руководящие начала, отражающие специфику процессуального права².

Соответственно, в науке принципы отрасли раскрываются, с одной стороны, через руководящие начала, а с другой – посредством указания на их правовую форму. В этой связи возникает вопрос, является ли достаточным при определении природы принципов делать акцент исключительно на их доктринальную составляющую, при этом не учитывая нормативность.

По мнению А.Т. Боннера, ответ лежит в плоскости нормативно-правового регулирования общественных отношений. В соответствии с его точкой зрения характерной чертой правового принципа является его обязательность, следовательно, он должен быть выражен в правовой форме³.

Действительно, любой правовой принцип, лежащий в основе отрасли права, не должен оставаться вне правового поля, поскольку без соответствующей правовой регламентации ни один принцип не сможет стать руководящим положением, так как не получит необходимого механизма для реализации. Руководящие начала являются основой для функционирования отрасли права и, как следствие, должны соответствовать реалиям современной действительности. В противном случае принципы могут превратиться в простые декларации, не имеющие никакого процессуально-правового значения⁴.

Соответственно, прежде всего, цифровые новации в процессуальной форме должны быть закреплены в «кровеносных сосудах правосудия⁵» – принципах цивилистического процессуального права.

¹ См.: Советское гражданское процессуальное право. Под ред. К.С. Юдельсона. М., 1965. С. 16.

² См.: Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. Москва, 1950. С.25.

³ См.: Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. III. Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М.: Проспект. С 12.

⁴ См.: Федина А.С. Форма и содержание принципов гражданского процессуального права. Журнал российского права, 2014. №11. С. 107-114.

⁵ Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / под ред. В.М. Бозрова. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2017. С. 167.

По объекту регулирования принципы процессуального права можно дифференцировать на организационно-функциональные и функциональные¹. Информационные технологии имеют прямое отношение и к организационной, и к функциональной природе принципов цивилистического процесса. При этом в силу последних тенденций сфера реализации организационно-функциональных принципов подвержена большему влиянию со стороны цифровых новаций, что также не исключает модернизацию функциональной области применения информационных технологий. В этой связи наиболее целесообразным будет рассмотреть влияние новелл на принципы процессуального права, выстроив логику изложения в зависимости от степени воздействия.

Находясь в эпицентре цифровой модернизации судебной власти в России, закрепленный в статье 10 ГПК РФ, статье 11 АПК РФ и КАС РФ принцип гласности стал одним из проводников информационных технологий в цивилистическом процессе. Как показывает практика, данный принцип неразрывно связан с такими понятиями, как открытость, публичность и доступность. При этом в доктрине имеет место привлекательная для процессуалистов дискуссия о содержании и соотношении этих четырех терминов, вследствие которой в научной сфере появились новые знаменатели – транспарентность и прозрачность.

Следует согласиться с точкой зрения А.А. Смолы, который настаивает на том, что понятия «гласность» и «открытость» правосудия должны рассматриваться как часть и целое². Гласность – это принцип, относящийся к судебному разбирательству, когда рассмотрение дел во всех судебных органах должно быть открытым, что полностью соответствует положениям статьи 123 Конституции РФ. В то же время термин «открытость» применим ко всему цивилистическому процессу в целом и охватывает все возможные формы получения информации о судоустройстве.

¹ См.: Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2014. С. 32.

² См.: Смолы А.А. Актуальные вопросы реализации принципа гласности судебного разбирательства в арбитражных судах Российской Федерации//Вестник гражданского процесса. 2012. №5. С. 47-77.

Публичность, по мнению Е.В. Васьковского, является самостоятельным принципом, одно из ключевых проявлений которого – «право печатания отчетов о делах в прессе»¹. Соответственно, публичность подразумевает возможность каждого следить за отправлением правосудия судами.

Как следствие, доступность имеет неразрывную связь со всеми вышеперечисленными понятиями и обеспечивается современными техническими средствами информационного обеспечения, к числу которых мы можем отнести использование систем ВКС и веб-конференций, новации в институте судебного извещения, обнародование актов судов с помощью электронных сервисов, а также аудио- и видеопотоколирование хода судебного разбирательства.

Однако наиболее релевантный интерес в сфере обеспечения доступности судебной власти вызывает возможность интернет-трансляций, которая позволяет одновременно достичь гласности, публичности и доступности правосудия.

Практику интернет-трансляций судебных заседаний начал Президиум Высшего арбитражного суда РФ. Затем данная возможность появилась у Конституционного суда РФ. В 2015 году суды общей юрисдикции заявили о своей готовности к онлайн-трансляции судебных процессов².

Сегодня практика интернет-трансляций активно используется Арбитражным судом Республики Марий Эл, где на официальном сайте суда через функционал YouTube в режиме реального времени транслируются судебные заседания из семи залов судебных заседаний суда³.

¹См.: Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 417.

² См.: Информатизация судебной системы: первоочередные задачи и перспективы развития: интернет-интервью с Л.А. Юхневичем, руководителем ФГБУ «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2021).

³ См.: Трансляция заседаний суда// Официальный сайт Арбитражного суда Республики Марий Эл. URL: https://mari-el.arbitr.ru/court_video/Zal1/ (дата обращения: 29.07.2022).

Аналогичная форма обеспечения доступности судебной власти имеет место в практике Верховного суда Великобритании, который в 2012 году начал извещать о своих решениях через сеть микроблогов Twitter¹.

Понятия «транспарентность» и «прозрачность» в научной литературе всё чаще используются как синонимы, подразумевая не только гласность, открытость, публичность и доступность правосудия, но и широкую информированность обо всех элементах механизма осуществления судебной власти в России².

При этом транспарентность, по мнению Е.А. Малько, определяется в трёх связанных между собой аспектах. Институциональный отражает демократизм судебной системы. Функциональный раскрывает судебную деятельность через призму её информационной открытости, а экономический характеризует прозрачность финансирования³.

Формирование четких представлений о соотношении данных категорий в практике российских процессуалистов всё еще отсутствует и, как следствие, требует определения более точного критерия дифференциации. Таким критерием может стать не только характер информации о деятельности суда, как предлагает в силу цифровизации отправления правосудия И.Н. Спицин⁴, но и сам объект, в отношении которого реализуется тот или иной принцип, и метод его реализации.

Объектом гласности является деятельность суда и иных участников процесса, осуществляемая в рамках судебного заседания. Объектом открытости, публичности и доступности – система правосудия в целом. Но методом обеспечения публичности выступает обнародование информации, методом доступности – предоставление возможности третьим лицам осуществлять

¹ См.: Кудрявцева Е.В. Тенденции развития английского гражданского процессуального права после принятия Правил гражданского судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2012. №2. С. 177-179; The UK Supreme Court: Twitter policy. URL: <https://www.supremecourt.uk/twitter-policy.html> (дата обращения: 05.04.2021).

² См.: Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. Монография. С.-Пб.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. С. 14.

³ См.: Малько Е.А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики // Арбитражный и гражданский процесс, 2013. № 11. С. 2-7.

⁴ См.: Спицин И.Н. Транспарентность в цивилистическом процессе: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 284.

сторонний контроль судебной деятельности, а методом открытости – одновременное обеспечение публичности и доступности.

При этом под прозрачностью, по нашему мнению, следует понимать открытость, включающую в себя, как мы выяснили, публичность, доступность и информированность, в то время как под транспарентностью – обеспечительный механизм, позволяющий достичь прозрачности правосудия.

Настоящая позиция объясняется тем, что транспарентность затрагивает абсолютно все элементы судебной власти (институциональный, функциональный и экономический), при этом не позволяя отдельным аспектам отправления правосудия стать доступными. Так, например, при размещении итоговых судебных актов на официальных сайтах судов часть информации обезличивается в целях защиты персональных данных¹.

Реализация принципа независимости судей как одного из руководящих организационно-функциональных начал обеспечивается благодаря использованию автоматизированной системы распределения дел, что значительно снижает риски оказания давления на конкретного судью, исключая коррупциогенные факторы. Также в этом аспекте существенное значение имеет открытость информации о судебной системе, в частности, о доходах и расходах судьи и членов его семьи, принадлежащем ему на праве собственности имуществе и т.д.².

Например, на официальном сайте Верховного суда РФ в разделе «Противодействие коррупции» содержатся сведения о финансовом состоянии судейского корпуса. Аналогичные данные можно найти на официальных сайтах арбитражных судов и федеральных судов общей юрисдикции РФ.

¹ См.: Ревнов Б.А. О некоторых вопросах деперсонификации и опубликования в сети «Интернет» текстов судебных актов // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 27-30.

² См.: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 05.04.2021) // Российская юстиция. № 11. 1995; Указ Президента РФ от 18.05.2009 г. № 558 «О представлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2021).

Одним из базовых функциональных принципов гражданского процессуального права считается принцип состязательности, закрепленный в статье 12 ГПК РФ, статье 9 АПК РФ и статье 14 КАС РФ.

Состязательность сторон проявляется в двух связанных между собой аспектах. С одной стороны, это право и обязанность участников процесса обосновывать свои требования и возражения, а с другой – формальная сторона рассмотрения дела – так называемый поединок истца и ответчика с целью доказать свою правовую позицию¹. Следовательно, цифровые технологии оказывают воздействие на реализацию данного принципа через инновационное влияние на состязательность процесса и посредством предоставления сторонам современных возможностей обоснования юридического интереса. Примером влияния на ход процесса стало участие лиц в судебном заседании путем использования систем ВКС в соответствии со статьями 155.1 ГПК РФ, 153.1 АПК РФ, 142 КАС РФ и веб-конференции в соответствии со статьями 155.2 ГПК РФ, 153.2 АПК РФ, 142.1 КАС РФ, а примером внедрения новых технологий в процесс доказывания – возникновение электронной информации в качестве допустимого доказательства по делу в силу статей 71 ГПК РФ, 75 АПК РФ и 70 КАС РФ.

Реальное состязание сторон может иметь место только при соблюдении равенства возможностей участников процесса. Как верно отмечает В.В. Ярков, доступ к электронной системе правосудия должен быть открыт на равных правах, включая равенство технических возможностей². Это в свою очередь свидетельствует о том, что на данный момент цифровизация судебной системы встречается с противоречием в отношении реализации принципа равноправия сторон, поскольку сегодня достижение информационного равенства в России – цель достижимая, но не достигнутая.

¹ См.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 151; Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2014. С. 49; Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 134; Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданский процесс: учебник. 7-е изд., перераб. М.: 2016. С. 28.

² См.: Ярков В.В. Электронное правосудие и принципы гражданского процесса // Закон. М.: Закон, 2011. № 2. С. 44-50.

В аспекте цифровизации отправления правосудия информационное равенство подразумевает обеспечение равных возможностей при использовании технологий нового поколения в сфере реализации права на обращение в суд. Но сегодня, к сожалению, утверждение о достижении информационного равенства в Российской Федерации можно назвать иррациональным.

В апреле 2020 года в силу событий, связанных с карантином из-за COVID-19, все учебные заведения России перешли на дистанционное обучение. Между тем, например, в г. Казани большинство – 97,7% обучающихся – были готовы заниматься дистанционно, однако 2,3% (~3 200 человек) не имели технической возможности¹.

По результатам исследования Аналитического центра НАФИ, проведенного в начале 2020 года, на сегодняшний день только 27% россиян обладает высоким уровнем цифровой грамотности, что также обуславливает невозможность большинства граждан и организаций перейти на дистанционную форму работу в условиях самоизоляции².

Следовательно, с одной стороны, причина нарушения принципа информационного равенства сводится к низкому уровню условий для цифровизации: на данный момент все ещё есть граждане, не имеющие технических средств или не обладающие навыками работы с ними. Но, с другой стороны, некоторая стагнация наблюдается и в отношении правового знаменателя. Так, например, в регламентирующих механизм участия в судебном заседании путем использования систем ВКС и веб-конференций статьях 155.1 и 155.2 ГПК РФ, 153.1 и 153.2 АПК РФ, 142 и 142.1 КАС РФ содержится формулировка «при наличии в судах технической возможности». Как следствие, настоящее положение не только ставит использование современных средств информационного обеспечения в

¹ См.: В Казани не имеющих компьютера и выхода в Сеть школьников будут обучать по телефону// Татмедиа. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/science/30-03-2020/v-kazani-ne-imeyuschih-kompyutera-i-vyhoda-v-set-shkolnikov-budut-obuchat-po-telefonu-5732507> (дата обращения: 05.04.2021).

² См.: Цифровая грамотность россиян: исследование 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 14.04.2020).

зависимость от материально-технического составляющего, но и прямо нарушает принцип информационного равенства.

В то же время за рубежом данный вопрос уже не является актуальной проблемой.

В Сингапуре лица, по разным причинам не имеющие возможность подать документы через электронную систему EFS, за разумную плату могут прибегнуть к помощи созданных в 1994 году сервисных бюро LawNet. Сотрудники бюро оказывают помощь в обработке и представлении в суд документов, но не вправе давать юридические консультации¹.

В Англии в январе 1990 года был создан Claim Production Centre, наделенный полномочиями на принятие и направление в судебные органы заявлений граждан в электронной форме².

В Израиле довольно эффективно функционируют специальные клиники, предоставляющие гражданам бесплатную возможность подачи электронного заявления в суд³.

Аналогичная практика имела место и в России. В рамках проекта «КиберПочт@» в отделениях почтовой связи создавались рабочие места, оборудованные подключенными к сети «Интернет» персональными компьютерами, с помощью которых граждане могли самостоятельно получать необходимую им информацию, тем самым ликвидируя техническую безграмотность⁴. Но на данный момент проект Почты России так и не оправдал возложенных на него ожиданий.

¹ См.: About Service Bureau. Integrated Electronic Litigation System (eLitigation). URL: <https://www.elitigation.sg/layouts/IELS/HomePage/Pages/AboutSB.aspx> (дата обращения: 03.08.2021).

² См.: Reiling A.D. Technology for Justice. How Information Technology Can Support Judicial Reform/ A.D. Reiling. Leiden: Leiden University Press, 2009. С. 77.

³ См.: Малешин Д.Я. Тенденции развития современного гражданского процесса / Д. Я. Малешин, М. А. Филатова, В. В. Ярков // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 11. URL: <https://szrf.ru/szrf/doc.php?nb=107&issid=1072008011000&docid=11> (дата обращения: 17.08.2021).

⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2003 г. № 1577-р «О Концепции развития рынка услуг почтовой связи на период до 2010 года» // Собрание законодательства РФ. 2003. №45. Ст. 4399.

В то же время в регионах активно набирают популярность многофункциональные центры¹. В связи с этим появилась возможность расширения их компетенции за счет делегирования им полномочий по передаче электронной информации в суды, как это уже делается в отношении иных органов государственной власти. Как следствие, сегодня заявители могут получить помощь в создании личного кабинета, а также содействие в подаче обращения и направлении документов в суд, что, как предполагается, должно существенно упростить решение проблемы информационного неравенства на территории Российской Федерации, однако, по нашему мнению, о каких-то значительных результатах данного нововведения пока говорить рано.

Как справедливо отмечает С.С. Рябинская, задача обеспечения информационного равенства в России является разрешимой, но требует серьезных капиталовложений². Сложно не разделить вышеназванную точку зрения, если расширить понятие капиталовложений. Капиталом могут быть не только денежные средства, но и иные инвестиции такие, как время.

Действительно, обеспечить информационное равенство в России за день, месяц или даже год – невозможно, но использовать все имеющиеся ресурсы, начав с соответствующей правовой регламентации – достижимо. Российской судебной системе требуется нормативно-правовой триггер, который будет призван привести механизм цифровизации в движение.

Как показывает международный опыт, в настоящее время нет прямой зависимости между уровнем развития технологий и наличием норм права, регулирующих их использование. Из 34 государств Совета Европы в Латвии, Турции, Великобритании и Северной Ирландии в условиях успешного функционирования электронным систем вопрос регламентации технологий нового

¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

² См.: Рябинская С.С. Информатизация общества в России: особенности формирования и сопутствующие угрозы// Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 4. С. 276–280.

поколения так и не привлек к себе соответствующего внимания. В то же время в Нидерландах, Греции и Сербии, где уровень технического прогресса ниже 10%, имеется достойная законодательная база, регулирующая процессы их использования¹.

Соответственно, ключевым в вопросе обеспечения информационного равенства является спусковой механизм, позволяющий применять современные технологии на легальном уровне, а не комплексная защита их внедрения с последующим одобрением апробации.

Сочетание традиционных и цифровых модификаций цивилистического процесса с постепенным переходом к тотальной цифровизации, по нашему мнению, является залогом эффективного развития информационного общества в России. Как верно отмечает Л.К. Терещенко, задача законодателя – создать благоприятные условия для использования технологий, но возможность выбора должна оставаться за сторонами².

Позиция параллельного документооборота сохраняется не только за рубежом, например, в США, где наряду с использованием электронных ресурсов в большей степени продолжает действовать общий порядок подачи заявлений в суд на бумажных носителях³, но и в судах Российской Федерации. В частности, работники канцелярии Верховного суда Республики Марий Эл в обязательном порядке ведут журналы учета судебных процессов несмотря на то, что в судах общей юрисдикции действует картотека дел в рамках ГАС «Правосудие».

Аналогичная позиция наблюдается и в других отраслях российского права. С 1 января 2020 года в Российской Федерации начал действовать электронный аналог бумажной версии трудовой книжки⁴. Право выбора между бумажным носителем и

¹ См.: Thematic report: Use of information technology in European courts / The Council of Europe's European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) // CEPEJ STUDIES № 24. 2016. С. 43.

² См.: Терещенко Л.К. Указ. соч. С. 45.

³ См.: Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2017. С. 79.

⁴ См.: Федеральный закон от 16.12.2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» (ред. от 24.02.2021)// Собрание законодательства РФ. 2019. № 51 (часть I). Ст. 7491.

электронным первоначально оставался за работниками. При этом при сохранении по письменному заявлению работника порядка ведения бумажной трудовой книжки законодатель обязывает работодателя перейти на электронный учет. Это свидетельствует о том, что оба варианта на начальном этапе цифровизации будут осуществляться параллельно друг другу.

Как следствие, сочетание традиционного и бумажного документооборота восполняет вероятность отклонения от принципа информационного равенства, тем самым способствуя реализации принципа равноправия сторон, и полностью соответствует принципу диспозитивности.

Доступность процессуальных ресурсов обеспечивается за счет развития технических возможностей судебной системы. У каждого российского суда есть свой собственный официальный сайт, используя ресурсы которого граждане могут получить всю интересующую их информацию, включая сведения о движении их дела.

Официальные сайты российских судов отличаются по своему дизайну, содержанию и интерфейсу. Но все они оперируют достоверной информацией о функционировании судебной системы, компетенции судов и последних новациях в сфере законодательства, предлагают пользователям для обозрения картотеку судебных дел и график их рассмотрения. Доступ к Интернет-ресурсам судов предоставляется на безвозмездной для граждан основе, что также наблюдается в Финляндии и Великобритании, в то время как, например, в Италии, он является платным, что в некоторой степени, по нашему мнению, нарушает принцип открытости информационного пространства.

Влияние информационных технологий на реализацию принципа диспозитивности проявляется в инициативе участников цивилистического процесса использовать технологии нового поколения и в выражении согласия на такое использование. Так, процессуальные документы могут быть поданы в суд в электронной форме исключительно по инициативе заявителя (ч. 1.1. ст. 3 ГПК РФ, ч. 7 ст. 4 АПК РФ, ч. 8 ст. 125 КАС РФ). Извещение участников процесса

допускается посредством электронной почты или СМС-сообщения при условии наличия их письменного согласия на уведомление таким способом¹.

Вместе с тем часть 1 статьи 155.1 ГПК РФ и часть 1 статьи 142 КАС РФ предполагают участие лиц в судебном заседании путем использования систем ВКС по их ходатайству или по инициативе суда. В то же время статья 153.1 АПК РФ не содержит прямого указания на возможность инициирования проведения судебного заседания с помощью ВКС по инициативе суда, сохраняя данное право за участниками арбитражного процесса. С одной стороны, данные положения точь-в-точь соответствуют принципу диспозитивности, но с другой – оставляют неясным, требуется ли согласие участников процесса при проявлении инициативы самим судом, что ставит под сомнение соответствие положений данной статьи принципу диспозитивности.

Между тем использование принципов, по мнению Т.А. Комаровой, в качестве своеобразного «фильтра» должно препятствовать ошибкам в законопроектной деятельности, служить критерием оценки, как отдельных положений законопроектов, так и их назначения в целом².

Однако, как справедливо подчеркивает Р.В. Шакирьянов, принципы никогда не могут быть реализованы вполне в действующем праве, они должны давать определенную свободу дальнейшему развитию права, быть устремленными в будущее³.

В нашем понимании принципы права не могут стать препятствием на пути цифровизации судебной системы. С одной стороны, законодательные новеллы

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2020); Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2020).

² Комарова Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2019. С. 3.

³ Шакирьянов Р.В. Действие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. №4. 2012. С. 48; Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. С. 85.

появляются на основе уже имеющихся постулатов и в точности соответствуют идеям их создания. Но, с другой стороны, модернизация институтов цивилистического процесса неукоснительно влечет трансформацию его основополагающих начал. Одни принципы исчезают, другие в силу расширения сфер влияния цифровизации приобретают особую значимость, а третьи возникают в новом понимании, утрачивая первоначальное значение. Так, из части 3 статьи 157 ГПК РФ был исключен принцип непрерывности. В условиях цифровой процессуальной формы наиболее актуальным стал принцип информационного равенства. А в научной литературе была выдвинута гипотеза о дезавуировании значимости территориальной подсудности¹.

С последним утверждением довольно сложно согласиться, но, как верно отмечает М.Н. Кузнецов, представление о правилах определения территориальной подсудности стремительно меняется, например, за счет наделения данного принципа качествами той или иной информационно-цифровой технологической цепи².

Таким образом, анализ организационно-функциональных аспектов и функциональной области действия принципов процессуального права показывает неизбежную корреляцию элементов цифровой процессуальной формы и руководящих положений цивилистического процессуального права.

Так, под влиянием цифровизации в рамках цифровой цивилистической процессуальной формы происходит трансформация принципов процессуального равноправия и открытости.

Границы понимания процессуального равноправия расширяются за счет включения информационного сегмента. Первоначальное понимание равноправия сторон как предоставление истцу и ответчику равных процессуальных возможностей претерпевает изменения, поскольку переносится в цифровую среду,

¹ См.: Незнамов А. В. О классификации цифровых технологий в гражданском процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3. С. 7–15

² См.: Кузнецов М.Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 2(38). С. 63–64.

где, с одной стороны, право на доступ к правосудию предоставляется всем участникам цивилистического процесса, но, с другой стороны, не все участники наделены одинаковыми «цифровыми возможностями» для реализации данного права. Как следствие, в настоящее время под равноправием в цивилистическом процессе следует по-прежнему понимать наделение сторон равными процессуальными возможностями использования процессуальных средств защиты своих интересов. Однако применительно к цифровой цивилистической процессуальной форме данный принцип должен дифференцироваться на процессуальное равенство и информационное равенство, когда первое означает предоставление равных процессуальных возможностей, а второе – равную (в значении одинаковую) реализацию данных возможностей с помощью информационных средств. Так, например, гражданин, проживающий в отдаленной местности, где практически не ловит сеть, и житель г. Москвы будут процессуально равны, так как оба с точки зрения предоставления им права имеют доступ к правосудию. Однако для жителя отдаленной местности в силу отсутствия возможности оперативного использования цифровых технологий реализация права будет затруднена, в силу чего проявится нарушение принципа информационного равенства.

Соответственно, в контексте цивилистической процессуальной формы действует незыблемый принцип равноправия сторон, но в рамках цифровой цивилистической процессуальной формы равноправие будет подразделяться на процессуальное и информационное равенство, когда первое должно быть неукоснительно соблюдено, а от второго в силу отсутствия необходимого уровня оснащения информационными технологиями населения в России может быть осуществлено отклонение, но с параллельным восстановлением силы действия равноправия в силу наличия альтернативы – возможности традиционного участия в цивилистическом процессе в режиме «офлайн».

Принцип открытости аналогичным образом претерпевает изменения за счет появления возможностей удаленного доступа и электронного обращения информации, вследствие чего появляются такие смежные понятия, как

публичность, прозрачность и транспарентность, имеющие схожие черты, но при этом дифференцируемые по объекту, в отношении которого реализуется тот или иной принцип, и в зависимости от метода его реализации. Так, гласность и открытость соотносятся как часть и целое, поскольку принцип гласности относится к судебному разбирательству, а открытость включает в себя все возможные способы получения информации о судеустройстве. Публичность предполагает возможность каждого следить за отправлением правосудия, а доступность – наличие средств информационного обеспечения, позволяющих обеспечить такую возможность. Прозрачность означает открытость, включающую в себя публичность и доступность, а транспарентность – обеспечительный механизм, позволяющий достичь прозрачности при соблюдении необходимых для раскрытия информации границ.

Диспозитивность и состязательность также начинают включать в себя цифровые элементы, поскольку, например, движение дела по стадиям происходит за счет цифрового взаимодействия участников цивилистического процесса, а «состязание» сторон постепенно переходит на цифровые рельсы. Однако правовое значение и сущность данных принципов не меняются – вносятся коррективы лишь в способы и среду их реализации.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на тенденции стремительной цифровизации отправления правосудия, все руководящие начала цивилистического процессуального права остаются незыблемыми, поскольку такие принципы, например, как гласность, равенство, диспозитивность и состязательность, действительно, являются основой цивилистического судопроизводства и не могут быть заменены или вытеснены из системы. Однако последнее не свидетельствует о том, что данные принципы остаются вне поля цифровой трансформации: появление прообраза цифрового правосудия влечет создание цифровой процессуальной формы, которая, базируясь на ключевых принципах процессуального права, расширяет границы их понимания, вводя в соответствующие дефиниции и процессуально-правовые значения соответствующие информационные элементы.

Подводя итоги исследования, проведенного в рамках настоящей главы, полагаем возможным сделать ряд выводов:

Во-первых, понятие цивилистической процессуальной формы раскрывается через ее субъективную и объективную стороны и позволяет включить в определение как нормативно-правовое выражение цивилистического процесса, так и порядок отправления правосудия по гражданским, административным делам и экономическим спорам.

Значение цивилистической процессуальной формы сводится к ее теоретической и практической значимости и заключается в создании понятийной категории, отграничивающей цивилистическое судопроизводство от иных правовых явлений, институтов и судопроизводств.

Во-вторых, в зависимости от способа фиксации и передачи юридически-значимой информации цивилистическая процессуальная форма должна подразделяться на устную, письменную и цифровую. Под цифровой цивилистической процессуальной формой следует понимать внешнее нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров с применением цифровых технологий фиксации, обработки и передачи информации, имеющей юридическое значение.

В-третьих, в условиях цифровой трансформации системы правосудия круг признаков цивилистической процессуальной формы претерпевает соответствующие изменения. В настоящее время в качестве основных черт цивилистической процессуальной формы необходимо выделять нормативность, системность, формальную определенность, динамизм, универсальность и процессуально-правовую адаптивность. Последнюю предлагается определить как гибкость процессуальной формы по отношению к способам рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров.

В-четвертых, возникновение цифровой цивилистической процессуальной формы обусловило детерминизм процессуальной формы и руководящих

положений цивилистического процессуального права. Проникая во все сферы отправления правосудия, цифровые новации модернизирует цивилистический процесс, с одной стороны, в точном соответствии с его основополагающими началами, с другой – трансформируя принципы процессуального права под современный цифровой механизм реализации судебной власти.

ГЛАВА 2. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

2.1. Процессуально-правовые тенденции применения технологий нового поколения в суде первой инстанции

В России опыт использования технологий нового поколения на этапе принятия судом заявления к своему производству начинает свой отсчет с 12 января 2011 года, когда у участников арбитражного процесса впервые появилась возможность подачи в суд документов в электронной форме¹. В суд могли быть направлены исковое заявление (заявление), отзыв на исковое заявление, встречный иск, заявление о вступлении в дело, ходатайство, жалоба и иные документы, составляемые для обращения в суд. В то же самое время в судах общей юрисдикции ГАС «Правосудие» предоставляла возможность направления в суд в электронном виде только заявления о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на защиту авторских и (или) смежных прав.

С 1 января 2017 года в России появилась возможность направления в суд в электронном виде заявлений в порядке административного, гражданского, уголовного судопроизводства, обращений в арбитражный суд, пользователям был предоставлен удаленный доступ к делу, инициатором или участником которого они являлись².

Сегодня для подачи документов в электронной форме в суды общей юрисдикции необходимо воспользоваться личным кабинетом, расположенным в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» в ГАС

¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. №31. Ст. 4197.

² См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 «Об утверждении порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020).

«Правосудие». Доступ к личному кабинету можно получить двумя способами: во-первых, посредством подтверждения учетной записи в ЕСИА, во-вторых, с помощью получения усиленной квалифицированной электронной подписи¹.

Документы должны быть представлены либо в форме подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью электронного документа, выполненного без предварительного документирования на бумажном носителе, либо в виде электронного образа документа, созданного с помощью технических средств сканирования. При этом сканирование документа должно производиться в масштабе 1:1 в черно-белом или сером цвете. Файлы и данные в них должны быть доступными для работы: возможность создания защиты от копирования и печати электронного образа исключается, равно как и наличие интерактивных и мультимедийных элементов или внедренных сценариев. Размер файлов не должен превышать 30 МБ. Заслуживает быть отмеченным, что на первом этапе внедрения элементов электронного документооборота в судебную систему «Мой арбитр» позволял прикреплять файл размером не более 10 Мб.

Каждый документ должен быть представлен в виде отдельного файла. Наименование каждого файла должно содержать указание на природу документа, дату создания и количество листов в нем, например, посредством названия «Исковое заявление от 08112022 5 л. pdf». В системе «Мой арбитр» предъявляются аналогичные требования².

Для направления отдельных процессуальных документов законодательство устанавливает более жесткие правила. Так, например, в порядке части 4 статьи 131

¹ См.: Бельдова М.В., Ивановский Н.И. Проблемы электронной подписи // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 2. С. 61-64; Белозеров О.И. Проблемы использования электронной цифровой подписи для физических лиц/ О.И. Белозеров, Т.В. Лупанова, А.Ю. Ренке// INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE TECHNICAL SCIENCES, MATHEMATICS AND COMPUTER SCIENCE Collection of scientific articles IX International correspondence scientific specialized conference. 2019. С. 26-31; Колмаков С.В. Обоснование государственной услуги и сервиса по предоставлению информации о выданных квалифицированных сертификатах ключей электронной подписи// Стратегии бизнеса. 2019. – № 7 (63). С. 28-30.

² См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронной форме, в том числе в форме электронного документа». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020).

и части 1 статьи 139 ГПК РФ документы в электронной форме принимаются только при условии их заверения усиленной квалифицированной подписью. Невыполнение установленных законом требований влечет отклонение обращения, о чем пользователю в Личном кабинете приходит уведомление. Процессуальные документы признаются не поступившими в суд¹.

Соответственно, для нивелирования рисков отклонения обращения гражданину следует оформить усиленную квалифицированную электронную подпись. За услугой можно обратиться в любой аккредитованный Министерством связи и массовых коммуникаций РФ удостоверяющий центр².

Несмотря на отдельные нюансы идентификации и аутентификации личности, электронная форма подачи документов имеет преобладающее число преимуществ. В качестве таких процессуалисты выделяют ускоренное электронное взаимодействие между участниками процесса и судом, а также возможность подачи документов 24 часа в сутки с любого уголка земного шара, что позволяет не только оперативно включаться в судебный процесс, не пропуская установленных значимых сроков, но и экономить средства как участников процесса, так и судебной системы.

Аналогичная система электронной подачи документов довольно успешно функционирует в Сингапуре (Electronic Filing System, EFS), Финляндии (TUOMAS и SANTRA Systems), Германии (elektronischer Postausgang посредством электронного ящика EGVP), Англии (Electronic Working) и США (Case

¹ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020)

² См.: Итоги IX Всероссийского съезда судей: об основных направлениях деятельности и планах развития судебной системы: интернет-интервью с А.В. Гусевым, генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020).

Management/Electronic Case Files (CM/ECF)), а также в ряде других зарубежных стран (Австралии¹, Израиле², Италии³).

В начале XXI века EFS произвела революцию в гражданском судопроизводстве Сингапура, предоставив юридическим фирмам судебную платформу для обмена документами в электронном виде. На сегодняшний день около двух третей компаний Сингапура работают с EFS⁴.

Для направления электронного документа в суд пользователь должен заполнить предложенную системой онлайн-форму и прикрепить к ней документ в формате PDF. В целях обеспечения безопасности отличные от созданного программой Adobe Acrobat форматы или содержащие неприемлемые встроенные коды файлы системой отклоняются⁵. Заполненная форма может содержать один или несколько документов, подписанных цифровой подписью с использованием смарт-карты, выданной при регистрации в системе в качестве гарантии подлинности документа и невозможности отказа лица от авторства.

Получая электронные документы от заявителя, EFS позволяет осуществлять их дальнейшую маршрутизацию в судах. Суд проверяет документы на соответствие процессуальным требованиям. При положительном результате проверки система автоматически генерирует сертификат о принятии документов и в течение 5 минут направляет его заявителю. Функционал управления документами позволяет создать электронное досье дела, из которого документы могут быть отправлены в соответствующее подразделение суда в электронном виде или переданы другим сторонам по делу.

Признавая важность сохранения актуальности и гибкости электронной системы в целях удовлетворения текущих потребностей участников процесса, в

¹ См.: Вахтинская Е.М. Основные черты гражданского процесса Австралии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2013. С. 52.

² См.: Малешин Д.Я. Указ. соч. С. 97.

³ См.: Ринальди Д. Электронное гражданское судопроизводство в Италии. URL: <http://www.pravo.ru/interpravo/practice/view/10752> (дата обращения: 03.08.2021).

⁴ См.: International Civil Procedure by Shelby R.// World Law Group Series – Kluwer Law International; 1 edition. October 28, 2003. С. 645.

⁵ См.: Решетняк В.И. Информационные технологии в судебной системе Сингапура // Информационное право. 2012. № 2. С.21-24.

2013 году власти Сингапура сделали следующий шаг к использованию современных технологий, расширив круг возможностей EFS за счет внедрения Integrated Electronic Litigation System (iELS) или eLitigation (eLit)– интегрированной системы электронного судопроизводства.

Сегодня eLitigation использует технологию электронных форм, чтобы предоставить пользователям единую точку доступа для управления материалами дела на протяжении всего судебного процесса. Для доступа пользователям необходимо войти в систему через веб-сайт www.elitigation.sg, воспользовавшись для идентификации и аутентификации не смарт-картами, как это было предусмотрено в EFS, а широко используемым в системе предоставления государственных услуг Сингапура, национальным приложением SingPass.

Система призвана заменить EFS, поскольку обладает рядом преимуществ, к которым можно отнести: простой в использовании веб-сервис; подачу документов в режиме онлайн с возможностью сохранения заявки для отправки в более позднее время; сохранение реквизитов сторон и номера дела для последующего использования в системе; использование динамических электронных судебных форм вместо формата PDF для многих судебных документов; полный доступ ко всем документам рассматриваемого дела; отслеживание движения дела с помощью электронной почты, SMS и электронных напоминаний; большую гибкость в выборе дат слушания с помощью модуля календаря и др.

Следовательно, eLitigation оптимизирует процесс судебного разбирательства Сингапура, тем самым, с одной стороны, повышая эффективность судебной системы, а с другой – способствуя упрощению обеспечения доступа к правосудию

Опыт разработки технической и нормативно-правовой инфраструктуры электронного правосудия в Финляндии берет свое начало в конце XX века, когда при планировании новой гражданской процессуальной процедуры было выявлено, что около 90% рассматриваемых судами гражданских дел являются простыми бесспорными требованиями.

С точки зрения нормативной базы для использования автоматизированного инструмента в законодательстве Финляндии на тот момент существовало два

препятствия: требование собственноручной подписи и представление документов в бумажном формате. Однако в 90-х годах XX века – 2000-х годах XXI века в действующие нормативно-правовые акты были внесены существенные поправки, позволяющие обмениваться юридическими документами в электронном виде, что в последующем позволило запустить многоканальную систему подачи исков в суд по факсу или электронной почте.

В 1993 году вступил в силу Закон об электронных сообщениях в судебном производстве, а в 2003 году – Закон об электронных услугах и коммуникациях в государственном секторе. Оба акта содержали положения, упрощающие разработку системы электронного правосудия.

В силу положений вышеназванных законов ходатайство о вызове, ответ и другой сопоставимый документ могут быть поданы в суд по факсу или электронной почте, либо посредством направления электронного сообщения. Министерство юстиции может предоставить стороне разрешение на предоставление информации, необходимой для ходатайства о вызове с помощью электронного сообщения. Сообщение считается поступившим в суд в момент, когда оно может быть распечатано принимающим устройством или когда оно поступило в систему данных суда. Ответственность за поступление электронного сообщения в суд лежит на отправителе. Документ не нужно подписывать, при условии, что в сообщении содержится достаточно информации, позволяющей суду связаться с отправителем в случае, если появится сомнение в подлинности сообщения. Подтверждение может быть отправлено как автоматический ответ через систему данных или направлено иным способом¹.

Для функционирования электронных процедур были разработаны система электронной пересылки «SANTRA» и система управления делами «TUOMAS».

Заявитель может направить заявление в электронном виде в суд по факсу или электронной почте, либо через систему SANTRA. Использование системы SANTRA предполагает передачу данных в общий почтовый ящик, из которого

¹ См.: Kari Kujanen E-services in the courts in Finland. 2004. URL: <https://rechtsinformatik.ch/wp-content/uploads/2004/06/kujanen.pdf> (дата обращения: 06.08.2021).

система пересылает заявления в индивидуальные почтовые ящики судов. Затем на основе данных в своих почтовых ящиках суды обновляют систему TUOMAS.

Подача искового заявления в электронном виде в Германии стала возможной в силу принятого в 2005 году Закона «Об использовании электронных форм в судопроизводстве», которым Гражданское процессуальное уложение было дополнено параграфом 130а «Электронный документ»¹.

По смыслу положений вышеназванного параграфа электронный документ должен быть удостоверен квалифицированной электронной подписью и направлен в суд через безопасный канал передачи. Одним из таких каналов является созданный в 2004 году электронный судебный и административный почтовый ящик (Verwaltungspostfach, EGVP).

Вместе с тем следует подчеркнуть, что действующая редакция процессуального закона не дает исчерпывающего перечня защищенных каналов, указывая на возможность направления документов через федеральные каналы передачи, предусмотренные постановлениями Федерального правительства с согласия Федерального совета, в которых гарантируются подлинность и целостность данных, а также доступность².

С 2016 года в Германии начал работать специальный электронный почтовый ящик для юристов (beA), позволяющий юристам, имеющим лицензию в Германии, безопасно общаться в электронном виде с судебными органами, властями и друг с другом. В 2018 году появился специальный электронный почтовый ящик (beVPO), являющийся одним из центральных элементов безопасной коммуникации между властями и судебными органами. Оба ящика созданы на основе компонентов инфраструктуры EGVP, но их преимущество заключается в отсутствии необходимости в усиленной квалифицированной подписи, поскольку сама

¹ См.: Zivilprozessordnung (ZPO), 1877 (Гражданское процессуальное уложение)// Deutsch-Russischen Juristenvereinigung e.V. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/index.html> (дата обращения: 09.12.2018).

² См.: Брановицкий К.Л. Опыт электронного правосудия в ФРГ: достижения и проблемы // Закон. 2011. № 2. С. 60.

структура обоих каналов передачи данных предполагает безопасную идентификацию лица.

После получения судом электронного документа заявителю направляется электронное уведомление о вручении с подтверждением времени получения такого заявления. Если электронный документ не подошел для обработки в суде, заявитель незамедлительно об этом информируется. Повторный документ будет считаться полученным со временем более ранней подачи при условии, что отправитель немедленно отправит его в форме, пригодной для рассмотрения в суде, и докажет, что он соответствует по содержанию документу, представленному в первый раз.

В Англии и Уэльсе с 1 апреля 2010 года в части 5 Правил гражданского судопроизводства и практических указаний к ней нашла свое закрепление система электронного документооборота «Electronic Working»¹.

При наличии технической возможности сторона должна коммуницировать с судом только посредством электронной почты. С помощью функционала сайта НМСВ (Службы сервиса Суда Ее Величества) исковое заявление обличается в специальную форму в формате PDF файла². После автоматической проверки системой электронного документооборота форма заверяется печатью и возвращается заявителю для дальнейшей работы. Направление иска в традиционной бумажной форме не требуется. Присвоение судом уникального идентификационного номера позволяет ответчику подтвердить электронное получение, а также предоставляет возможность отправления ответного документа в электронной форме. Система работает круглосуточно и без выходных. Соответственно, формы исков, поступившие в нерабочие часы канцелярии суда, считаются поданными в дату издания формы.

¹ См.: Civil Procedure Rules (CRP), 1998 (Правила гражданского судопроизводства) // Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcp> (дата обращения: 05.02.2020).

² См.: HM Courts & Tribunals Service. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/hm-courts-and-tribunals-service> (дата обращения: 03.08.2021).

Идея электронной подачи документов в США возникла в конце 1980 годов и получила свое развитие благодаря тому, что хранение бумажных документов требовало значительных затрат. В гражданское процессуальное законодательство США были внесены существенные изменения, легализовавшие организацию представления и обмена документами в электронной форме.

С 2004 года в окружных судах США начала работу система Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF) (в переводе с английского языка «СМ» – «система управления делами», «ECF» – «электронный архив дел»), которая в дальнейшем была внедрена в работу апелляционных судов, а в 2004 году затронула все федеральные суды штатов.

Соответственно, сегодня СМ / ECF - это федеральная судебная система, позволяющая подавать документы в суд в электронном виде; управлять судебным делом, отслеживая процесс, сроки и слушания; осуществлять поиск документов; хранить, передавать, копировать и архивировать электронные документы¹.

Вторая система Public Access to Court Electronic Records (PACER) (в переводе с английского языка «Открытый доступ к судебным электронным отчетам») служит дополнением к первой, предоставляя пользователям доступ к электронным файлам дел, созданным посредством СМ/ECF².

В большей степени системой СМ / ECF пользуются адвокаты, поскольку, согласно положениям действующего гражданского процессуального законодательства США, общим порядком подачи судебных заявлений в штатах остается направление документов в суд на бумажных носителях³.

Подобная практика двойного документооборота, как уже было отмечено в первой главе настоящего исследования, свидетельствует о постепенном внедрении

¹ См.: Electronic Filing Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF) system. United States Courts. URL: <https://www.uscourts.gov/court-records/electronic-filing-cmecf> (дата обращения: 03.08.2021).

² См.: Решетняк В.И. Зарубежный опыт использования информационных технологий для организации деятельности судов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 2. С. 298-303.

³ См.: Federal Rules of Civil Procedure (amended December 1, 2013). URL: <http://uscourts.gov/uscourts/rules/civil-procedure.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

информационных технологий в судебную систему. По нашему мнению, разумное сочетание традиционных и инновационных форм правосудия – это единственный верный шаг на пути цифровой модернизации судебной системы.

При этом никто не лишает законодателя права стимулирования участников процесса. Так, например, В.И. Решетняк предлагает ввести в Налоговый кодекс РФ систему госпошлин, дифференцируемую в зависимости от формы отправления правосудия, когда при направлении документов в электронном виде у заявителя будет взиматься госпошлина меньшего размера, чем это было бы сделано при осуществлении порядка инициирования судебного процесса в бумажной форме¹.

Аналогичная система действует сегодня в Федеральной службе по интеллектуальной собственности РФ, предоставляющей при использовании электронных сервисов, например, при регистрации товарных знаков (знаков обслуживания), оформлении и поддержании в силе патентов, право на уменьшении государственной пошлины на 30%.

В нашем понимании в судебной системе подобные методы недопустимы, поскольку дифференциация государственных пошлин создает преимущество пользователей современного программного обеспечения перед теми, кто не имеет возможности им воспользоваться. Как следствие, нарушается одно из базовых начал цивилистического процесса – принцип равноправия сторон. Соответственно, данные меры в большей степени направлены на реализацию цели цифровизации любыми средствами, нежели на обеспечение неотъемлемого элемента информационного общества – информационного равенства в России.

Кроме этого, в научной литературе также небезосновательно делается акцент на проблеме соотношения правил отклонения документов, поданных в

¹ См.: Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2017. С 222.

электронном виде, с основаниями отказа в принятии искового заявления, оставления без движения и возвращения искового заявления¹.

Действительно, новым порядком подачи документов фактически был создан неизвестный ранее процессуальному праву институт отклонения искового заявления. Если детально проанализировать перечень оснований, установленный пунктом 4.5. Порядка подачи документов № 251, то можно заметить, что основания, содержащиеся в данном перечне, не отнесены ни к одному из существующих на сегодняшний день институтов.

Например, такому основанию, как «обращение в суд является идентичным ранее направленному обращению», на первый взгляд, можно найти аналог как в пункте 5 части 1 статьи 135 ГПК РФ в качестве основания для возвращения иска, так и в пункте 2 части 1 статьи 134 ГПК РФ в качестве основания для отказа в принятии искового заявления. Однако данное умозаключение является ошибочным, поскольку в контексте электронных систем под «идентичным обращением» подразумевается не повторная подача заявления в суд к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям, а повторное направление тождественного обращения по электронным каналам связи.

Таким же образом анализ каждого отдельного основания позволяет найти в нем техническое составляющее, определить его формальный характер и соответствие лишь институту возвращения искового заявления, что в свою очередь исключает возможность распределения всех имеющихся оснований по уже существующим институтам.

Между тем, если рассмотреть возможность включения вышеуказанных оснований в статью 135 ГПК РФ, то следует отметить, что при наличии любого из них суду необходимо будет реализовать установленный статьей 135 ГПК РФ механизм в полной мере. Следовательно, например, при отсутствии в электронном образе обращения в суд графической подписи истца, судья будет обязан в течение

¹ См.: Борисова В.Ф. Перспективы совершенствования механизма реализации права на обращение в суд// Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. №1. С. 37-43.

5 дней с момента поступления электронного заявления в суд рассмотреть такое обращение и вынести мотивированное определение о его возвращении с указанием способов устранения препятствий и возможностью для его обжалования. Подобное нововведение лишь осложнит работу суда, нагромоздив систему и обязав судей по каждому формальному основанию готовить мотивированное определение.

В то же время введение института отклонения искового заявления не требует рассмотрения документов с последующим вынесением отдельного постановления, предусматривая лишь уведомление о том, что документы не могут быть признаны поступившими в суд. В уведомлении также должны быть указаны причины отклонения заявления, но данная процедура является менее затратной в процессуальном плане и может быть автоматизирована, например, посредством внедрения систем искусственного интеллекта, поскольку проверка электронного обращения по основаниям для его отклонения носит формально-технический характер и может быть осуществлена машинным разумом, а не работником аппарата суда.

Создание в рамках процессуального кодекса отдельного института отклонения искового заявления обусловлено рядом процессуально-правовых причин.

Во-первых, отклонение искового заявления имеет общие черты с уже существующими институтами, регламентированными статьями 134-136 ГПК РФ, 127-129 АПК РФ, 127-130 КАС РФ, так как отклонение иска также предполагает свои собственные основания, порядок реализации посредством проверки документов, поступивших в суд в электронном виде, и формально-определенное выражение, поскольку оформляется уведомлением о получении судом документов или о признании документов, не поступившими в суд.

Во-вторых, отклонение искового заявления подразумевает регламентированный правилами судопроизводства порядок проверки документов на соответствие установленным требованиям, при положительном результате которой возникают соответствующие юридические последствия, а именно исковое

заявление признается поступившим в суд, что прерывает срок исковой давности¹ и становится основанием для начала течения предусмотренного частью 1 статьи 133 ГПК РФ, части 1 статьи 127 АПК РФ пятидневного срока, частью 1 статьи 127 КАС РФ трехдневного срока для принятия искового заявления к производству суда.

В-третьих, порядок отклонения искового заявления, поданного в электронном виде, является самостоятельным механизмом создания препятствий в реализации права на судебную защиту, что объясняется следующим. Иск выступает средством защиты прав в суде, вследствие чего подача электронного иска предполагает волеизъявление истца, выраженное с помощью информационных технологий. Отклонение электронного иска свидетельствует об отказе суда в принятии электронного средства защиты истца и создает определенные препятствия для такой защиты, что не должно оставаться вне нормативно-правового поля.

Более того, любое процессуальное действие суда должно рассматриваться в контексте понимания права на обращение в суд, которое в рамках концепции права на иск М.А. Гурвича предполагает осуществление такого права при наличии предпосылок права на предъявление иска, при выполнении предварительных условий его реализации и при соблюдении правил обращения к суду². При отсутствии предпосылок суд отказывает в принятии искового заявления, при невыполнении условий – возвращает исковое заявление, а в случае несоблюдения правил обращения к суду – оставляет исковое заявление без движения. В этой связи мотивируется, что такое процессуальное действие суда, как отклонение электронного искового заявления должно рассматриваться в непосредственной связи с правилами обращения к суду, поскольку данное действие суда имеет свои собственные основания, связанные с требованиями к форме представления

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

² См.: Гурвич М.А. Право на иск. Отв. ред.: Клейнман А.Ф. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 87.

электронного искового заявления, а также предполагает порядок реализации и формально-определенное выражение в форме электронного уведомления.

Следовательно, отклонение электронного искового заявления не может осуществляться без соответствующего правового регулирования, что свидетельствует о необходимости восполнения возникшего в процессуальном законе пробела, например, посредством отражения порядка отклонения электронных исковых заявлений в процессуальных кодексах в соответствующей правовой норме нововведенной статьи.

Для этого предлагается дополнить действующий ГПК РФ статьей 135.1, а АПК РФ и КАС РФ статьей 129.1 статьей «Отклонение искового заявления, поданного в электронной форме».

Приняв во внимание Порядок подачи документов, в части первой статьи 135.1 ГПК РФ, 129.1 АПК РФ и 129.1 КАС РФ необходимо указать основания для отклонения электронного искового заявления и прилагаемых к нему документов, в части второй – непосредственно сам порядок отклонения иска, а в части третьей – возможность повторного обращения в суд. Так, исковое заявление и прилагаемые к нему документы, поданные в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, должны отклоняться судом в случае выявления нарушений Порядка подачи документов. При наличии таких оснований истцу должно быть направлено уведомление о том, что исковое заявление не может быть признано поступившим в суд. В уведомлении также должны быть указаны причины, послужившие основанием отклонения искового заявления. Отклонение искового заявления не должно препятствовать повторному обращению истца в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям.

Закрепить данный институт в предложенном номере статьи кажется наиболее релевантным, поскольку отклонение документов, представленных в электронном виде, не препятствует повторному обращению в суд по аналогии с механизмом возвращения искового заявления, закрепленным в статьях 135 ГПК РФ, 129 АПК РФ, 129 КАС РФ.

Более того, институт отклонения искового заявления можно использовать как базовый институт для отклонения электронных заявлений (ходатайств) и иных документов, поступивших в суд в электронном виде. Это объясняется тем, что глава 12 ГПК РФ и КАС РФ и глава 13 АПК РФ, регламентирующие предъявление иска, содержат общие правила, применяемые к иным производствам с изъятиями, установленными соответствующими статьями ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, а ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр» не предполагают специальной «электронной» формы для заполнения иска, предусматривая прикрепление искового заявления в виде отдельного документа.

Принимая электронное исковое заявление, суды переходят на новый этап – стадию подготовки дела к судебному разбирательству.

Прежде всего, технологии нового поколения оптимизируют процесс подготовки дела за счет сокращения сроков и исключения необходимости личного взаимодействия участников производства в стенах суда.

С 2012 года надлежащим признается извещение лиц, участвующих в деле, посредством SMS. При этом ранее практика по вопросам инновационного уведомления в России складывалась довольно противоречиво.

В 2010 году Красноярский краевой суд настаивал на том, что извещение участников процесса посредством SMS не обладает признаками достоверности вручения, обосновывая свою позицию отсутствием соответствующего правового регулирования¹. Между тем в 2011 году решением Новосибирского областного суда было признано, что SMS передает все необходимые для надлежащего извещения участников процесса сведения, включая данные о дате, времени и месте рассмотрения гражданского дела².

В силу присутствующей в судебной практике полемики в феврале 2012 года Пленум Верховного суда РФ принял постановление, в котором разъяснил судам

¹ См.: Письмо Красноярского краевого суда от 31.05.2010 г. «О судебных поручениях» // Буква закона. 2010. № 66.

² См.: Решение Новосибирского областного суда от 18.01.2011 № 7-6-2011. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020).

порядок уведомления участников процесса посредством SMS¹. В декабре 2013 года Судебный департамент конкретизировал принятое Верховным судом РФ постановление и утвердил регламент организации извещения участников судопроизводства посредством SMS².

В настоящее время SMS-извещение осуществляется на добровольной основе. Согласие оформляется в виде расписки, приобщающейся к материалам дела. У истца оно может быть получено при подаче искового заявления. У иных участников процесса, а также у истца, направившего документы по почте России, – при их личной явке после окончания первого судебного заседания. Нарушение вышеуказанных требований влечет признание извещения ненадлежащим.

В случае если суд установит необходимость направления участнику процесса каких-либо документов, то извещение посредством SMS не допускается. При таких обстоятельствах уведомление осуществляется посредством почтового отправления.

В 2016 году законодатель возложил на государственные органы и иные организации обязанность после первого судебного извещения самостоятельно отслеживать движение дела с помощью официального сайта суда в сети «Интернет»³. При отсутствии технической возможности указанные в части 2.1. статьи 113 ГПК РФ лица вправе заявить ходатайство об извещении в традиционной форме. При этом отсутствие технической возможности необходимо подтвердить соответствующими доказательствами.

По нашему мнению, законодательное закрепление обязанности самостоятельного получения информации через открытые судебные ресурсы в сети «Интернет» свидетельствует о намерении законодателя произвести кардинальное

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2020).

² См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

³ См.: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3889.

реформирование института извещения участников гражданского процесса посредством перехода к повсеместному использованию исключительно информационных технологий.

Более того, в конце 2017 года суды получили возможность извещать участников процесса посредством электронной почты, если последние направили заявление в суд в электронной форме, указав адрес электронной почты в тексте обращения, или заполнили соответствующую форму, размещенную на официальном сайте суда в сети «Интернет»¹.

С 1 января 2022 года законодателем был регламентирован порядок извещения участников судебного процесса с помощью технических средств связи². Лицам, участвующим в деле, была предоставлена возможность получать судебное извещение в электронном виде посредством ЕПГУ либо системы электронного документооборота с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Время вручения такого извещения адресату фиксируется средствами соответствующей информационной системы. Согласие может быть получено с помощью функционала самого портала путем выражения согласия на уведомление посредством ЕПГУ.

В зарубежной судебной практике для оповещения участников судебного процесса по аналогии с Россией используются возможности уведомления посредством SMS, электронных сервисов, доступ к которым осуществляется с помощью сети «Интернет», а также с помощью электронной почты.

В английском судебном процессе указание адреса электронной почты или факса при использовании данных средств связи является презумпцией надлежащего уведомления³.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2020).

² См.: Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (Часть I). Ст. 9.

³ См.: Зайченко Е.В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 Москва, 2015. С. 24-25.

В США, зарегистрировавшись в системе CM/ECF, участник гражданского процесса дает согласие на извещение по электронной почте, указав в соответствующем окне электронной формы основной и дополнительный адреса электронной почты¹.

В Италии каждый судебный орган вправе запустить электронную систему извещения параллельно с традиционной системой. При этом выбрав электронную форму, заявитель соглашается на получение уведомлений исключительно по электронной почте.

Аналогичным образом вопросы электронной коммуникации урегулированы в Германии. Во исполнение статьи 103 Основного закона после предъявления иска его заверенная судом копия должна быть получена ответчиком. В этой связи способ направления копии электронного искового заявления дифференцируется в зависимости от категории адресата. Если получателем является адвокат, нотариус или, например, государственный орган, то надежность получения корреспонденции презюмируется в силу их статуса. В отношении второй категории лиц электронная форма направления документов применяется только в том случае, если они прямо выразили на это согласие².

В Финляндии направление оригинала заявления ответчику не требуется, в силу чего суд может направить повестку на электронный почтовый адрес Почты Финляндии. В почтовом отделении повестка будет распечатана и направлена ответчику традиционным способом в форме обычной корреспонденции³.

Соответственно, как в России, так и в странах зарубежья, в настоящее время инновационная форма извещения участников процесса является процессуальным дополнением к традиционной, оставляя выбор способа получения информации за сторонами.

¹ См.: Administrative Procedures for Electronic Case Filings and Unique Procedures and Practices for Electronic Filings. URL: <http://www.laed.uscourts.gov/case-information/procedures-and-practices-e-filing> (дата обращения: 21.02.2018).

² См.: Шах Х. Международное гражданское процессуальное право: учебник. М., 2001. С 286.

³ См.: Marco Fabri and Francesco Contini Justice and technology in Europe: How ICT Is Changing the Judicial Business. Kluwer Law International, 2001. С. 18.

Между тем логическую и аналитическую работу при подготовке дела к судебному заседанию в части определения закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установления правоотношений сторон (ст. 148 ГПК РФ, ст. 133 АПК РФ, ст. 132 КАС РФ) полностью передать возможностям технического обеспечения судебной системы на сегодняшний день нельзя. Но существенно облегчить данную задачу с помощью технологий нового поколения кажется вполне возможным. В этом случае необходимо вспомнить о справочно-правовых системах «Гарант», «КонсультантПлюс», активно используемых в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ.

За рубежом история возникновения справочно-правовых систем берет свое начало в 60-х годах прошлого столетия. Так, первой появившейся в Европе справочной системой стала бельгийская система «CREDOC», созданная в 1967 году в целях удовлетворения потребности адвокатов, нотариусов и других юристов в получении информации по вопросам бельгийского законодательства. Банк данных включал законы, комментарии, теорию и судебную практику, не предполагая прямой связи с пользователем, поскольку получение информации осуществлялось через информационное бюро, срок исполнения запроса в котором мог достигать до 8 дней¹.

Также в 1967 году началась разработка одной из самых известных справочных систем США «LEXIS». Сегодня система предлагает полный спектр правовой информации, включая материалы по международному и иностранному праву. В информационные блоки LEXIS включено британское законодательство, а с 1981 году система оперирует и английскими судебными прецедентами. LEXIS содержит огромные базы данных вторичных источников – комментарии по вопросам права, содержащиеся в юридических трактатах, статьях в юридических журналах, юридических энциклопедиях и словарях. Несмотря на то, что комментарии не являются первичными источниками права в правовой системе

¹ См.: European yearbook 15 (Annuaire Europeen / European Yearbook, 15) 1969th Edition. by Council of Europe (Editor). С. 110.

США, обращение к этим вторичным источникам часто является эффективным подходом к исследованию отдельных правовых вопросов.

В настоящее время практически все экономически развитые страны имеют аналогичные справочные правовые системы. В Великобритании действуют INFOLEX, PRESTEL, POLIS; в Италии — ITALGUIRE, ENLEX; в Германии — JURIS, LEXinform; в Канаде — DATUM; в Финляндии — Finlex; во Франции — IRETIV, CEDIJ, JURIDIAL и т.д.

Главная задача стадии подготовки дела к судебному разбирательству – уточнение фактических обстоятельств дела – может быть реализована посредством «информационно-подготовительной встречи по делу»¹.

Подобная встреча суда и сторон в целях уточнения требований истца и возможных возражений ответчика именуется в доктрине беседой². Отдельные процессуалисты, например, А.В. Чекмарева³, предлагают называть подобную форму подготовительных действий не беседой, а «собеседованием». Однако, как верно отмечает Н.Н. Ткачева, и беседа, и собеседование как понятийные категории не являются правовыми терминами, не имеют законодательного закрепления и, как следствие, не обличены в процессуальную форму, что в свою очередь лишает их права претендовать на статус легального элемента стадии подготовки дела к судебному разбирательству⁴.

В этой связи предлагается на законодательном уровне регламентировать возможность проведения «собеседования» с лицами, участвующими в деле, дополнив ГПК РФ статьей 152.1, АПК РФ статьей 136.1, КАС РФ статьей 138.1 «Информационно-подготовительная встреча» следующего содержания:

¹ Беков Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2009. С. 30.

² См.: Гражданский процесс: учебное / под ред. М.С. Шакарян. М., 1993. С. 375-376; Советский гражданский процесс: учебное / отв. ред. К.И. Комиссаров, В.М. Семенов. М., 1978. С. 207.

³ См.: Чекмарева А.В. Сущность подготовительных процедур в гражданском судопроизводстве и основные начала их проведения: монография / под ред. О.В. Исаенковой. М., 2013. С. 117.

⁴ См.: Ткачева Н.Н. К вопросу о проведении беседы при подготовке дела к судебному разбирательству в гражданском процессе // Современное право. 2014. № 11. С. 86.

«1. Информационно-подготовительная встреча проводится судьей единолично путем использования системы веб-конференции в порядке, установленном статьей 155.2/153.2/142.1 настоящего Кодекса, либо с помощью иных средств связи с записью на CD-ROM.

2. Проведение информационно-подготовительной встречи путем использования системы веб-конференции осуществляется по инициативе суда при согласии лиц, участвующих в деле.

3. Согласие на информационно-подготовительную встречу с помощью иных средств связи может быть выражено посредством указания номера телефона в тексте обращения в суд, а также при подаче электронного искового заявления посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на официальном сайте суда в сети «Интернет»».

Информационно-подготовительная встреча подразумевает опрос как метод сбора первичной информации со слов опрашиваемого¹. Данная форма не предполагает обязанности представления информации, как это предусмотрено, например, в отношении допроса, и не является объяснениями сторон, поскольку объяснения имеют форму средства доказывания (ст. 55 ГПК РФ, ст. 64 АПК РФ, ст. 68 КАС РФ), а опрос необходим суду для уточнения, а не определения обстоятельств дела, которые устанавливаются в процессе доказывания, в то время как исследование доказательств на стадии подготовки дела к судебному разбирательству – невозможно. Кроме того, само понятие опроса как метода получения информации является юридическим термином и имеет довольно широкое применение в юридической практике².

¹ Толковый словарь русского языка: [А-Я]: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии». С. 457.

² См.: Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 11.06.2021)// Собрание законодательства РФ.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434; Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ.2003. № 40. Ст. 3822.

Выбор номера статьи процессуальных кодексов обусловлен природой и целью проведения информационно-подготовительной встречи, поскольку такое средство получения информации на стадии подготовки дела к судебному разбирательству напоминает предварительное судебное заседание, с фиксацией, но без вызова сторон в суд. При этом расположение правовой регламентации в статьях 152.1 ГПК РФ, 136.1 АПК РФ и 138.1 КАС РФ не будет противоречить статьям 150 ГПК РФ, 135 АПК РФ, 135 КАС РФ, так как перечень действий судьи при подготовке дела к судебному разбирательству оставлен законодателем открытым. Последнее также не исключает определение природы информационно-подготовительной встречи через факультативное действие судьи с корреспондирующей возможностью расширения перечня факультативных действий, закрепленных в статьях 150 ГПК РФ, 135 АПК РФ, 135 КАС РФ.

Таким образом, невозможность обличения инструмента подготовки дела в процессуальную форму в силу отсутствия соответствующей нормативно-правовой регламентации не позволяет использовать его в судебной практике, заставляя судей обращаться к исключительно регламентированным в законе процессуальным действиям, например, к проведению предварительного судебного заседания (ст. 152 ГПК РФ, ст. 136 АПК РФ, ст. 138 КАС РФ).

Между тем предварительное судебное заседание не является обязательным элементом подготовки дела к судебному разбирательству. Остается неясной и его процессуально-правовая природа. Если рассматривать предварительное судебное заседание как отдельный этап стадии подготовки дела к судебному разбирательству, то возникает вопрос о том, что ему предшествует и что следует за ним. Если предположить, что предварительное судебное заседание в силу пункта 13 части 1 статьи 150 ГПК РФ, пункта 1 части 1 статьи 135 АПК РФ и пункта 11 части 3 статьи 135 КАС РФ является факультативным действием судьи¹, то также возникает вопрос, почему предварительное судебное заседание по своей структуре напоминает судебное заседание, считающееся неотъемлемой частью

¹ См.: Бороздина М. О. Предварительное судебное заседание как новелла ГПК РФ // Проблемы гражданской юрисдикции в свете нового законодательства. Саратов. 2003. С. 6.

самостоятельных стадий гражданского процесса. Возникновение вышеуказанных вопросов свидетельствует о том, что предварительное судебное заседание следует признать ни действием и ни этапом, а устной формой стадии подготовки дела к судебному разбирательству, что имеет следующее объяснение.

Например, при необходимости уточнения фактических обстоятельств дела, судья назначает предварительное судебное заседание, что влечет извещение сторон о времени и месте заседания, получение дополнительных доказательств, протоколирование, вынесение определения. При этом при отсутствии такой необходимости судья может принять исковое заявление и назначить дату основного судебного заседания без проведения предварительного. Последнее не будет свидетельствовать об исключении стадии подготовки дела к судебному разбирательству, поскольку подготовка будет осуществлена судьей, но без вызова сторон, получив соответствующее отражение в определении, в котором судья укажет, какие обстоятельства должны будут быть установлены, что позволяет сделать вывод о возможности обличения стадии в письменную форму.

Если вопрос о процессуально-правовой природе предварительного судебного заседания остается дискуссионным, то проблема сложности его проведения считается решаемой. Как известно, использование судом данного средства получения информации на стадии подготовки дела обременено временными и экономическими затратами, выражающимися, в частности, в дополнительной личной явке участников в суд. Между тем удаленный способ проведения может устранить эти недостатки.

К примеру, в Англии проводятся промежуточные телефонные слушания¹, а в США стороны предпочитают дистанционные досудебные конференции посредством сети «Интернет» или с помощью телефонной связи, но в обоих случаях с обязательной записью на CD-ROM².

¹ См.: Кудрявцева Е.В. Подготовка дел к судебному разбирательству в России и Англии // Законодательство. 2008. № 1. С. 46-55.

² См.: Цыпленков С.А. Краткий сравнительно-правовой анализ основных институтов гражданского процесса в России и США при подготовке дел к судебному разбирательству. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/arbitration/article103.html> (дата обращения: 09.04.2020).

В России тенденция подобного выяснения фактических обстоятельств дела уже имела место во время карантина из-за COVID-19, когда Вахитовский районный суд г. Казани и Невьянский городской суд Свердловской области первыми начали использовать возможности Skype и мессенджера WhatsApp.

Так, 26 марта 2020 года в Республике Татарстан в силу невозможности производства по делу в здании суда Вахитовский районный суд г. Казани рассмотрел дело № 5-385/2020 с помощью Skype¹. 30 марта 2020 года судья Невьянского городского суда Свердловской области Захватошина Наталья Сергеевна вынесла постановление о назначении административного наказания, рассмотрев дело № 5-40/2020 по статье 6.3 КоАП РФ по факту нарушения санитарно-эпидемиологических норм в условиях карантина путем видео звонка с использованием мессенджера WhatsApp².

Также довольно значимым примером для анализа практики применения технологий удаленной связи стало рассмотрение кассационной жалобы Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ с использованием сервиса Zoom. В процессе рассмотрения наблюдались проблемы со стабильностью Интернет-соединения, один из участников по техническим причинам был вынужден повторно подключиться, пропустив часть заседания, а сама запись судебного заседания появилась на видеохостинге YouTube³.

Безусловно, выявленные проблемы очевидны и онлайн-формат судебных заседаний, проводимых с помощью веб-конференций, нуждается в существенных доработках. Однако данный вопрос лежит в плоскости не только технологий, но и права.

¹ См.: Постановление Вахитовского районного суда г. Казани от 26.03.2020 г. по делу №5-385/2020 (16RS0046-01-2020-000436-91). URL: <http://vahitovsky.tat.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.04.2020).

² См.: Постановление Невьянского городского суда Свердловской области от 30.03.2020 г. по делу 5-40/2020 (66RS0038-01-2020-000380-15). URL: <http://neviansky.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.04.2020).

³ Трезубов Е.С. Видео-конференц-связь в судах: вынужденная трансформация в условиях пандемии // Администратор суда. 2020. № 2. С. 38 - 43.

С одной стороны, действительно, требуется создать безопасный канал передачи данных (связи), когда в зал персональной конференции лица, участвующие в деле, смогут войти только после прохождения аутентификации и идентификации через свой личный кабинет на портале ЕПГУ. Но, с другой стороны, необходимо урегулировать дистанционный формат судебного заседания на законодательном уровне. Во-первых, предоставив участникам процесса право дистанционного подключения с помощью «подручных» средств. Во-вторых, нивелировав риски возникновения проблемы нестабильности соединения, регламентировав возможность объявления перерыва по данному основанию. В-третьих, запретив в рамках законодательства о персональных данных создавать и распространять запись судебного заседания, как это сделано в отношении разрешительного порядка фиксации хода судебного заседания участниками судебного процесса.

Как следствие, при рассмотрении возможностей дистанционных технологий ключевой остается проблема диспозитивности в выборе средств: по какому именно пути пойдет российская судебная система – по пути императивного запрета, либо дозволения, которое в свою очередь может быть ограничено известной процессуальному праву «технической возможностью». Например, лекции и семинарские занятия, проводимые Университетами в дистанционном формате, также показали сложность в использовании средств удаленной связи. Однако право выбора – получать знания в новом формате, либо оставаться вне системы – в большинстве случаев принадлежало студентам, а не профессорско-преподавательскому составу. Другой стороной возникшей на практике проблемы использования формы онлайн-обучения стало отсутствие у студентов необходимого программного обеспечения. Но и этот аспект не исключал сам факт предоставления права на получение образования в дистанционном формате.

В этой связи наиболее интересной представляется позиция К.Г. Корякиной и О.В. Хохряковой, которые, проанализировав риски использования системы веб-конференции в арбитражном процессе, назвали их «существенными, требующими скорейшего урегулирования», а оценив преимущества и недостатки нового

средства связи в условиях пандемии, пришли к выводу о том, что использование системы веб-конференции может иметь место, но «только в тех случаях, когда стороны не имеют иных представленных законом возможностей»¹.

Следуя этой логике, в период действия ограничительных мер из-за пандемии, вызванной COVID-19, Президиумом ВС РФ и Президиумом Совета судей РФ судам была дана рекомендация проводить судебные заседания с использованием системы видеоконференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта ВС РФ².

Данное нововведение довольно быстро было воспринято арбитражными судами, и в информационной системе «Мой арбитр» появился порядок участия в онлайн-заседании в режиме веб-конференции с инструкцией по работе с системой и возможностью тестового подключения к веб-конференции.

Для того чтобы воспользоваться модулем веб-конференций пользователю необходимо через официальный сайт суда в сети «Интернет» подать соответствующее ходатайство и после одобрения, авторизовавшись в системе под той же учетной записью, подключиться к онлайн-заседанию посредством открытия вкладки «Онлайн-заседания» в Картотеке арбитражных дел. Для других пользователей модуль онлайн-заседания по данному делу останется недоступным.

Проанализировав порядок и результаты проведения веб-конференций в арбитражном процессе, Ю.А. Канцер назвал онлайн-заседания «квинтэссенцией развития электронного правосудия», сделав особый акцент на том, что никто не может предвидеть развитие эпидемиологической обстановки, но уже имеющийся опыт может гарантировать уверенность в гибкости и стабильности судебной системы вопреки неожиданным угрозам³.

¹ Корякина К.Г., Хохрякова О.В. Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 18.

² См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821». Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

³ Канцер Ю.А. Электронное правосудие в арбитражном процессе: новые вызовы и адаптация судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 36 - 40.

В отличие от арбитражных судов в судах общей юрисдикции система веб-конференции была развернута на базе использования программно-технических средств американской компании Avaya и отечественной системы Vinteo¹.

Для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференцсвязи участникам процесса необходимо подать ходатайство в личном кабинете сервиса «Электронное правосудие». Пользователь, подавший ходатайство, получает на адрес электронной почты уведомление о проведении судебного заседания в режиме веб-конференцсвязи с указанием даты и времени тестового подключения, а также даты и времени судебного заседания, и ссылку для подключения, либо уведомление об отказе в удовлетворении ходатайства с объяснением причины.

Так, период с 18 марта по 30 апреля 2020 года позволил Первому кассационному суду общей юрисдикции, помимо имеющихся систем видеоконференц-связи, подготовить и настроить имеющееся оборудование для работы в новых условиях и приступить к использованию веб-конференций, а также иных информационных технологий, дающих возможность идентифицировать участников судебных заседаний.

Если до 18 марта 2020 года в Первом кассационном суде рассматривались дела только с использованием видеоконференц-связи, а применение веб-конференций и иных информационных технологий при отправлении правосудия исключалось, а с 18 марта 2020 года по 30 апреля 2020 года в суде было рассмотрено 116 дел посредством видеоконференц-связи и всего 11 дел по веб-конференции, то с 12 мая 2020 года по 05 июня 2020 года с применением систем видеоконференц-связи проведено 226 судебных заседаний при условии и 542 дела рассмотрено посредством использования веб-конференции и иных информационных технологий, позволяющих идентифицировать участников судебных заседаний, в том числе 29 судебных заседания проведено посредством многоточечного соединения с участниками процессов.

¹ См.: Хисамов А.Х. Технологии видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. N 4. С. 263.

С результатами рассмотрения дел в период пандемии и преимуществами использования информационных технологий при их рассмотрении в Первом кассационном суде общей юрисдикции пользователи могут ознакомиться на официальном сайте суда в разделе «Новости» от 05.06.2020¹.

Тем не менее, несмотря на отдельные положительные моменты, сложившаяся в период пандемии практика была отмечена довольно скептическим отношением со стороны судебной системы. В этой связи можно согласиться с мнением секретаря Пленума Верховного суда РФ В.В. Момотова в части того, что судьи должны принимать решения, «руководствуясь сердцем и законом, и никакие роботы или видеосвязь не смогут заменить общение со сторонами, с подсудимыми в зале суда»². Но при этом также следует отметить обязательность присутствия лиц в уголовном судопроизводстве и диспозитивность гражданского процесса, когда явиться в суд – это не обязанность, а право сторон, возможность реализации которого должна быть предоставлена участникам процесса всеми предусмотренными законом, в том числе цифровыми, средствами.

Вышеизложенное свидетельствует о реальной возможности применения различных способов уточнения обстоятельств дела, например, посредством телефонной связи, электронной коммуникации или с помощью таких средств информационного обеспечения, как мессенджер или видеосвязь. Как справедливо отмечает С.Ф. Афанасьев, подобные средства связи пока могут выступать «не основными, а исключительно дополнительными инструментами электронной коммуникации органа правосудия и лиц, участвующих в деле»³. Аналогичной

¹ См.: Информация о рассмотрении дел Первым кассационным судом общей юрисдикции в период пандемии коронавируса // Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=104 (дата обращения: 07.08.2021).

² Момотов В.В. Судьи принимают решения, руководствуясь сердцем и законом// Информационный портал. URL: <https://zasudili.ru/news/9914/> (дата обращения: 14.04.2020).

³ Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 145.

позиции придерживается и Конституционный суд РФ¹. Однако использование данных способов не сможет стать судебным инструментом до тех пор, пока не будет обличено в соответствующую процессуальную форму.

Так, центральный элемент использования опроса – возможность применения системы веб-конференции, – стал еще одной цифровой новацией процессуально-правового регулирования. С 1 января 2022 года участники гражданского процесса могут участвовать как в предварительном, так и в судебном заседании через системы веб-конференции при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в судах технической возможности². Суд может отказать участнику заседания в использовании дистанционного формата в случае отсутствия технической возможности или при закрытом режиме разбирательства. Закон позволяет установить личность участника заседания с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия. К таким средствам относят единую систему идентификации и аутентификации и единую биометрическую систему.

Об удовлетворении ходатайства суд выносит определение, в котором указывается время проведения судебного заседания. Информация, необходимая для подключения к залу судебных заседаний в режиме онлайн, направляется участникам процесса заблаговременно. При этом точный срок направления такого сообщения действующим законом не регламентирован, что не является противоречием или пробелом, так как в данном случае может быть проведена параллель с надлежащим извещением участников процесса, которое подразумевает заблаговременное уведомление в установленной законом форме.

Заявления, ходатайства и иные документы при участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции принимаются судом в

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 716-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шеломенцева Андрея Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьями 12, 55 и 155.1 Гражданского процессуального кодекса РФ». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2021).

² См.: Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Сборник законодательства РФ. 2022. № 1 (Часть I). Ст. 9.

электронном виде. Аналогичным образом свидетелями, экспертами и переводчиками суду предоставляется подписка о разъяснении им прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение. Однако в этом случае подписка должна быть представлена в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Как следствие правового регулирования нового вида удаленной связи в судебной системе законодатель также предусмотрел возможность возникновения сомнений в подлинности идентификации и аутентификации лица, а также случай возникновения неполадок при использовании технических средств ведения судебного заседания. В этой связи часть 1 статьи 169 ГПК РФ, часть 5 статьи 158 АПК РФ и часть 2 статьи 152 КАС РФ были дополнены соответствующими основаниями для отложения судебного разбирательства.

Между тем сопоставительный анализ правовой регламентации применения системы веб-конференции и оснований для отложения судебного разбирательства показывает наличие некоторой неопределенности в реализации данных норм.

Во-первых, в законе не указан момент заявления ходатайства об участии в судебном заседании с помощью системы веб-конференции (ч. 1 ст. 155.2 ГПК РФ, ч. 1 ст. 153.2 АПК РФ, ч. 1 ст. 142.1 КАС РФ). Предполагается, что заявление такого ходатайства должно быть сделано заблаговременно. В то же время на сайтах отдельных судов размещены рекомендации по сроку подачи такого ходатайства, который варьируется от двух¹ до пяти² рабочих дней. В этой связи представляется возможным регламентировать срок заявления ходатайства, например, ограничив его продолжительность не менее чем пятью рабочими днями. Введение данной нормы необходимо не только для «дисциплинирования» участников цивилистического процесса, но и, прежде всего, в целях обеспечения защиты их

¹ См.: Веб-конференции (онлайн-заседания)// Официальный сайт Арбитражного суда Ярославской области. URL: <https://yaroslavl.arbitr.ru/process/online> (дата обращения: 29.07.2022).

² См.: Временный регламент организации участия в судебном заседании Арбитражного суда Удмуртской Республики с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел»// Официальный сайт Арбитражного суда Удмуртской Республики. URL: <https://udmurtiya.arbitr.ru/process/onliner> (дата обращения: 29.07.2022).

прав, так как заблаговременное заявление ходатайства позволит участнику, в случае отказа в удовлетворении ходатайства судом, выбрать традиционную форму участия в судебном заседании либо заявить ходатайство об отложении судебного заседания.

Во-вторых, остается неясным, является ли возникновение неполадок при использовании технических средств по обстоятельствам, зависящим не от суда, а от иных участников процесса, основанием для отложения судебного заседания, а если является, то необходимо ли в таком случае заявление ходатайства об отложении судебного заседания. Например, на официальном сайте Арбитражного суда Ивановской области размещена информация о том, что в случае возникновения технических неполадок «суд по ходатайству лица, участвующего в деле, может отложить судебное заседание или объявить перерыв на срок, не превышающий пяти дней»¹, что в свою очередь может свидетельствовать о попытке судов самостоятельно регламентировать отсутствующие в законе положения. При этом, как показывает практика, суды действительно откладывают судебное заседание по причине технических неполадок, возникших по вине сторон при условии заявления последней соответствующего ходатайства. Так, например, определением Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-845/2021 от 03 февраля 2022 года судебное заседание было отложено с формулировкой «по технической причине по ходатайству истца»². Следовательно, отложение судебного разбирательства в силу возникновения технических неполадок признается судами возможным по ходатайству лица, у которого возникли такие неполадки.

Изменение или дополнение формулировки части 1 статьи 169 ГПК РФ, части 5 статьи 158 АПК РФ, части 2 статьи 152 КАС РФ, в нашем понимании, не

¹ См.: О проведении судебных заседаний с использованием системы веб-конференции// Официальный сайт Арбитражного суда Ивановской области. URL: <https://ivanovo.arbitr.ru/node/13690> (дата обращения: 29.07.2022).

² См.: Определение Суда по интеллектуальным правам об отложении судебного заседания от 03 февраля 2022 года по делу № СИП-845/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.07.2022)

требуется, поскольку закон не ограничивает стороны в заявлении ходатайств. Но это не исключает необходимость разъяснения данного механизма, например, в актах толкования. Так, участник цивилистического процесса должен сохранять за собой право заявления ходатайства об отложении судебного разбирательства в силу возникновения технических неполадок со ссылкой на часть 1 статьи 169 ГПК РФ, часть 5 статьи 158 АПК РФ, часть 2 статьи 152 КАС РФ, как до судебного заседания, так и во время него. При этом отказ в удовлетворении такого ходатайства может повлечь нарушение права на участие в судебном заседании лично и, как следствие, может быть обжалован по общим правилам подачи частной жалобы. В данной конструкции не присутствует нововведений, поскольку подобный механизм уже регламентирован положениями процессуального закона. Более того, если, например, судом было удовлетворено ходатайство об участии в судебном заседании посредством системы веб-конференции, но лицо не явилось, суду в силу положений статей 169 ГПК РФ, 158 АПК РФ, 152 КАС РФ следует отложить разбирательство дела для выяснения причин неявки.

Понимание вышеназванных нюансов имеет большое значение в рамках цивилистической процессуальной формы. Безосновательное отклонение ходатайства, равно как и невозможность его подачи по причине внезапного возникновения технических неполадок, может стать препятствием как для реализации принципов диспозитивности и состязательности сторон, так и для достижения первостепенной задачи отправления правосудия – защите прав и свобод субъектов правоотношений.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что веб-конференция наравне с видеоконференц-связью является еще одним инструментом цифрового правосудия, использование которого предполагает переход к цифровой цивилистической процессуальной форме, а невозможность применения – влечет возвращение к устной цивилистической процессуальной форме.

В то же время неотъемлемым и в силу последних изменений в законодательстве обязательным инструментом информационного обеспечения

судебной власти наряду с применением удаленных средств связи остается протоколирование¹.

С 1 сентября 2019 года в судах общей юрисдикции в ходе каждого судебного заседания, включая предварительное, введено обязательное аудиопротоколирование. Лицам, участвующим в деле, предоставлена возможность подачи замечаний в отношении неточности и неполноты аудиозаписи в течение пяти дней с момента подписания протокола². При этом для АПК РФ обязательное аудиопротоколирование уже давно не является новацией (ч. 1 ст. 155).

Как показывала ранее практика, секретарь судебного заседания или исполняющий полномочия секретаря помощник судьи не могли фактически успеть зафиксировать точное содержание выступлений участников процесса. Как следствие, протокол представлял собой форму формального соблюдения требований процессуального закона и ставил участников гражданского судопроизводства в неравное положение по сравнению с лицами, участвующими в деле в арбитражном процессе. Сегодня ведение обязательной аудиозаписи призвано обеспечить исключение случаев фальсификации в практике российских судов и повысить доверие к органам судебной власти.

Суды Российской Федерации обеспечены системой IS Mechanics Femida, которая представляет собой программно-аппаратный комплекс, позволяющий зафиксировать судебное заседание посредством аудиофиксации с последующим сохранением на сервер и на CD диск.

В сентябре 2012 года был запущен тестовый режим системы. В начале каждого судебного заседания судьи объявляли о том, что ведется аудиопротоколирование хода судебного заседания посредством SRS-Femida.

¹ См.: Котельникова О.В., Антипина А.А. К вопросу о протоколировании судебного заседания в гражданском процессе // Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction: Materials of the VI international scientific conference, Prague, 15–16 октября 2017 года. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017. С. 44-46.

² См.: Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4854.

В 2019 году система показала свое успешное функционирование и предоставила соответствующий плацдарм для развития технико-процессуальных возможностей протоколирования. В частности, в России набирает популярность программный комплекс аудиовидеозаписи, онлайн-трансляции и протоколирования судебных заседаний «Нестор.ПРАВОСУДИЕ», предоставляющий возможности использования технологий автоматического распознавания речи, надежного хранения всей полученной информации и при необходимости полнотекстового поиска по протоколам и реквизитам хранящихся в памяти системы записей¹. Данное программное обеспечение уже нашло свое отражение в деятельности арбитражных судов РФ, Конституционного суда РФ, многих иных органов государственной власти РФ и сейчас получает возможность проявить себя в судах общей юрисдикции, например, в практике Свердловского и Шебекинского районных судов Белгородской области².

Использование современных средств распознавания речи является довольно прогрессивным средством облегчения и упрощения работы секретаря судебного заседания. Однако вопрос распространения их применения в судебной системе сегодня лежит в большей степени не в нормативно-правом поле законодателя, а в информационно-технической среде программистов. В судебном заседании могут участвовать лица, которые говорят тихим голосом, картавят или шепелявят. Дефекты речи не дискриминируют таких лиц, но существенно осложняют распознавание голоса, что сохраняет законодательно закрепленную необходимость параллельного осуществления фиксации традиционным способом.

Рассмотрение дела в судебном заседании завершается вынесением судебного решения, которое может быть обличено в форму электронного документа, подписанного судьей (судьями) усиленной квалифицированной электронной

¹ См.: Нестор: система распределенного компьютерного документирования устной речи. URL: <https://www.speechpro.ru/solution/sudebnaya-sistema> (дата обращения: 09.04.2020)

² См.: Новости судов общей юрисдикции Белгородской области по итогам 2018 года// Официальный сайт Белгородского областного суда. URL: http://oblsud.blg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1723 (дата обращения: 09.04.2020).

подписью (абз. 2 ч. 1 ст. 197 ГПК РФ, абз. 2 ч. 1 ст. 169 АПК РФ, ч. 1.1. ст. 179 КАС РФ). При этом и электронная, и бумажная форма имеют равную юридическую силу. Экземпляр на бумажном носителе приобщается к материалам дела, а в форме электронного документа – хранится в системе и при условии деперсонализации обнародуется на официальном сайте суда.

Согласно нормам действующего процессуального законодательства (ст. 214 ГПК РФ, ст. 177 АПК РФ, ст. 182 КАС РФ), копия решения, выполненного только на бумажном носителе, направляется лицам, участвующим в деле, их представителям не позднее пяти дней после дня принятия и (или) составления решения суда заказным письмом с уведомлением о вручении или по ходатайству указанных лиц вручается им под расписку (в административном судопроизводстве – не позднее чем через три дня после принятия решения суда в окончательной форме). Решение суда, выполненное в форме электронного документа, с согласия лиц, участвующих в деле, их представителей направляется им посредством его размещения на официальном сайте суда в режиме ограниченного доступа не позднее пяти дней после дня его принятия и (или) составления.

Аналогичная система рассылки решений суда действует в США, когда при наличии согласия участники процесса получают электронное решение, а при его отсутствии согласия (либо при отсутствии технической возможности) – традиционным способом¹.

В Финляндии рассылка решений происходит через систему SANTRA. При этом отдельные государственные органы могут воспользоваться этой информацией в силу автоматизированной системы принудительного исполнения².

В России по общему правилу действует традиционный порядок возбуждения исполнительного производства, когда взыскатель после получения судебного решения вынужден получить на него исполнительный лист, обратиться в

¹ См.: Перспективы электронного документооборота в российском арбитражном процессе / С.В. Изотова, Л.А. Баталова, Е.С. Щербина, В.Б. Наумов // Информационное право. 2006. № 4. С. 26.

² См.: Kari Kujanen E-services in the courts in Finland. 2004. URL: <https://rechtsinformatik.ch/wp-content/uploads/2004/06/kujanen.pdf> (дата обращения: 08.08.2021).

соответствующее подразделение ФССП России и написать заявление о возбуждении исполнительного производства, приложив к нему полученный им исполнительный документ. Судебный пристав-исполнитель в течение трех дней с момента получения заявления и исполнительного листа обязан вынести постановление о возбуждении исполнительного производства либо об отказе в возбуждении исполнительного производства и уведомить об этом взыскателя¹.

При этом действующая редакция ГПК РФ предусматривает, что при подаче взыскателем ходатайства исполнительный лист должен быть направлен для исполнения непосредственно судом (ч. 1 ст. 428 ГПК РФ), а федеральный закон № 229-ФЗ от 02.10.2007 г. «Об исполнительном производстве» не исключает возможности электронного документооборота (ч. 17 ст. 30). Однако суды и судебные приставы-исполнители предпочитают элементы бумажного документооборота цифровым инструментам, тем самым усложняя порядок реализации права на судебную защиту.

Между тем, как уже было отмечено выше, исполнительное производство является неотъемлемой частью цивилистического процесса и должно рассматриваться как его заключительная стадия. В этой связи в настоящее время необходимо упростить механизм его возбуждения, не исключив, а упростив задачу взыскателя. Так, принцип диспозитивности цивилистического процесса не будет нарушен при решении вопроса о возбуждении исполнительного производства, если право на возбуждение будет реализоваться взыскателем непосредственно в судебном порядке.

В целях воплощения в жизнь предложенного механизма необходимо реанимировать положения части 1 статьи 428 ГПК РФ, исключив из статьи 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве» обязанность взыскателя подавать заявление в письменной форме, поскольку ходатайство о направлении исполнительного документа, поданное заявителем, уже будет выражать его волеизъявление возбудить исполнительное производство. В техническом плане в

¹ См.: Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 22.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

личном кабинете ГАС «Правосудие» появится возможность установить функционал направления ходатайства, при использовании которого, как предполагается, электронный исполнительный лист будет автоматически направлен в соответствующее подразделение ФССП России. Возможность направления исполнительного листа на бумажном носителе при направлении в суд запроса судебным приставом-исполнителем не исключается.

Аналогичным образом представляется возможным автоматизировать возбуждения исполнительного производства в арбитражном и административном процессе.

Неслучайно с июня 2022 года в целях реализации суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» планируется возможность автоматического принятия решений по отдельным вопросам исполнительного производства¹. Под новации правового регулирования попадут такие элементы исполнительного процесса, как возбуждение, отказ в возбуждении и прекращение исполнительного производства; взыскание исполнительского сбора; установление и отмена ограничений, запретов, наложения и снятия арестов и других решений. При этом режим будет распространен только на безусловные решения, не требующие личного участия судебного пристава-исполнителя. Корреспондирующие изменения будут внесены в процессуальные кодексы. В частности, ч. 6 ст. 38 АПК РФ дополнится правилами подачи заявления об оспаривании решения ФССП России, принятого в автоматическом режиме.

На наш взгляд, подобные элементы автоматизации позволят повысить оперативность не только вынесения постановлений ФССП России, но и их получения сторонами исполнительного производства. Последнее имеет особую ценность при реализации права на судебную защиту, поскольку институт судебной защиты, как и административный порядок обжалования, в этом случае будет приведен сторонами в действие в еще более сокращенные сроки.

¹ См.: Федеральный закон от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8976.

Таким образом, возможности использования современных средств информационного обеспечения судебной власти сопровождают абсолютно все этапы реализации права на судебную защиту, начиная с возбуждения производства по делу и заканчивая исполнением итогового постановления суда.

2.2. Правовое поле использования цифровых технологий при пересмотре судебных постановлений и актов

На протяжении последних десятилетий перед государством остается первостепенной задачей создания всех возможных условий для справедливого отправления правосудия. В то же время решение выносит судья-человек, не застрахованный от возможных ошибок. Выявить и исправить допущенные судом первой инстанции погрешности можно только путем пересмотра судебного постановления или акта непредвзятым судом вышестоящей инстанции – самостоятельным структурным элементом судебной системы, представленным судами проверочных инстанций.

Если обратиться к истории становления и развития института обжалования в России, то следует отметить, что длительный период времени российская правовая действительность отличалась национальной самобытностью. Только с приходом к власти Петра I в результате его знаменитых реформ российское правосудие начало приобретать черты, свойственные западным судебным системам.

В Древней Руси, как и в странах Западной Европы того промежутка времени, власть была сосредоточена в руках народа. Основным элементом судебной системы на протяжении многих лет оставался народный суд. Как справедливо отмечает Е.А. Борисова, «о процедуре пересмотра судебных постановлений в те времена речи быть не могло»¹.

Первым элементом судебной системы, отдаленно напоминавшим институт обжалования, можно признать институт доклада. Согласно Новгородской судной грамоте существование данного института сводилось к переносу дела – к его

¹ Борисова Е.А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. М.: Городец, 2008. С. 12.

рассмотрению в другом суде (параграф 21 Раздела о суде и о пошлинах)¹. Однако, по мнению большинства правоведов (Д.С. Флексора², Н. Дювернуа³, К.Д. Кавелина⁴ и др.), производство по докладу нельзя считать прообразом апелляционного производства, поскольку дело не пересматривалось, а делилось на две стадии: на первой стадии один судья заслушивал позиции сторон; на другой судья (высший) устанавливал обстоятельства и выносил решение.

Судебник 1497 года в статье 19 закрепил перенос дела по инициативе сторон, согласно которому сторона, считавшая решение суда несправедливым, получала право требовать переноса дела в суд высшей инстанции. В этом случае суд высшей инстанции истребовал дело из суда низшей инстанции и пересматривал исключительно решение суда, не принимая во внимание новые доказательства. Однако если судьи высшего суда находили дело неполным, они были вправе вынести решение «дать суд с головы», что означало назначить новое рассмотрение⁵.

В дальнейшем институт обжалования судебных решений приобретал иерархичный характер. По аналогии с французским порядком классического Средневековья участников процесса наделили правом обращаться с жалобой к государю после обращения с челобитными в приказы. Настоящий порядок получил прямое закрепление в статье 20 главы X Соборного уложения 1649 года⁶.

¹ См.: Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. С. 222.

² См.: Флексор Д.С. Отмена решений по просьбе третьих лиц. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1894. С. 31-32.

³ См.: Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 2018. С. 410.

⁴ См.: Кавелин К.Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, в период времени от Учреждения о губерниях. М., 1844. С. 122.

⁵ См.: Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV - XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. С. 348.

⁶ См.: Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Под ред. К.А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 79.

В период петровских реформ, по словам М.М. Михайлова, возникла регламентация апелляционной жалобы в аспекте её истинного назначения и содержания¹. При обращении в вышестоящие суды заявитель должен был обосновать, в чем состоит неправильность принятого нижестоящим судом решения, каким именно правилам оно противоречит. Приобщение материалов, не относящихся, к существу жалобы, не допускалось.

В 1797 году появляются границы апелляционного обжалования. Высший суд сохраняет обязанность исправления упущений низшего суда, при этом ограничиваясь исключительно имеющимися в деле доказательствами. Новые доказательства без соответствующей на них ссылки сторон – во внимание не принимаются. Как следствие, перед апелляционным судом будет поставлено две цели: во-первых, убедиться в правильной формальности вынесения решения судом нижестоящей инстанции; во-вторых, удостовериться в справедливости и законности вынесенного решения. В этой связи следует признать обоснованными выводы М.М. Михайловского о том, что апелляционное производство XVIII века приобрело форму ревизии – проверки дела².

В последующем правила апелляционного обжалования войдут в Свод законов Российской империи, соединив противоречивые указы того периода времени. Российское правосудие подойдет к великой судебной реформе 1864 года, потребность в которой уже довольно давно проявлялась в обществе³. До введения в действие Устава гражданского судопроизводства 1864 года апелляционный порядок останется единственным существующим способом исправления судебного решения – иных видов обжалования не предполагалось⁴.

¹ См.: Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в его историческом развитии от Уложения 1649 г. до издания Свода Законов. СПб., 1856. С. 168-182.

² См.: Михайлов М.М. Указ. Соч. С. 182.

³ См.: Смагина Е.С. Апелляционное производство в гражданском процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 27.

⁴ См.: Михайлов М.М. Указ. Соч. С. 172.

Декретами о суде апелляция на долгое время будет заменена советской кассацией¹. Однако концепция судебной реформы 1991 года возвратит апелляционное производство, и апелляционный порядок начнет предусматривать пересмотр дел судьей единолично, а кассационный – коллегией из трех судей.

Дальнейшее развитие правового регулирования было осуществлено посредством создания и введения в действие Гражданского процессуального кодекса РФСФР. Кодекс сохранил существовавшую в нашей стране стадию кассации, но с расширением возможностей апелляционной инстанции по установлению новых фактов, а также по исследованию дополнительных доказательств.

Современный гражданский процессуальный кодекс оперирует понятиями производства в суде первой инстанции, апелляции, кассации, надзора и пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Здесь же следует отметить, что АПК РФ выделяет два производства – производство в суде первой инстанции и производство по пересмотру судебных актов. В то же время, согласно исследованиям Е.А. Борисовой, формы реализации права на судебную защиту подразделяются на три вида – «обращение в суд первой инстанции, обращение в суд второй инстанции и обращение в суд третьей инстанции»².

Тем не менее, в гражданском судопроизводстве процедура обжалования судебных постановлений складывается из двух частей. Производство во второй инстанции состоит из проверки судебных постановлений, не вступивших в законную силу (апелляционного производства). В качестве второй части ГПК РФ выделяет пересмотр вступивших в законную силу постановлений, включающего в себя кассационное, надзорное производства, а также пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Аналогичным образом построена правовая регламентация процедуры обжалования судебных актов в КАС РФ. В

¹ Гражданский процесс: учебник / С.Н. Абрамов, В.Н. Бельдюгин, В.Г. Гранберг, А.Ф. Клейнман и др./ Под ред.: А.Ф. Клейнмана. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 253.

² Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в российском гражданском, арбитражном процессах: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2005. С. 15.

арбитражном судопроизводстве все четыре элемента объединены в один раздел и дифференцированы посредством предоставления правовой регламентации каждого производства в отдельной главе АПК РФ.

На наш взгляд, наиболее логичной классификацией производств по пересмотру судебных постановлений следует признать деление инстанций на пересмотр судебных постановлений, не вступивших и вступивших в законную силу. Нормативно-правовые положения, регламентирующие осуществление производства по проверке и пересмотру судебных постановлений, действуют в отношении всех видов производств, определяемых характером спора или субъектным составом его участников, если в нормах, регулирующих это производство, не предусмотрено иное.

Нормативное регулирование процедуры обжалования судебных постановлений построено на субсидиарном применении норм, регулирующих производство в суде первой инстанции, с особенностями, определяемыми спецификой применяемого способа проверки или пересмотра¹.

Как верно отмечал в свое время К.И. Малышев, обосновывая актуальность создания проверочных инстанций, «чаще всего по ошибке и случайным причинам органы судебной власти иногда действуют неправильно, незаконно или допускают упущения там, где должны были проявить энергию суда»². Как следствие, от подобных действий могут страдать интересы граждан и организаций, что в свою очередь подчеркивает острую необходимость предоставления таким лицам возможности доказать необоснованность или незаконность решения суда и побудить органы судебной власти восполнить допущенные судами первой инстанции «упущения».

Первое двадцатилетие XXI века было отмечено особо значимыми новеллами в процессе трансформации апелляционного и кассационного производства по

¹ См.: Загайнова С.К. Пересмотр судебных актов в цивилистическом процессе: учебное пособие / С.К. Загайнова М.Л. Скуратовский, Ю.А. Тимофеев; под. ред. Ю.А. Тимофеева. М.: Статут, 2018. С. 20.

² См.: Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т.2. С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1875. С. 162.

гражданским делам. С 1 октября 2019 года в России заработали пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции¹. Апелляционный порядок рассмотрения дела практически не изменился. В большей степени новая реформа затронула процедуру кассационного обжалования.

Так, в силу новелл претерпел изменения порядок обжалования судебных постановлений, принимаемых по первой инстанции областными и приравненными к ним судами. Если раньше решение, например, Верховного Суда Республики Татарстан в апелляционном порядке подлежало обжалованию в Судебную коллегия Верховного Суда РФ, то в настоящее время жалобу необходимо адресовать Четвертому апелляционному суду общей юрисдикции, располагающемуся в г. Нижнем Новгороде².

Соответственно, прослеживается цель создания апелляционных судов, сводящаяся к разгрузке Верховного Суда РФ. Между тем, как верно отмечает Е.А. Борисова, «мерилом в любом процессе реформирования прежде всего должен быть человек в образе лица, ищущего судебную защиту, а не лицо, представляющее судебную систему»³.

Апелляционное обжалование по своей правовой природе подразумевает пересмотр судебных постановлений, не вступивших в законную силу. При этом под судебными постановлениями применительно к апелляционному производству по гражданским делам в соответствии с процессуальными кодексами понимаются решения и определения, выносимые судом первой инстанцией. В силу особого

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

² См.: Федеральный закон от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть 1). Ст. 7523.

³ Борисова Е.А. К вопросу о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции// Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей Международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского. М.: РУДН, 2018. С. 91.

порядка отмены судебный приказ как одна из разновидностей судебных постановлений к объектам апелляционного производства не относится.

Традиционно в доктрине цивилистического процессуального права выделяют два вида апелляции. Полная апелляция позволяет участникам процесса представлять в суд второй инстанции новые доказательства, которые не были на рассмотрении у суда первой инстанции. Следовательно, в этом случае суд второй инстанции наделяется правом на установление новых фактов. Порядок рассмотрения дела при полной апелляции аналогичен механизму, закрепленному за судом первой инстанции. Однако возвращение дела на новое рассмотрение в этом случае не допускается.

При неполной апелляции участники процесса лишаются права предоставления в суд второй инстанции новых доказательств. Возможность ссылаться на факты, не оглашенные в суде первой инстанции, – также отсутствует. При неполной апелляции необходимость явки сторон в зал судебной заседания не наблюдается, поскольку суд основывает свои выводы исключительно на имеющихся в деле доказательствах. При этом за апелляционным судом закрепляется полномочие на возвращение дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Для российского цивилистического процесса, как справедливо отмечают российские процессуалисты, свойственна принципиально новая модификация обжалования, получившая название смешанной апелляции¹.

С одной стороны, суд апелляционной инстанции в России лишен полномочия на передачу дела на новое рассмотрение. В апелляционном производстве применяются общие правила рассмотрения дела, установленные для суда первой

¹ См.: Борисова Е. А. Обжалование не вступивших в законную силу судебных решений в гражданском процессе // Российская юстиция, 2003. № 9. С. 28-30; Шакирьянов Р. В. Рассмотрение гражданских дел в апелляционном и кассационном порядке по новому ГПК РФ // Право и экономика. 2003. № 7. С. 75-78.

инстанции, с особенностями, предусмотренными соответствующей главой процессуального кодекса¹.

С другой стороны, суд апелляционной инстанции вправе принимать дополнительные доказательства, но лишь при условии, что сторона сможет обосновать невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от нее². Более того, ряд правил, действующих в суде первой инстанции, апелляционным судом не применяется (ч. 6 ст. 327 ГПК РФ, ч. 3 ст. 266 АПК РФ, ч. 9 ст. 307 КАС РФ).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о наличии в апелляционном производстве Российской Федерации признаков как полной, так и неполной апелляции, обозначив механизм пересмотра судебных постановлений, не вступивших в законную силу, смешанной апелляцией.

Вынесение апелляционного определения является своеобразным триггером для возбуждения производства в суде кассационной инстанции (абз. 2 ч. 1 ст. 376 ГПК РФ, ч. 1 ст. 273 АПК РФ, ч. 1 ст. 318 КАС РФ).

Кассационное производство представляет собой механизм обжалования постановлений суда первой и второй инстанции (за исключением постановлений Верховного Суда РФ) судами кассационной инстанции. Реализация права на судебную защиту на данной стадии обеспечивается за счет пересмотра постановлений, уже вступивших в законную силу, что подчеркивает правоприменительное значение производства и исключительность рассматриваемого способа обжалования, именуемого в литературе «экстраординарным»³.

¹ См.: Котлярова В.В. Полная и неполная апелляции в цивилистическом и судебном административном процессах // *Lex russica*, 2018. № 6. С. 63-71.

² См.: Смоленский И.Н. Новые доказательства в апелляционной инстанции // *Вестник гражданского процесса*, 2019. № 1. С. 457-464; Борисова Е.А. Доказывание в апелляционном производстве в гражданском судопроизводстве // *Вестник гражданского процесса*, 2019. № 1. С. 140-156.

³ См.: Смагина Е.С. Пересмотр судебных постановлений в гражданском процессе: учебное пособие. М.: ООО «Издательство «Перо», 2012. С. 86.

Кассационному производству свойственны все черты, присущие рассмотрению дела в суде первой инстанции и в порядке апелляционного обжалования, включая действие принципов непосредственности, состязательности и гласности. Однако полномочий у кассации гораздо больше (ст. 390 ГПК РФ, 287 АПК РФ, 329 КАС РФ): в частности, суд кассационной инстанции в отличие от апелляционного суда вправе направить дело на новое рассмотрение.

Здесь же следует отметить, что с 1 октября 2019 года кассационные суды общей юрисдикции приобрели форму первой кассации, которая, в отличие от прежней кассации в областных и равных им судах, теперь является сплошной. По аналогии с арбитражным процессом первая кассация рассматривает по существу все надлежащим образом поданные жалобы коллегиально. До реформы вопрос о принятии жалобы оставался на усмотрение судьи, который мог не направить жалобу на рассмотрение.

Жалоба в кассационный суд должна быть подана через суд первой инстанции. С 13 декабря 2019 года копию кассационной жалобы и приложенных к ней документов заявитель должен направить другим участникам процесса самостоятельно и подтвердить направление, приложив доказательства отправки документов к оригиналу жалобы. Сроки подачи кассационной жалобы были сокращены законодателем с 6 до 3 месяцев (ч. 1 ст. 376.1 ГПК РФ). При этом в арбитражном судопроизводстве срок подачи кассационной жалобы составляет два месяца со дня вступления судебного акта в законную силу (ч. 1 ст. 276 АПК РФ), в административном судопроизводстве – шесть месяцев (ч. 2 ст. 318 КАС РФ).

Вступившие в законную силу судебные постановления Верховного Суда РФ являются объектами надзорного производства¹. Надзорное обжалование предполагает пересмотр постановлений при условии исчерпания всех иных возможностей обжалования по аналогии с кассационным производством.

В истории становления и развития надзорного производства в России можно выделить три основных этапа: регламентация декретами о суде контроля за

¹ См.: Пацация М.Ш. К вопросу об объектах надзорного обжалования в гражданском процессе // Закон. 2019. № 7. С. 133-144.

деятельность судов Народным комиссариатом юстиции; учреждение Верховного Суда РСФСР, а при нем специального органа судебного контроля Президиума, деятельность которых нашла свое отражение в ГПК РСФСР; изменение модели судебного надзора с предоставлением всем заинтересованным в деле лицам права подачи надзорной жалобы в силу части 1 статьи 376 ГПК РФ¹.

В настоящее время единственной надзорной инстанцией выступает Президиум Верховного суда РФ. Срок подачи надзорной жалобы составляет три месяца с момента вступления постановления в законную силу и может быть продлен по причинам, признанным судом уважительными (ч. 1 и 2 ст. 391.2 ГПК РФ, ч. 4 и 5 ст. 308.1 АПК РФ, ч. 2 и 3 ст. 333 КАС РФ). При этом трехмесячный срок также стал в свое время новеллой для гражданского процессуального законодательства, поскольку несколько лет назад срок для надзорного обжалования был шестимесечным.

Еще одной разновидностью пересмотра судебных постановлений принято считать пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, когда пересмотр осуществляется при наличии конкретных оснований.

Данное производство берет свое начало в первом советском кодексе 1923 года, предполагающим довольно узкий круг оснований для пересмотра, к которым кодекс относил недоброкачественность доказательств по делу, положенных в основу решения суда; ложные показания свидетелей, а также преступные деяния участников процесса. При этом данные основания должны были быть установлены приговором суда и касаться рассмотренного дела, а заявление о пересмотре могли подать только стороны и прокурор².

С течением времени круг субъектов, имеющих право возбуждать производство, значительно расширился: с 1964 года таким правом были все лица,

¹ См.: Гаджиалиева Н. Ш. Становление и развитие надзорного производства в гражданском процессе// Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 65.

² См.: Гаджиалиева Н.Ш. Развитие института пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам: от ГПК РСФСР 1923 г. до современного состояния// Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 261-264.

участвующие в деле, а с 1980 года – суды, вынесшие обжалуемое решение. ГПК РСФСР 1964 года также был расширен круг оснований для пересмотра.

Современные процессуальные кодексы закрепили регламентированную предыдущими кодексами процедуру. В статьи 392 ГПК РФ, 311 АПК РФ, 350 КАС РФ постоянно вносятся изменения, расширяющие перечень оснований для пересмотра¹.

Пересмотр постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам близко по своей природе к вышерассмотренным институтам обжалования, но в то же время имеет ряд специфических черт.

Во-первых, для него необходимо установление обстоятельств, которые не были известны суду на момент рассмотрения, или возникли уже после рассмотрения и имеют существенное значение для разрешения дела по существу.

Во-вторых, данное производство нельзя отнести к производствам по обжалованию постановлений, поскольку при пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам решение суда первой инстанции является законным и обоснованным, а уже после вынесения решения возникают обстоятельства, в корне изменяющие ход процесса. Соответственно, основанием для обжалования является судебная ошибка, а триггером для пересмотра – возникновение обстоятельств.

В-третьих, особенностью рассматриваемого производства является его формальная определенность: результатом рассмотрения заявления не может стать постановление, вынесенное по существу дела, – итогом становится определение об отмене или оставлении в силе постановления суда.

Также специфической чертой является срок подачи заявления о пересмотре, поскольку он составляет три месяца и начинается течь с момента установления основания для пересмотра (ч. 1 ст. 394 ГПК РФ, ч. 1 ст. 312 АПК РФ, ч. 1 ст. 346 КАС РФ).

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Российская газета, 2012. № 295.

В силу масштабного реформирования процессуального законодательства 2019 года институт пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам также претерпел изменения. С 13 декабря ходатайство о восстановлении срока подачи заявления о пересмотре необходимо направить в течение шести месяцев со дня появления оснований. Законодателем также было уточнено, в каком случае постановление Пленума или Президиума будет являться обстоятельством для пересмотра дела. Для этого недостаточно того факта, что Пленум или Президиум определил или изменил практику применения нормы. Для пересмотра потребуется указание на то, что правовая позиция имеет обратную силу по отношению к делам со сходными обстоятельствами.

Вышеизложенное свидетельствует о стремительной трансформации каждого из четырех производств по пересмотру судебных постановлений, что позволяет проанализировать правовую регламентацию процедур обжалования не только с учетом их исторических особенностей, но и в аспекте цифрового нормотворчества и правоприменения.

Прежде всего, создание апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, осуществление надзора исключительно Президиумом ВС РФ в силу территориальной удаленности единиц судебной системы позволяет актуализировать вопросы электронного документооборота и удаленной связи.

Анализ порядка подачи апелляционной и кассационной жалоб показывает, что возбуждение данных производств не исключает возможностей электронной подачи документов. Однако в результате процессуальной реформы 2019 года порядок подачи документов претерпел существенные изменения¹.

В 2019 году статья 132 ГПК РФ была дополнена пунктом 6, возложившим обязанность направления искового заявления и прилагаемых к нему документов другим участникам процесса не на суд, как это было в процессуальном законе ранее, а на инициатора судебного процесса. Аналогичное требование появилось в

¹ См.: Федеральный закон от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть 1). Ст. 7523.

пункте 2 части 4 статьи 322 и в части 6 статьи 378 ГПК РФ, регламентирующих перечень документов, прилагаемых к апелляционной жалобе и адресованной суду первой кассации кассационной жалобе.

Обязанность истца ознакомить ответчика с предъявляемыми им требованиями уже была известна российскому законодательству. В соответствии с указом Петра I «О форме суда» 1723 года истец должен был направить ответчику документы и «взять у него реверс, что он копию получил»¹.

Аналогичное требование предъявляется к истцу административным процессуальным законодательством (п. 1 ч. 1 ст. 126 КАС РФ).

Такое же требование закреплено в пункте 1 части 1 статьи 126 АПК РФ. Но, как справедливо отмечает Е.В. Кудрявцева, гражданский процесс отличается от арбитражного тем, что граждане не всегда имеют возможность обратиться за квалифицированной юридической помощью к представителям².

Действительно, арбитражный процесс всегда был более прогрессивным с точки зрения трансформации отдельных процессуальных механизмов. Однако в рассматриваемом случае унификация кодексов носит довольно рискованный характер, создавая для участников гражданского процесса препятствия в реализации права на судебную защиту. Не каждый гражданин может с легкостью понять норму процессуального права и интерпретировать ее как это делает юрист с высшим образованием. Вследствие этого на практике граждане не смогут получить защиту в судебном порядке с первого, а в некоторых случаях и со второго, раза, рискуя в случае возвращения искового заявления (апелляционной или кассационной жалобы) пропустить установленный законом срок.

Между тем в научной литературе встречаются различные точки зрения относительно недостатков и преимуществ оптимизации гражданского судопроизводства за счет перераспределения обязанностей по направлению

¹ См.: Именной указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда». URL: <https://base.garant.ru/57566520/> (дата обращения: 07.08.2021).

² См.: Кудрявцева Е.В. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? // Закон. 2017. № 10. С. 20 - 35.

документов. В частности, И.А. Хасаншин считает нововведение оправданным, называя его «процессуальной гарантией, обеспечивающей оперативное движение дела»¹. Аналогичной позиции придерживается С.К. Загайнова, называя направление документов истца «несвойственной для суда функцией»².

В то же время сложно не согласиться со словами В.А. Рязановского, который справедливо указывал на то, что «суд обязан рассмотреть каждое исковое заявление». Наличие или отсутствие субъективного права не должно становиться препятствием для защиты права, поскольку при решении вопроса о принятии искового заявления, суд не анализирует иск и право на иск в процессуальном смысле, а лишь проверяет исковое заявление на соответствие требованиям статей 131-132 ГПК РФ, то есть устанавливает наличие права на предъявление иска. Неслучайно в части 1 статьи 136 ГПК РФ отсутствует положение о вынесении мотивированного определения, в то время как простое указание основания оставления заявления без движения со ссылкой на норму права для гражданина без юридического образования не всегда остается ясным. В этом контексте представляется убедительным мнение Д.А. Туманова и С.А. Алехиной, которые также настаивают на том, что для социально незащищенных категорий общества новое правило направления документов при возбуждении производства по делу «будет существенно усложнять порядок обращения в суд»³.

Как следствие, кардинальные изменения в гражданском процессе привели к возникновению нескольких противоречий в законодательстве и в практике их применения.

Во-первых, как верно отметили С.А. Сапожников и О.Н. Бармина, законодатель внес изменения в статью 132 ГПК РФ, при этом оставив положение о направлении ответчику с судебным извещением копии искового заявления в части

¹ Хасаншин И.А. Реализация процессуальных гарантий в стадии возбуждения дела в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 19.

² Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 247.

³ См.: Туманов Д.А., Алехина С.А. О некоторых тенденциях развития гражданского процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. С. 20.

3 статьи 114 ГПК РФ, что свидетельствует о несовершенстве законодательной техники и создании дублирующих функций суда и истца¹.

Во-вторых, из смысла пункта 6 статьи 132 ГПК РФ, равно как и исходя из положений об апелляции и кассации, не усматривается, какие именно документы должны свидетельствовать о надлежащем исполнении заявителем данной обязанности. Предусмотренная статьей 132 ГПК РФ формулировка «уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление» не исключает возможность приложения обыкновенного почтового чека, который также свидетельствует о выполнении истцом возложенной на него законодателем обязанности. Между тем на практике суды, получая подобные квитанции, применяют последствия статьи 136 ГПК РФ и выносят определение об оставлении искового заявления (жалобы) без движения, объясняя свое решение тем, что в материалах, приложенных к иску, не содержится подтверждения направления документов другим участникам процесса².

В-третьих, обязанность направления документов другим лицам, участвующим в деле, была возложена и на тех, кто активно применяет электронные средства реализации права на судебную защиту. Так, использование электронной формы подачи документов не освобождает истца и его представителя от доказывания факта «уведомления» других лиц о начале судебного процесса.

Таким образом, можно констатировать противоречивость принимаемых законодателем мер нормативно-правового регулирования, поскольку сокращение возможностей электронного правосудия за счет возвращения к элементам бумажного документооборота, когда направление документов вынуждает заявителя воспользоваться услугами почтовых служб с последующим сканированием и прикреплением подтверждения направления к электронному иску

¹ См.: Сапожников С.А., Бармина О.Н. К вопросу о требованиях, предъявляемых к исковому заявлению в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 16.

² См.: Определение Вахитовского районного суда об оставлении искового заявления без движения по делу № 2-9576/2019 по иску Сафиуллиной А.Ф. к Кагирову Ф.Ф. // Архив Вахитовского районного суда г. Казани.

(жалобе), приводит к снижению интереса участников судебного процесса к реализации права в цифровой среде. Это также объясняется тем, что кажется наиболее рациональным один раз обратиться к услугам Почты России, заполнив опись вложения и направив документы другим лицам, а затем, вложив опись и чек в конверт для суда, не выходя из здания, отправить его суду, нежели после всех вышеперечисленных маневров, возвратиться к компьютеру или планшету, отсканировать документы в нужном формате и направить полученные файлы через ГАС «Правосудие».

С одной стороны, можно понять логику законодателя, стремившегося разгрузить судебную систему, аппарат которой ранее был вынужден при получении документов в электронной форме распечатывать их по числу лиц и заниматься рассылкой. Как верно отмечает Н.А. Батурина, «упрощение судопроизводства посредством освобождения суда от ряда обязанностей – очевидная тенденция проводимой в России судебной реформы, но преждевременная»¹. Именно поэтому, с другой стороны, трансформация законодательства и сопутствующая ей модернизация судебных процедур в первую очередь должны отвечать потребностям гражданина как инициатора судебного процесса и главного субъекта осуществления права на судебную защиту, а не интересам судебной системы – как одного из исполнителей реализации данного права. В противном же случае принцип доступности правосудия в гражданском процессе потеряет всякий смысл, отвечая упрощению самого механизма, а не ключевой идее его создания.

В этой связи одним из решений возникшей на практике коллизии с точки зрения доказательственного аспекта может стать возможность предоставления инициатору судебного процесса права на направление документов предполагаемым участникам судопроизводства посредством современных средств информационного обеспечения, в частности, с помощью факса, электронной почты

¹ См.: Батурина Н.А. К вопросу о направлении копий искового заявления и приложенных к нему документов лицам, участвующим в деле // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 42.

или мессенджеров с условием подтверждения получения корреспонденции второй стороной.

Однако, как показывает сложившаяся судебная практика, в отношении к подобным инициативам кассационные суды общей юрисдикции настроены отрицательно. Так, в определении по делу № 2-1-774/2019 Первый кассационный суд не принял распечатку электронной почты с информацией о направлении и доставке жалобы другому участнику процесса, обосновав свою позицию тем, что распечатка не доказывает, что была направлена именно жалоба¹. Аналогичным образом поступил Седьмой кассационный суд, пояснив, что нельзя понять, принадлежат ли этим участникам соответствующие электронные адреса, а также установить вид направленных документов².

В то же время Верховный суд Республики Татарстан указал на то, что для отправки документов электронной почтой, нужно получить письменное согласие других участников процесса³.

Следует всецело разделить точку зрения Верховного суда Республики Татарстан, отметив, что согласие участников процесса может быть получено различными способами. Подтверждением такого согласия может стать, например, презумпция, в силу которой указание номера телефона или электронной почты в договоре, расписке физического лица или на официальном сайте организации будет свидетельствовать о надлежащем способе связи с ним. Так, Верховный суд Удмуртской Республики не увидел нарушений в том, что заявитель направил копию искового заявления по электронной почте, обосновав свое решение тем, что электронный адрес соответствует адресу на официальном сайте ответчика,

¹ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2020 по делу № 2-1-774/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

² См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2020 по делу № 88-12014/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

³ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 23.04.2020 № 33-6314/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

представлено уведомление почтового сервиса о доставке письма и действия истца нужно оценивать исходя из презумпции добросовестности участников оборота¹.

Вопрос о смене номера телефона, адреса электронной почты или неполучении корреспонденции ответчиком следует считать менее актуальным, поскольку в гражданско-правовых отношениях действует обязанность уведомления контрагента об изменении реквизитов, а направление документов по Почте России не свидетельствует о получении их адресатом, поскольку уведомление о вручении не является единственным подтверждением соблюдения предусмотренного статьей 132 ГПК РФ порядка, а ответчик не обязан отслеживать направленные ему почтовые отправления. Более того, даже существующий механизм подтверждения направления документов посредством уведомления о вручении или почтовой квитанции с описью вложения является фикцией, поскольку истец может направить ответчику пустой конверт, а работники почты не имеют юридического образования².

Также важным для рассмотрения предложения о законодательном урегулировании возможности электронного направления документов истцом является тот факт, что Почта России перешла на сервис электронных заказных писем, когда любой желающий может начать получать юридически значимые письма в электронном виде³, в то время как судебная система остается вне правового поля цифровизации, поскольку без соответствующей нормативно-правовой регламентации осуществление судебного порядка на должном цифровом уровне, как уже было отмечено в первой главе настоящего исследования, считается невозможным.

С точки зрения правового регулирования предложенная возможность может быть реализована через разъяснения, представленные, например, в Постановлении

¹ См.: Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 26.08.2020 по делу № 33-3355/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

² См.: Фокина М.А. Юридические предположения в гражданском и арбитражном процессах // Современное право. 2009. № 6. С. 78.

³ См.: Заказные письма на расстоянии клика // Официальный сайт Почты России. URL: <https://zakaznoe.pochta.ru/> (дата обращения: 07.08.2021).

Пленума ВС РФ, как это было сделано в отношении электронных извещений в 2012 году. Нормативно-правового закрепления в процессуальных кодексах в этом случае, по нашему мнению, не потребуется, однако разъяснения необходимы, поскольку без них суды продолжают оставлять исковое заявление или жалобу без движения на законном, не нарушающем конституционных прав граждан, согласно позиции Конституционного суда РФ, оснований в соответствии со статьями 136, 323 и 378. 2 ГПК РФ, 129, 263 и 280 АПК РФ¹.

В связи с появлением апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции также возрастает актуальность электронного обращения судебной информации. Возможности электронного документооборота могут позволить перейти на новый этап цифровизации.

Как справедливо отмечает Е.В. Любимова, возможности электронного документооборота способствуют повышению доступности правосудия, поскольку «способны сделать незаметным расстояние между заявителем и судом, которое с учетом территории России может быть значительным»².

Возможности электронного документооборота в условиях цифровизации правосудия действительно могут быть безграничными. В настоящее время электронный документооборот включает в себя не только электронную подачу

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 г. № 2254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Радимира Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2021); Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 г. № 96-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байдина Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 132, 136 и частью первой статьи 331 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2021); Определение Конституционного Суда РФ от 26.02.2021 г. № 245-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кубашева Руслана Казымовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2021); Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 г. № 1036-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2021).

² См.: Любимова Е.В. Влияние электронного правосудия на вопросы подсудности гражданских и административных дел // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 200 - 210.

документов в суд и электронный обмен информацией внутри системы, но и представление доказательств в электронной форме; ознакомление с материалами дела на сайте суда; получение сведений о движении дела, дате, времени и месте судебного заседания в режиме «онлайн»; а также электронный поиск в банке судебных актов.

Параллельно с внедрением в систему элементов электронного документооборота в судах общей юрисдикции и арбитражных судах продолжается ведение бумажного документооборота. Наравне с бумажными носителями гражданских дел отсканированные материалы и аудиозаписи хранятся в электронном архиве судов на сервере. При этом традиционная пересылка документов из одного субъекта в другой приводит к экономическим и временным тратам, что в свою очередь оказывает негативное влияние не только на судебную систему в целом, но и на действующий внутри нее механизм.

На наш взгляд, перейдя на электронное взаимодействие в отношении рассматриваемых судами дел внутри судебной системы, суды общей юрисдикции получают возможность оптимизировать процесс пересмотра дел по гражданским делам за счет сокращения сроков для направления дела в суд вышестоящей инстанции и за счет уменьшения материальных затрат на отправку бумажных носителей.

Для того чтобы запустить механизм электронного обмена документами по рассматриваемым делам следует регламентировать порядок передачи материалов дела, обязав суды первой инстанции направлять в суд вышестоящей инстанции «электронное дело».

Под электронным делом в контексте предложения введения электронного обмена информацией между судами необходимо понимать электронные образы документов или электронные документы, полученные или созданные судом при производстве по делу.

Прототип электронного дела уже известен процессуальному праву с того момента, когда по результатам запуска пилотного проекта «Электронное дело» в

системе арбитражных судов была введена организация входного сканирования всех поступающих в арбитражные суды документов¹.

В последующем новация позволила усовершенствовать систему электронного правосудия в арбитражных судах, предоставив участникам процесса возможность ознакомления с материалами дела через сервис «Мой арбитр» в режиме ограниченного доступа. Сегодня заявителю достаточно сформировать соответствующее ходатайство через вкладку «Вид обращения» и после «согласования» ходатайства судьей получить код, открывающий для него доступ к материалам дела в Картотеке арбитражных дел.

В системе судов общей юрисдикции также внедрены отдельные элементы электронного документооборота, который согласно пункту 4.17.30 Инструкции по делопроизводству в Судебном департаменте при ВС РФ является преимущественной формой обмена служебными документами. Пункт 4.17.32 прямо запрещает направление служебных документов на бумажном носителе при условии их включения в систему электронного документооборота Судебного департамента². Однако понятие служебных документов не охватывает материалы гражданских дел, циркулирующие между судами первой и второй инстанций, сводя возможности документооборота исключительно к межведомственному и ведомственному взаимодействию по вопросам, рассматриваемым Судебным департаментом.

Вышеизложенное свидетельствует о наличии в системе судов общей юрисдикции предпосылок для электронного направления материалов дела, но на практике арбитражные суды оказываются более прогрессивными. Неслучайно идея создания апелляционных и кассационных судов берет свое начало именно в

¹ См.: Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 160.

² Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.02.2017 г. № 25 (ред. от 02.08.2019) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2021).

системе арбитражных судов, что объясняет медленное внедрение цифровых новаций в работу судов общей юрисдикции.

В качестве второго неотъемлемого элемента цифровой модернизации процедуры обжалования судебных постановлений следует рассмотреть видеоконференц-связь, используемую сегодня, например, для связи между Верховным судом Республики Татарстан и Четвертым апелляционным и Шестым кассационным судами, территориально расположенными в Нижнем Новгороде и Самаре, соответственно.

ВКС представляет собой технологию интерактивного взаимодействия абонентов в режиме реального времени, которая в силу последних цифровых новаций в законодательстве постепенно приобретает статус технического аналога проведения традиционного судебного заседания¹.

Практика использования технологий удаленной связи в судебной системе России появилась в 1999 году, когда при рассмотрении уголовного дела Челябинским областным судом посредством ВКС была установлена связь со следственным изолятором, в котором на тот момент находился осужденный². До создания кассационных судов общей юрисдикции данный способ связи также использовался на заседаниях Президиума Верховного суда Республики Татарстан во время рассмотрения кассационных жалоб на приговоры по уголовным делам.

Для инициирования процесса с помощью ВКС-системы участникам гражданского процесса требуется подать ходатайство. При этом в гражданском и административном процессуальном законе и в разъяснениях Верховного суда РФ по отношению к отправлению правосудия в судах общей юрисдикции детальной регламентации применения ВКС не имеется. Не указан ни момент подачи ходатайства, ни перечень оснований для отказа в его удовлетворении, как это сделано, например, в АПК РФ (ч. 5 ст. 153.1).

¹ См.: Ишонина А.С., Лапаев И.С. Проблемы законодательного регулирования порядка применения систем видеоконференц-связи в гражданском судопроизводстве// Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 60. С. 14.

² См.: Терещенко Л.К. Указ. соч. С. 43.

Главным условием проведения судебного заседания с использованием системы ВКС согласно части 1 статьи 155.1 ГПК РФ и части 1 статьи 142 КАС РФ является наличие у суда технической возможности ее осуществления, но что скрывается под понятием «технической возможности» в процессуальном кодексе не установлено. АПК РФ аналогичным образом оперирует понятием технической возможности, не раскрывая ее дефиницию (ч. 1 ст. 153.1 АПК РФ).

В 2015 году Судебным департаментом при ВС РФ был принят Регламент организации применения ВКС при подготовке и проведении судебных заседаний (далее – Регламент ВКС), который наряду с понятием «техническая возможность» ввел понятие «организационная возможность», тем самым дифференцировав технические и организационные аспекты использования ВКС¹.

Так, согласно положениям Регламента ВКС под технической возможностью понимается наличие исправного оборудования ВКС, каналов связи достаточной пропускной способности для проведения судебного заседания. Организационная возможность определяется как наличие объективной возможности проведения судебного заседания с помощью ВКС в пределах установленного законом срока рассмотрения дел. При этом понятие организационной возможности действующие процессуальные кодексы не содержат.

Используемая в статьях формулировка «суд может использовать» свидетельствует о диспозитивности нормы, предоставляя суду право, а не возлагая на него обязанность провести судебное заседание в режиме ВКС. Так, например, в одном из дел, рассмотренных Челябинским областным судом в порядке апелляционного производства, суд отказал в удовлетворении ходатайства ответчика, проживающего в другом субъекте РФ, мотивируя свой отказ тем, что

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 №401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» (ред. от 30.12.2020) // Бюллетень актов по судебной системе. № 3. 2016.

проживание в другой области не свидетельствует о невозможности явиться в судебное заседание лично или посредством своего представителя¹.

Вышеуказанная позиция суда, на наш взгляд, была обусловлена диспозитивным изложением нормы части 1 статьи 155.1 ГПК РФ с корреспондирующим ему отсутствием строго определенных оснований для отказа в удовлетворении ходатайства заявителя.

Вследствие выявленных в гражданском и административном процессуальном законодательстве пробелов необходимо более подробно регламентировать порядок проведения ВКС, дополнив представленную в ГПК РФ и КАС РФ правовую регламентацию, в частности, по аналогии со статьей 153.1 АПК РФ.

Во-первых, в части 1 статьи 155.1 ГПК РФ требуется заменить формулировку «суд может использовать» на «суд использует». Так, норма статьи перестанет иметь декларативный характер, создав обязывающее для судебной системы значение и впоследствии устранив диспозитивность применения систем ВКС со стороны российских судов. В то же время в административном судопроизводстве норма части 1 статьи 142 КАС РФ содержит более строгую формулировку, в силу которой вопрос проведения видеоконференц-связи разрешается судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по собственной инициативе суда в случае необходимости в средствах удаленной связи.

Во-вторых, момент подачи ходатайства следует определить через возможность его заявления на любой стадии судебного процесса и при исполнении судебного акта, поскольку препятствий для использования ВКС на различных этапах рассмотрения и разрешения дел в практике судов не отмечено.

В-третьих, в целях нивелирования рисков необоснованных отказов со стороны судебной системы необходимо обязать суды выносить мотивированное определение об отказе в удовлетворении ходатайства.

¹ См.: Апелляционное определение Челябинского областного суда от 13 мая 2016 г. № 11-6287/2016// Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

Здесь же следует отметить, что некоторые шаги по усовершенствованию механизма применения средств удаленной связи законодателем все же были сделаны. Так, возникновение технических неполадок во время проведения судебного заседания стало основанием для отложения судебного разбирательства (ч. 1 ст. 169 ГПК РФ, ч. 5 ст. 158 АПК РФ и ч. 2 ст. 152 КАС РФ).

Резюмируя вышеизложенное, следует скорректировать часть 1 статьи 155.1 ГПК РФ и дополнить статью положениями, регламентирующими режим ВКС по аналогии с АПК РФ, изложив первые четыре части статьи следующим образом:

«1. Лица, участвующие в деле, их представители, а также свидетели, эксперты, специалисты, переводчики могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления ими ходатайства на любой стадии гражданского процесса и при исполнении судебного постановления или при их согласии по инициативе суда. Об участии указанных лиц в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи суд выносит определение.

1.1. В случае удовлетворения ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи суд, рассматривающий дело, поручает соответствующему суду, при содействии которого заявитель сможет участвовать в таком судебном заседании, организацию видеоконференц-связи в целях участия заявителя в судебном заседании, о чем выносится определение в соответствии со статьей 62 настоящего Кодекса.

1.2. Суд, осуществляющий организацию видеоконференц-связи, проверяет явку и устанавливает личность явившихся лиц, проверяет их полномочия и выясняет вопрос о возможности их участия в судебном заседании в соответствии со статьей 161 настоящего Кодекса.

1.3. При использовании систем видеоконференц-связи в суде, рассматривающем дело, и в суде, осуществляющем организацию видеоконференц-связи, составляется протокол и ведется видеозапись судебного заседания. Материальный носитель видеозаписи судебного заседания направляется в

пятидневный срок в суд, рассматривающий дело, и приобщается к протоколу судебного заседания».

При этом обязательность получения согласия лиц, участвующих в деле, в предложенной редакции части 1 статьи обусловлена действием принципа диспозитивности, поскольку при отсутствии данной формулировки остается неясным, требуется ли от них такое согласие. В то же время исключение условия об отсутствии технической возможности не свидетельствует об отсутствии необходимости в нем. Данное положение по аналогии с частью 5 статьи 153.1 АПК РФ может стать основанием для отказа в удовлетворении ходатайства при условии подтверждения отсутствия технической возможности, например, посредством соответствующего протокола, подготовленного лицами, ответственными за техническое обеспечение ВКС (п. 2.6. Регламента ВКС). Прямое указание на протокол в статье не требуется, но это не исключает необходимость его составления, поскольку последний будет необходим при обосновании основания отказа в мотивированном определении суда.

Как следствие вышеизложенного, статья 155.1 ГПК РФ также должна быть дополнена частью 1.4 следующего содержания:

«Суд, рассматривающий дело, выносит мотивированное определение об отказе в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи в случаях:

- 1) если отсутствует техническая или организационная возможность для участия в судебном заседании с использованием систем видеоконференц-связи;
- 2) разбирательство дела осуществляется в закрытом судебном заседании».

Включение в диспозицию части 1.4 статьи условия об отсутствии организационной возможности в качестве основания для отказа в удовлетворении ходатайства может быть обусловлено примерами из судебной практики арбитражных судов, когда в рамках одного заседания встречаются лица из разных часовых поясов, и рассмотрение дела выпадает на нерабочее время¹.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 27.10.2020 № 309-ЭС20-1600 по делу № А50-17627/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения:

Здесь же следует отметить, что данное положение не противоречит общей концепции статьи, так как в этом случае отказ также должен быть мотивирован и не влечет невозможность повторного заявления ходатайства после устранения препятствий для проведения заседания в режиме ВКС.

Выбранный для части номер «1.4» соответствует логике построения статьи, поскольку части 2, 3 и 4 регламентируют порядок ВКС в деле лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах отбывания лишения свободы.

Аналогичные коррективы необходимо внести в статью 142 КАС РФ, дополнив часть 1 указанием на возможность подачи ходатайства на любой стадии рассмотрения административного дела и при исполнении судебного акта, а также частью 1.1., в которой следует определить основания для отказа в удовлетворении ходатайства и обязать суды выносить в этом случае мотивированное определение.

В отношении применения ВКС в арбитражном процессе необходимо, во-первых, устранить пробел в отношении возможности инициирования применения ВКС со стороны суда, а, во-вторых, скорректировать правовое регулирование части 1 и части 5 статьи 153.1 АПК РФ по аналогии с предложенной редакцией части 1 и части 1.4 статьи 155.1 ГПК РФ.

Как отмечает в своей диссертации Ю.В. Миронова, «система ВКС является первой вехой в череде научно-технических разработок, достаточно эффективно используемых в процессе рассмотрения судебных дел». Неслучайно по словам Т.В. Соловьевой, использование ВКС оправданно и необходимо в современных условиях, так как позволяет не только сэкономить материальные ресурсы

09.08.2021); Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2021 № 302-ЭС21-3164 по делу № А74-14640/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021); Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2021 № 309-ЭС21-1914 по делу № А60-11573/2020 Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021); Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2021 № 304-ЭС20-16049 по делу № А70-16003/2018. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021); Определение Верховного Суда РФ от 12.05.2021 № 304-ЭС20-24382 по делу № А46-4212/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021); Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2021 № 303-ЭС20-23313 по делу № А51-21536/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

субъектов цивилистических процессуальных отношений, но и сократить время, необходимое для совершения отдельных процессуальных действий¹.

Однако с течением времени без соответствующей нормативно-правовой трансформации проведение заседаний в режиме ВКС, на наш взгляд, может утратить свое первоначальное значение, превратившись в неактуальный и забытый инструмент обеспечения доступа к правосудию.

Таким образом, реформирование процедуры обжалования судебных постановлений и актов показывает острую необходимость в использовании современных способов передачи данных в режиме реального времени. Возникновение новых единиц судебной системы в силу территориальной отдаленности расширяет правовое поле использования цифровых технологий, вынуждая судебную систему адаптироваться под цифровую среду.

2.3. Диверсификация перечня средств доказывания

как одна из консеквенций цифровизации доказательственного процесса

К центральным институтам цивилистического процесса относится институт судебного доказывания и доказательств². В доктрине процессуального права проблемы судебного доказывания всегда занимали основные позиции³. Вопросы

¹ См.: Соловьева Т.В. Принцип непосредственности судебного разбирательства в условиях информатизации гражданского судопроизводства // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О. В. Исаенковой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 374.

² См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 388.

³ См.: Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе: монография. Москва: Госюриздат, 1951. 296 с.; Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 1998. 216 с.; Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М.: Норма: Инфра-М, 2000. 288 с.; Треушников М.К. Судебные доказательства: монография. 3. изд., испр. и доп. М.: Издат. дом «Городец», 2004. 268 с.; Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Спб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. 832 с.; Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы: монография. М.: Новый индекс, 2010. 621 с.

доказательственного права на сегодняшний день по-прежнему остаются актуальными.

По прямому указанию части 2 статьи 55 ГПК РФ доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда. Аналогичное положение закреплено в части 3 статьи 64 АПК РФ и части 3 статьи 59 КАС РФ. Особое внимание в доказательственном процессе уделяется средствам доказывания – предусмотренным процессуальным законом источникам получения сведений о фактических данных, входящих в предмет доказывания¹.

Следует отметить, что ГПК РФ в статье 55 и КАС РФ в статье 59, в отличие от АПК РФ в статье 64, содержит исчерпывающий перечень допустимых средств доказывания. Между тем стремительный процесс цифровизации общественных отношений и появление более прогрессивных способов обработки и хранения информации привели к возникновению потребности в использовании принципиально нового средства доказывания, получившего в доктрине название электронных доказательств².

Е.П. Панкратова называет электронными доказательствами документы, информативная часть которых обличена в электронно-цифровую форму³. Но данное определение кажется нам слишком узким, поскольку приравнивает электронные доказательства исключительно к электронным документам.

Международно-правовые акты не оперируют понятием электронного документа. Например, типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» содержит термин «сообщение данных», под которым понимается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных,

¹ См.: Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2014. С.131.

² См.: Балашов А.Н. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам/А.Н. Балашов, И.Н. Балашова // Администратор суда. 2015. № 3. С. 23; Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики//Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46; Даулеталиева Г.Т. Электронные доказательства в гражданском процессе в свете концепции единого процессуального кодекса / Г.Т. Даулеталиева, Ю.В. Руднева // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. № 1-1. С. 289.

³ См.: Панкратова Е. П. Электронные доказательства// ЭЖ-ЮРИСТ. 2013. № 22. С. 5.

оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными, электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими¹. Таким же образом данное понятие раскрывается в Типовом законе ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях»².

В то же время в Конвенции ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» наряду с понятием «сообщение данных» также используется термин «электронное сообщение», обозначающий любое сообщение, которое стороны передают с помощью сообщений данных в контексте заключения или исполнения договора³. Предполагается, что в качестве такого сообщения выступает любое информационное сообщение, отличающиеся тем, что сведения в нем динамичны. Именно по этой причине, по мнению Е.А. Шелепиной, в Конвенции было установлено, что в отношении электронного сообщения требование письменной формы может считаться выполненным только в том случае, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования⁴.

Как следствие, свойство динамики информации легло в основу национального законодательства и нашло свое отражение в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в рамках которого в статье 2 были определены легальные дефиниции как электронного сообщения (информации, переданной или полученной пользователем информационно-телекоммуникационной сети), так и электронного документа (документированной информации, представленной в

¹ См.: Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» [рус., англ.] (Принят в г. Нью-Йорке 28.05.1996 - 14.06.1996 на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ)// Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1996 год. Т. XXVII.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1998. С. 319 - 323.

² См.: Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях» [рус., англ.] (Принят в г. Вене 05.07.2001 на 34-ой сессии ЮНСИТРАЛ). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.07.2022).

³ Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» (совершена в Нью-Йорке 23 ноября 2005 г.)// Бюллетень международных договоров. 2018. № 6.

⁴ См.: Шелепина Е.А. Применение электронных документов в гражданских правоотношениях: условия и возможности// Законы России: опыт, анализ, практика. № 10. 2017. С. 31-39.

электронной форме). Однако ни в одном из действующих актов нормативно-правового характера в России не содержится разъяснений относительно того, при каких обстоятельствах электронный документ или электронное сообщение можно считать доказательством. При этом отсутствие легальной дефиниции электронного доказательства и его обеспечения, как верно отмечают Д.Х. Валеев и А.Г. Нуриев, может, в частности, объясняться «пробелом в вопросах инфраструктурного обеспечения информации, содержащейся в цифровом пространстве»¹.

Тем не менее применительно к цивилистическому праву и процессу понятие электронного документа закреплено в статье 434 ГК РФ, а косвенная ссылка на него дается законодателем в статьях 71 ГПК РФ, 75 АПК РФ и 70 КАС РФ. Соответственно, российский законодатель относит рассматриваемый вид документированной информации к письменным доказательствам и предоставляет ему правовую регламентацию в качестве средства доказывания, предусмотренного законом.

В то же время Е.В. Ткаченко трактует электронные доказательства слишком широко, включая в их дефиницию любые доказательства, представленные в электронной форме².

С.Г. Сафронов и А.В. Минбалеев понимают под электронными доказательствами обособленную информацию, зафиксированную на электронных носителях и содержащую реквизиты, позволяющие идентифицировать ее и (или) носитель³. Но тогда, следуя их логике, нужно согласиться с большинством авторов, которые относят электронные доказательства к письменным доказательствам.

Всё это свидетельствует о том, что единой позиции относительно понятия, правовой природы, сущности и месте электронных доказательств в системе средств

¹ Валеев Д.Х. Создание цифровой процессуальной среды доверия: сервисы третьей доверенной стороны в процессуальных отношениях как источник «квазипреюдициальной» информации в цифровом пространстве / Д. Х. Валеев, А. Г. Нуриев // Нотариус. 2022. № 3. С. 37-40.

² См.: Ткаченко Е.В. Письменные доказательства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений в арбитражном процессе: автореф. дис...канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2004. С. 43.

³ См.: Сафронов С.Г., Минбалеев А.В. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России// Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. № 4. С. 114-116.

доказывания в российской доктрине нет. Именно по этой причине каждый процессуалист вкладывает в настоящую дефиницию свое собственное видение, придавая электронным доказательствам одно из уже сложившихся в теории доказательственного права значений.

Согласно мнению большинства российских правоведов, электронные доказательства следует считать письменными доказательствами. Данной точки зрения придерживаются, например, М.В. Синякова¹, А.П. Вершинин², С.П. Воробжит³. Но сторонники этой позиции опираются на волю законодателя, который в 2016 году, когда цифровое право в России ещё только зарождалось, отнес аналоги электронных доказательств к письменным доказательствам. Однако при рассмотрении вопроса о природе электронной информации необходимо учитывать, что с момента последней редакции статей 71 ГПК РФ и 75 АПК РФ прошло довольно много времени, и, с учетом последних революционных изменений, например, в отношении возникновения цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ)⁴, кажется нерациональным говорить о правовом регулировании прошлого десятилетия как о соответствующем действующему законодательству.

Вместе с тем следует отметить, что в доктрине процессуального права встречаются исследователи, относящие электронные доказательства к вещественным, как это делает, например, В.Г. Тихиня⁵.

¹ См.: Синякова, М.В. Письменные доказательства в гражданском и арбитражном процессах: дисс...канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2007. С. 79

² См.: Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: учебно-практическое пособие. М.: Городец, 2000. С. 106.

³ См.: Воробжит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. СПб., 2011. С. 8.

⁴ Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

⁵ См.: Тихиня В.Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве / В.Г. Тихиня, Э. Мурадян, П. Павлюченков. Минск, 1983. С. 79.

Также имеет право на жизнь убеждение А.В. Бегичева, по мнению которого электронные доказательства могут рассматриваться как письменные или вещественные в зависимости от обстоятельств дела¹.

Однозначного ответа не наблюдается и в международном опыте правовой идентификации электронной информации. Правила гражданского судопроизводства Англии и Уэльса разделяют позицию российского законодателя (section № 2(a) Part 31 CPR)². Гражданское процессуальное уложение Германии признает электронные доказательства вещественными (ст. 371a)³. Процессуальное право США оперирует общим понятием «электронная информация» без отнесения ее к каким-либо видам доказательств (Rule 26(a), 26(b)(2) Federal Rules of Civil Procedure)⁴. Во французском законодательстве цифровая форма документа по доказательственной силе приравнивается к бумажной⁵.

В нашем понимании электронные доказательства образуют самостоятельное средство доказывания, что обуславливается спецификой их правовой и технической природы.

Данная позиция впервые нашла свое отражение в научных трудах М.В. Горелова, который, оценивая правовые составляющие электронной информации, выделил в природе электронных доказательств свойства, отличающие их от письменных и вещественных доказательств и позволяющие признать их самостоятельным средством доказывания⁶.

¹ См.: Бегичев А.В. Электронные доказательства и способы их фиксации нотариусом// Нотариус. 2014. № 5. С. 7.

² См.: Civil Procedure Rules (CPR), 1998 (Правила гражданского судопроизводства)// Legal Information Institute URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcp> (дата обращения: 17.10.2018).

³ См.: Zivilprozessordnung (ZPO), 1877 (Гражданское процессуальное уложение)// Deutsch-Russischen Juristenvereinigung e.V. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/index.html> (дата обращения: 09.12.2018).

⁴ См.: Federal Rules of Civil Procedure (amended December 1, 2013). URL: <http://uscourts.gov/uscourts/rules/civil-procedure.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

⁵ См.: Гивель Д. Очерк о доказательствах во французском гражданском праве // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 78 - 88.

⁶ См.: Горелов М.В. Некоторые вопросы исследования электронных документов как доказательств в гражданском судопроизводстве// Юрист.2005. № 7. С.51-52; Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 185 с.

В дальнейшем определенные М.В. Гореловым признаки легли в основу исследования Е.А. Наховой, которая, анализируя проблемы применения электронных доказательств, указала на специфические черты электронных документов, а именно: возможность многократного использования материального носителя электронного документа; отдельную форму фиксации информации; особый процесс создания и закрепления информации на материальном носителе; контролепригодность – общий критерий, который следует учитывать при решении вопроса о допустимости и достоверности электронного доказательства (возможность проведения контроля достоверности электронного документа).

Также в исследовании была отмечена вещественная основа электронных документов, так как она обладает не любыми формой и качеством, а лишь теми, которые продиктованы характеристиками электронной техники, что также отличает электронные доказательства от других средств доказывания¹.

Ещё в 90-х годах двадцатого века А.Т. Боннер говорил о том, что машинные документы обладают существенной спецификой, которая должна быть отражена как в материальном, так и в процессуальном законодательстве². Но законодатель предпочел наиболее легкий путь правовой регламентации, отнеся электронную информацию к письменным доказательствам.

Между тем письменное доказательство – это всегда статичный документ. В то же время отличительной особенностью электронного доказательства является его форма, которая создается исключительно с помощью технических и программных средств. Независимо от способа нанесения знаков форма письменных документов всегда доступна для восприятия, в то время как форма электронных доказательств либо недоступна для восприятия, либо преобразуется в доступную при помощи периферийных устройств.

¹ Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. С. 81 - 90.

² См.: Боннер А.Т. Правило допустимости доказательств в гражданском процессе: необходимость или анахронизм? // Советское государство и право, 1990. № 10. С. 30.

Письменные доказательства, как и вещественные, всегда связаны со своим материальным носителем. В отношении электронной информации подобное утверждение будет неверным. Например, информация, хранящаяся на WEB-страницах в сети «Интернет», является электронной информацией, но она не привязана ни к одному из известных материальных носителей, в том числе операционной системе ЭВМ, – её носителем может стать любая среда, пригодная для хранения и передачи.

Более того, при исследовании письменных доказательств мы изучаем содержание информации, при исследовании вещественных – сам носитель. В то же время неотъемлемым элементом электронных доказательств также являются метаданные, позволяющие идентифицировать информационные ресурсы, в том числе электронные документы, управлять ими, осуществлять их поиск и хранение.

Таким образом, ядром электронных доказательств является информация, представленная в форме, отделимой от материального носителя. Данная информация создается в электронно-цифровой среде и может быть выведена на внешний носитель посредством использования функционала электронно-вычислительных машин. Идентификация такой информации осуществляется с помощью метаданных и ее исследование возможно исключительно при использовании устройств вычислительной техники.

Данные выводы позволяют сформулировать понятие электронных доказательств как сведений о фактах, полученных в электронно-цифровой форме.

При этом раскрывая термин электронных доказательств через электронно-цифровую форму информации, необходимо отметить, что само понятие «электронно-цифровой формы» не является новым для действующего российского законодательства. Через электронно-цифровую форму раскрывается понятие электронного документа в статье 3 федерального закона от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи»¹. Данный термин также нашел свое применение в федеральном законе от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре

¹ См.: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об электронной подписи»// Собрание законодательства РФ. 2011. №15. Ст. 2036.

документов» (ч. 1 ст. 5)¹ и федеральном законе от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (ч. 5 ст. 9)², Налоговом кодексе РФ (Часть 2 НК РФ, ч. 9 ст. 179.2)³ и др.

Более того, данный термин используется в национальном стандарте, регулирующем вопросы Интернет-ресурсов и иной информации, представленной в электронно-цифровой форме (ГОСТ Р 52872-2019, утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.08.2019 № 589-ст). В рамках настоящего стандарта данная форма приравнивается к цифровому контенту, когда под контентом понимается «информация и иное содержимое, доводимое до пользователя через его органы чувств с помощью пользовательского приложения»⁴.

Как следствие, в качестве электронно-цифровой формы, в нашем понимании, необходимо рассматривать информацию, созданную посредством электронно-вычислительных машин и доводимую до потребителя с помощью устройств вычислительной техники (например, устройств ввода/вывода данных, в том числе МФУ). В этой связи признаками такой информации следует признать создание в электронно-цифровой среде; делимость от материального носителя; представление в виде, пригодном для восприятия человека, посредством возможностей электронно-вычислительных машин; наличие метаданных.

В то же время в контексте доказательственного процесса на практике также возникает вопрос, какую именно электронную информацию следует признавать допустимой.

¹ См.: Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «Об обязательном экземпляре документов»// Собрание законодательства РФ.1995. № 1.Ст. 1.

² См.: Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О техническом регулировании»// Собрание законодательства РФ.2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

³ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021)// Собрание законодательства РФ.2000. № 32. Ст. 3340.

⁴ См.: ГОСТ Р 52872-2019 «Национальный стандарт Российской Федерации. Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Приложения для стационарных и мобильных устройств, иные пользовательские интерфейсы. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200167693> (дата обращения: 08.08.2022).

В свое время арбитражные суды предпринимали неоднократные попытки определить условия допустимости определенных видов электронной информации. Электрофотографические копии документов могли быть признаны допустимым доказательством по делу при наличии специальной строки, позволяющей идентифицировать передающий аппарат¹. Скриншоты WEB-страниц рассматривались в качестве доказательств, если заявитель представил нотариальный протокол². При этом также существовала практика принятия без нотариального заверения при условии наличия даты и времени³.

Подобные случаи признания отдельных форм электронной информации имеются в судебной практике судов общей юрисдикции Республики Татарстан и Республики Марий Эл.

В решении от 21 ноября 2017 г. по гражданскому делу № 2-1108/2017 Вахитовский районный суд признал допустимым доказательством электронную переписку сторон, подтверждающую доводы истца о том, что ответчиком были нарушены условия договора строительного подряда⁴. В решении от 25 декабря 2017 г. по делу № 2а-7751/17 скриншотом страницы сайта, представленным транспортным прокурором, подтверждается, что в нарушение действующих норм права, на сайте была размещена информация о возможности получения медицинских справок за денежное вознаграждение в обход установленной законодательством процедуры⁵.

¹ См.: Постановление ФАС Московского округа от 04.03.2011 г. № КА-А40/17007-10;2 по делу № А40-51805/09-20-309. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018).

² См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.11.2008 г. № Ф04-6221/2008(15680-А45-4) по делу № А45-1450/2008-6/17 Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018); Постановление ФАС Московского округа от 30.12.2009 г. № КА-А40/14666-09. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018); Постановление ФАС Московского округа от 22.10.2009 г. № КГ-А40/10844-09. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018).

³ См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.12.2010 г. № А56-11028/2010. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018).

⁴ См.: Решение Вахитовского районного суда г. Казань от 21.11.2017 г. по делу № 2-1108/2017. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2018).

⁵ См.: Решение Приволжского районного суда от 25.12.2017 г. по делу № 2а-7751/17. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2018).

Аналогичное использование электронных доказательств имеется и в практике Йошкар-Олинского городского суда¹. В деле № 2/3-418/2017 в основу решения суда от 26 сентября 2017 г. в качестве доказательства был положен скриншот, подтверждающий возможность прочтения и скачивания книги А.Гитлера «Майн Кампф» (Моя борьба), которая включена в Федеральный список экстремистских материалов № 604².

В нашем понимании электронные документы и электронные образы документов, скриншоты и электронные сообщения, СМС- и ММС-сообщения, содержащие аудио- и видеозаписи, следует признать конфигурациями электронной информации – формой её внешнего выражения, а это свидетельствует о том, что именно они являются разновидностями электронных доказательств.

Каждая из перечисленных выше конфигураций отвечает признакам электронного доказательства, а именно: является результатом электронно-цифровой среды, создается с помощью средств технического и программного обеспечения и может быть идентифицирована только с помощью устройств вычислительной техники.

Так, например, скриншот содержит информацию, хранящуюся в электронно-цифровой среде, создается с помощью компьютера или мобильного телефона и может быть представлен для восприятия с помощью устройств вычислительной техники, в частности, периферийных устройств, в форме распечатки. Последняя при условии нотариального удостоверения будет считаться письменным доказательством, подтверждающим содержание информации в скриншоте.

В то же время СМС- и ММС-сообщения, содержащие аудио- и видеозаписи, также следует признать электронными доказательствами, поскольку в отличие от аудио-и видеозаписей они являются объектами электронно-цифровой среды, когда

¹ См.: Решение Йошкар-Олинского городского суда от 04.09.2017 г. по делу № 2/3-375/2017 Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2018); Решение Йошкар-Олинского городского суда от 26.09.2017 г. по делу № 2/3-418/2017. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2018).

² См.: Решение Йошкар-Олинского городского суда от 26.09.2017 г. по делу № 2/3-418/2017. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2018).

значение приобретает не только сама запись данных (голосовая или видеозапись), но и их передача от адресанта к адресату по каналам связи.

Таким образом, при наделении той или иной конфигурации электронно-цифровой информации признаками электронных доказательств, необходимо подвергать ее анализу на соответствие электронно-цифровой среде, исследуя, каким именно образом она была создана и с помощью каких именно средств может быть получена и исследована.

Перечень видов электронных доказательств не может быть закрытым, поскольку с течением времени могут появляться новые конфигурации электронной информации, например, блокчейн содержит хеш-сумму (хеш-код), определяемую как «сводка сообщения», которая вследствие расширения сфер использования сетей распределенных реестров также приобретает доказательственное значение при анализе блоков цепи.

В этой связи мы видим возможным предложить следующий правовой механизм регламентации электронно-цифровой информации в процессуальном праве.

Во-первых, предлагаем дополнить абзац 2 части 1 статьи 55 ГПК РФ, изложив его в следующей редакции: «Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных, электронных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов». Дополнить абзац 1 части 2 статьи 64 АПК РФ, представив его следующим образом: «В качестве доказательств допускаются письменные, электронные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы». Внести изменения в часть 2 статьи 59 КАС РФ, изложив ее в следующей редакции: «В качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и показания свидетелей, полученные в том числе путем использования систем видеоконференц-связи, системы веб-конференции, а также письменные, электронные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов».

Во-вторых, необходимо исключить из статей 71 ГПК РФ, 75 АПК РФ и 70 КАС РФ информацию, касающуюся документов и материалов, выполненных в форме электронно-цифровой записи, и внести в Кодексы ещё одну статью – предположительно статью 71.1 ГПК РФ, статью 75.1 АПК РФ, статью 70.1 КАС РФ «Электронные доказательства», где следует отобразить специфику электронных доказательств, включив в неё их дефиницию и указав способы их получения, изложив статью следующим образом:

«1. Электронными доказательствами признаются сведения о фактах, полученные в электронно-цифровой форме.

2. Информация, представленная в качестве электронного доказательства, должна быть выполнена способом, позволяющим установить её достоверность.

3. Информация, поддерживаемая технологиями распределенной базы данных, признается электронным доказательством и оценивается судом в совокупности с имеющимися в материалах дела доказательствами».

При выделении электронных доказательств также актуальным остается вопрос их оценки, которая, по мнению процессуалистов, должна проводиться по общим правилам¹.

Если проблема оценки электронных доказательств с точки зрения относимости и достаточности не вызывает в нашем понимании противоречий, поскольку к ее решению можно применить уже имеющиеся в процессуальном законе инструменты и механизмы, то в отношении достоверности и допустимости электронной информации однозначного ответа нет ни в доктрине, ни в судебной практике.

Электронный документ может быть подписан электронной подписью, и в этом случае будет действовать презумпция о том, что ключ проверки признается действительным, пока не доказано иное². Иная ситуация складывается, если документ такой подписью не скреплен.

¹ См.: Нахова Е.А. Указ. соч. С. 83.

² См. Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 11.06.2021)//Собрание законодательства РФ.2011. № 15. Ст. 2036; Определение Судебной

Предположим, что скриншот или электронный образ может быть представлен в суд в форме заверенной нотариусом распечатки и тогда достоверность и допустимость такого доказательства будет установлена презумпцией нотариального заверения. Но вопрос достоверности и допустимости доказательств, хранящихся в цифровой среде, по-прежнему остается открытым.

Как указывает А.Р. Емалтынов, в предмет доказывания в таком случае входит принадлежность соответствующего информационного ресурса или аккаунта определенному лицу и, как следствие, роль и статус такого лица в спорном правоотношении¹. Такое же правило в свое время сложилось в системе арбитражных судов².

Между тем в реалиях современного мира все данные могут быть не только идентифицированы и сохранены в открытом доступе в сети «Интернет», но и отслежены в отношении всех возможных корректировок.

Не так давно появившаяся технология блокчейн в формальном понимании представляет собой неизменный распределенный регистр, в котором записываются транзакции. Такие транзакции вносятся в базу данных в режиме реального времени и имеют соответствующие временные метки. Как следует из названия технологии, блокчейн является цепочкой блоков, каждый из которых содержит список подтвержденных транзакций и ссылку на предыдущий блок, тем самым создавая хронологическую цепочку подтвержденных транзакций.

Возможности системы таких блоков наиболее активно на сегодняшний день используются в сфере нотариата³, а также постепенно находят свое отражение в

коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2018 г. № 305-ЭС17-13822 по делу №А40-4350/2016. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

¹ См.: Емалтынов А.Р. Некоторые проблемы оценки электронных доказательств в системе электронного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 31 – 35.

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2013 г. № 18002/12// Вестник ВАС РФ, 2014. № 5.

³ См.: Ярков В.В. Блокчейн и нотариат: опыт первой оценки // Нотариальный вестник. 2017. № 8. С. 39; Тымчук Ю.А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью в условиях информатизации нотариальной деятельности: современные тенденции // Нотариус. 2018. № 8. С. 24 - 27.

различных областях страховой, банковской деятельности, в сфере логистики и при учете земельных кадастров¹, тем самым поднимая вопрос о возможности имплементации опыта использования технологии блокчейн в судебную систему.

Как отмечает А.И. Савельев, в процессуальном отношении блокчейн не может гарантировать полного отсутствия ошибок на стадии ввода информации: «соответствующая информация первоначально вносится человеком, который может ее исказить, умышленно или по неосторожности»². Однако, например, письменные и вещественные доказательства также не застрахованы от возможной фальсификации, что в дальнейшем становится основанием для пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам³.

В отличие от российского права в Китае электронные данные стали самостоятельным доказательством ещё в начале XXI века и получили соответствующее правовое закрепление в статье 63 Гражданского процессуального кодекса КНР⁴. 3 сентября 2018 года Верховный народный суд Китая (далее – СПС) издал правила, которые позволили отнести к электронным данным все виды цифровой информации, включая информацию, публикуемую через онлайн-платформы, такие как веб-страницы, блоги и микроблоги⁵. В соответствии с интерпретацией СПС интернет-суды получили возможность устанавливать подлинность предоставляемых сторонами доказательств с помощью ключей электронной подписи, отметок времени, проверок хеш-значений и методов проверки защищенности от несанкционированного доступа, хранящихся на

¹ См.: Котова С.И. Концепция трудовой занятости: цифровые профсоюзы, право на трудоустройство, абсолютное социально-обеспечительное отношение // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 10 - 13.

² Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. №5. С. 94 - 117.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.12.2018 № 78-КГ18-60. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).

⁴ См.: Civil Procedure Law of the People's Republic of China (Revised in 2017)/ URL: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/219/199/200/644.html> (дата обращения: 09.02.2020).

⁵ См.: Fa Shi [2018] No. 16, Sept. 3, 2018, effective Sept. 7, 2018 (на китайском языке) // Официальный веб-сайт СПС. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981.html> (дата обращения: 09.02.2020).

платформе. Руководствуясь вышеназванными положениями в декабре 2018 года при рассмотрении дела Toutiao против Baidu Пекинский интернет-суд начал сотрудничество со сторонней компанией для запуска платформы электронных доказательств «Scale Chain», функционирующей на основе технологии блокчейн¹.

Принцип такой платформы базируется на защищенных от несанкционированного доступа и отслеживаемых данных. Каждый блок содержит не только сами данные, но и информацию о том, откуда они приходят и куда поступают. Эти блоки передаются между станциями (узлами валидатора), причем каждая станция сохраняет запись до тех пор, пока блок не достигнет своего назначения. Если блок не будет успешно доставлен, он будет отправлен на исходный компьютер. Если доставка пройдет успешно, компьютер того, кто получает блок данных, рекомбинирует все полученные блоки, а затем выдает сообщение «Данные получены». Таким образом, компьютер, который первоначально отправил данные, не сможет отправить их снова.

Сетевая безопасность блокчейна и устойчивость к взлому данных определяются следующими двумя факторами.

Во-первых, характером распределенной сети: после того, как информация проверена и добавлена в блокчейн, она постоянно хранится на платформе и ее очень трудно сфальсифицировать. Такая возможность имеется, если происходит атака более чем на 51% узлов в распределенной сети, или подделываются сохраненные записи, что считается довольно трудоемким и практически невозможным.

Во-вторых, проверка хэш-значения является основой криптографии и технологии блокчейн. Благодаря операции над функцией шифрования (хэш-функцией) электронные данные получают уникальный идентификатор в целях обеспечения их целостности. Хэш-значения обеспечивают безопасность и

¹ См.: Решение Пекинского интернет-суда по делу Toutiao против Baidu. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2018/09/id/3510354.shtml> (дата обращения: 09.02.2020).

устойчивость к несанкционированному доступу блокчейн-данных для того, чтобы действительность блокчейн-доказательств была принята в судебных делах¹.

Как правило, традиционные способы трансформации электронной информации в допустимое доказательство требуют нотариального заверения с использованием временных и финансовых ресурсов, ограничивая возможный объем предоставления данных и не позволяя сохранять информацию в режиме реального времени. Сохранение доказательств посредством технологии блокчейн имеет простую конфигурацию, приемлемую стоимость и довольно высокую надежность. Более того, пользователь может использовать платформу для сохранения доказательств в режиме реального времени, поскольку блокчейн – это децентрализованная база данных, открытая, распределенная и необратимая, работающая как электронная платформа хранения данных с низкой стоимостью, высокой эффективностью и стабильностью.

В нашем понимании, применительно к доказательственному процессу технология блокчейн может позволить с точностью определить подлинность представленной сторонами информации, так как внесение корректировок в один блок влечет внесение изменений в предыдущие блоки, что мгновенно отражается в хеш-значении. Но, как верно отмечает Р.Ф. Закиров, мы должны понимать, что внедрение технологий нового времени требует всестороннего изучения и анализа, когда позитивным моментом является возможность отказа от долгих бюрократических процедур запроса необходимых доказательств, в результате чего затягиваются сроки рассмотрения конкретного дела². При этом снижение оперативности разрешения споров, на наш взгляд, прямо противоречит идее цифрового правосудия в России, нацеленного на обеспечение отправления правосудия в разумные сроки.

¹ См.: Matej Michalko blockchain «witness»: a new evidence model in consumer disputes. URL: <https://clap.nls.ac.in/wp-content/uploads/2021/02/BLOCKCHAIN-%e2%80%98WITNESS%e2%80%99-A-NEW-EVIDENCE-MODEL-IN-CONSUMER-DISPUTES-.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).

² См.: Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 219.

Таким образом, технология блокчейн становится идеальной платформой для решения проблемы установления достоверности электронно-цифровой информации и, как следствие, её использование позволяет расширить перечень средств доказывания, введя в него совершенно новую самостоятельную единицу – электронное доказательство, которое может быть исследовано независимо от своего материального носителя в первоначальной среде хранения данных.

2.4. Искусственный интеллект и его право на жизнь при отправлении правосудия в режиме электронного окна

Впервые термин «искусственный интеллект» был введен в доктринально-лексический оборот Джоном Маккарти в 1956 году на первой научной конференции, посвященной вопросам интеллектуализации электронно-вычислительной техники¹. Однако вопрос о возможности машин «мыслить» возник ещё в первой половине XX века.

В одном из своих эссе Ваннер Буш описал машину, которая могла бы быть наделена способностями думать и распознавать, запуская при этом процессы, аналогичные мыслительным процессам человека, принципу действия человеческой памяти². Спустя пять лет появилась научная статья, в которой Алан Тьюринг предложил проверить, может ли машина выиграть в игру, например, подобную шахматам. В основе теста Тьюринга лежал простой прагматичный подход, позволяющий доказать, что компьютер, будучи неотличимым в игре от человека, может вырабатывать свою собственную стратегию, делать выигрышные ходы, думая разумно и логически³.

Без представления о том, чего может достичь простая электронно-вычислительная машина, возможно, никогда бы не сформировалась и не получила

¹ См.: Smith C. The History of Artificial Intelligence. Seattle: University of Washington, 2006. С. 4

² См.: Bush V. As We May Think. URL: [http://worrydream.com/refs/Bush%20-%20As%20We%20May%20Think%20\(Life%20Magazine%209-10-1945\).pdf](http://worrydream.com/refs/Bush%20-%20As%20We%20May%20Think%20(Life%20Magazine%209-10-1945).pdf) (дата обращения: 11.04.2020).

³ См.: Turing A. Computing Machinery and Intelligence. Oxford: Oxford University Press, 1950. С. 433-460.

соответствующего развития сфера искусственного интеллекта¹. Тот факт, что тест Тьюринга всё еще обсуждается, и исследователи по-прежнему работают над созданием более совершенного программного обеспечения в рамках реализации проектов государственного уровня, свидетельствует о том, что Алан Тьюринг и предлагаемый им тест показали достаточно мощный на то время потенциал «разумных машин». Как следствие, в научной литературе появилось большое разнообразие дефиниций искусственного интеллекта.

Патрик Генри Уинстон определяет искусственный интеллект как вычислительную машину, способную воспринимать, рассуждать и действовать². По словам Алекса Эндрю, под искусственным разумом скрывается машина, оперирующая возможностями интеллектуального поведения³. Джон Хогланд называет искусственный интеллект попыткой заставить компьютеры думать – машиной с разумом «в полном и буквальном смысле слова»⁴. Юджин Чарняк и Дрю МакДермотт раскрывают понятие искусственного интеллекта через вычислительную модель, представляющую собой аналог умственных способностей человека⁵.

Обращаясь к более современному пониманию машинного разума, следует отметить концепцию П.М. Морхата, согласно которой искусственный интеллект рассматривается как «полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая система (юнит)», тем самым указав на возможность искусственного интеллекта действовать автономно – независимо от человека⁶.

¹ См.: Городнова Н. В. Применение искусственного интеллекта в цифровой экономике: монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Первое экономическое издательство», 2021. 154 с.

² См.: Winston P.H. Artificial Intelligence. London: Addison-Wesley Publishing Company, 1984. С.2.

³ См.: Эндрю А. Искусственный интеллект. Москва: Мир, 1985. С. 17.

⁴ См.: Haugeland J. Artificial Intelligence: The Very Idea. Cambridge (Massachusetts, USA): MIT Press, 1985. С. 5.

⁵ См.: Charniak E. Introduction to Artificial Intelligence/ E. Charniak, D. McDermott. Canada: Addison Wesley Publishing Company, 1985. С. 6.

⁶ См.: Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2018. С. 79.

Применительно к вопросам модернизации судебной системы посредством внедрения технологий нового поколения, вышеуказанные определения кажутся нам чересчур кибернизированными.

В нашем понимании искусственный интеллект в судебной системе – это не юнит (единый механизм – носитель «машинного разума»), а отдельные самостоятельные элементы автоматизированной системы хранения и обработки данных, каждый из которых позволяет электронно-вычислительной технике выполнять определенный функционал человека на более совершенном – электронно-техническом – уровне.

Следовательно, говоря об искусственном интеллекте применительно к российской судебной системе, следует придать ему семантическое значение, сводящееся не к робототехнике, а к отдельным возможностям технологий нового поколения. Такой подход, на наш взгляд, кажется наиболее релевантным, поскольку учитывает начальный уровень технического прогресса в проекции цифровизации судебной системы и отражает потребности модернизации системы правосудия, в которой искусственный интеллект выступает не как аналог судьи, а как его облачный персональный помощник.

Как справедливо отмечает в своей диссертации С.В. Василькова, электронное правосудие в России находится на начальном этапе. Преобразование механизма осуществления судебной власти сталкивается с множеством проблем, зачастую носящих мировоззренческий характер¹.

Пабло-Браво Хуртадо в статье «Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте» сделал попытку продемонстрировать, что скептическое отношение к идее автоматизации правосудия сводится к трем ошибочным суждениям об истинной задаче внедрения искусственного интеллекта, уровне его развития и о нравственном составляющем его применения. Настаивая на том, что искусственный интеллект лежит в плоскости не технологий, а этики, Пабло-Браво Хуртадо указывал на истинную

¹ См.: Василькова С.В. Указ. соч. С. 214.

проблему его внедрения в судебную систему. По его мнению, ключевой вопрос заключается не в том, обладает ли искусственный интеллект сознанием, а в понимании того, что если мы заменим судью-человека, то люди уже не будут судимы равными себе¹.

Сложно не согласиться с вышесказанным, поскольку сегодня искусственный интеллект воспринимается именно в первоначальном значении – как машина, способная рационально мыслить и действовать, аналог *homo sapiens*, но не сопутствующий ему элемент.

В 2013 году IBM Watson – система искусственного интеллекта американской фирмы IBM – помогла диагностировать и назначить лечение лейкемии у пациента, случай которого несколько месяцев приводил врачей в замешательство. Суперкомпьютер изучил медицинскую информацию пациента и через десять минут смог сопоставить его состояние с двадцатью миллионами онкологических записей. При этом искусственный интеллект не заменил медиков, а лишь помог им в спасении жизни. Аналогичным образом нельзя говорить о замене судей «думающими машинами». При использовании отдельных элементов искусственного интеллекта судьи по-прежнему будут контролировать окончательное решение по делу, но сочетание их правового мышления и способности программного обеспечения обрабатывать и анализировать информацию может облегчить процесс принятия решения, сделать его более точным и оперативным. В этом случае актуальным останется лишь вопрос о том, как внедрить эти элементы в судебную систему наиболее гармонично и релевантно, а ответ будет лежать в плоскости технических инноваций и практики их внедрения и использования в России и за её территориальными пределами².

¹ См.: Пабло Браво-Хуртадо Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте// Вестник гражданского процесса, 2018. № 1. С. 188.

² См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)// Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

Во-первых, искусственный интеллект может быть полезен как инструмент сбора и анализа информации, используемый в режиме электронного обнаружения, который применяет компьютерные алгоритмы для идентификации и маркировки документов на основе ключевых слов и иных метаданных. По мере того, как элементы искусственного интеллекта все больше интегрируются в нашу повседневную жизнь, инструменты электронного обнаружения (например, technology-assisted review – TAR) внедряются в стандартную практику электронных открытий. Так, буквально пять лет назад о TAR даже не слышали в судебном процессе, но сегодня они считаются одними из важнейших инструментов поиска.

Первым примером из судебной практики, поддерживающим использование TAR в рецензировании документов, стало решение федерального мирового судьи США по южному округу Нью-Йорка Эндрю Пека по делу *Da Silva Moore v. Publicis Groupe*, в котором судья определил, что инструменты TAR являются лучшими и наиболее эффективными средствами поиска и рецензирования юридических документов¹. Отделение по хозяйственным делам Высокого суда правосудия одобрило подобный подход и приняло поправку, согласно которой с 1 октября 2018 года сторонам надлежит использовать «наиболее эффективные средства», доступные для рецензирования документов, включая TAR и предиктивное кодирование².

В 2017 году компания «ГАРАНТ» в рамках LegalTech создала свой собственный продукт – автоматизированный сервис по подбору и анализу судебной практики. Аналитическая система «Сутяжник» позволяет загружать исковое заявление на сервис, где автоматически, без необходимости использования поисковых запросов, осуществляется распознавание и анализ юридического текста. Результатом становится подборка релевантной искомому заявлению судебной

¹ См.: *Da Silva Moore v. Publicis Groupe* 287 F.R.D. 182 (S.D.N.Y. 2012). URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-da-silva-moore-v-publicis-groupe> (дата обращения: 12.04.2020).

² См.: *Rideout P.G. Continued Efficiencies in the Commercial Division/ P.G. Rideout, G Song* // *New York Law Journal*. 2018. Vol. 74.C. 1-3.

практики с указанием правовых норм, которые легли в основу судебных решений по аналогичным делам¹.

Во-вторых, искусственный интеллект лежит в основе принципа действия виртуальных помощников, которые могут быть использованы не только как программные клиенты, с которыми владельцы современных устройств быстрее справляются с повседневными делами, но и как персональные помощники при решении вопросов юридического характера. Виртуальные помощники способны учитывать, планировать и выполнять задачи в режиме многофункциональности. Виртуальным помощникам Apple Siri и Microsoft Cortana следует поручить оповещение участников процесса о дате и времени судебного заседания, что может быть организовано следующим образом.

В систему электронной подачи документов поступает электронное обращение. Например, исковое заявление посредством автоматического распределения дел между судьями направляется конкретному судье, о чем виртуальный помощник этого судьи получает соответствующий сигнал. Проанализировав полученную информацию, электронный ассистент сообщает судье дату и время назначения судебного заседания. Если судья выносит определение о принятии искового заявления к производству, то виртуальный помощник оповещает участников процесса тем способом, который был избран заявителем при подаче обращения посредством сети «Интернет». Если судья выносит определение иного характера, то виртуальный помощник автоматически направляет скан определения заявителю. В этом случае внесение кардинальных изменений в нормативно-правовые акты не потребуется. Этот вопрос может быть урегулирован на уровне принятия простого регламента, поскольку использование виртуальных помощников не создает нового способа извещения, а лишь автоматизирует его использование.

Следует отметить, что все выше рассмотренные варианты использования базирующихся на искусственном интеллекте инструментов не ставят перед собой

¹ См.: Украинский Р.В. Система «Сутяжник» - легкое решение сложных задач. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 30.07.2022)

цели создать новый образ судьи, внедрив в судебную систему механизированный аналог человеческого разума. Их реальная задача – оптимизировать процесс принятия решения, упростить работу судьи, тем самым значительно уменьшив материальные и процессуальные затраты, нивелировав риски стагнации судебной системы в условиях цифровой модернизации реалий социальной действительности.

Как верно отмечает П.В. Морхат, замена судьи «юнитом» – это один из наиболее дискуссионных вопросов¹. В настоящее время целесообразно говорить не о перспективах вытеснения искусственным интеллектом людей-судей, а об его привлечении в качестве помощника людям-судьям.

Так, с декабря 2020 года участники судебных производств Белгородской, Московской и Нижегородской областей в тестовом режиме получили возможность общения с голосовым помощником, способным по телефону поделиться информацией о движении дела и результатах его рассмотрения. Как и любой другой искусственный интеллект информационно-справочный сервис представил собой самообучаемую систему, предполагающую дальнейшее совершенствование².

В то же время в зарубежной практике использование элементов искусственного интеллекта уже кажется не такой отдаленной и неоднозначной задачей. Форумами, на которых разрешается большинство гражданско-правовых споров в мире, являются такие платформы, как Alibaba и eBay, а не государственные суды или частные медиаторы. В связи с этим возникает вопрос, возможно ли перенять успешный опыт зарубежных стран, не разрушая информационно-правовой базис российской судебной системы, постепенно переходя на цифровые рельсы, используя передовые технологии не как аналог

¹См.: Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2018. С. 131.

² См.: Участники судебного процесса смогут получать информацию о деле у автоматического голосового помощника// Официальный сайт ФГБУ ИАЦ Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://iac.cdep.ru/index.php?id=9&item=213> (Дата обращения: 19.08.2021).

судье, а как средство увеличения его потенциала. В этом случае необходимо создать более продуманный правовой базис для информатизации¹.

Развивая эту мысль, можно внедрить элементы искусственного интеллекта в судебную систему России в тестовом режиме по отдельным категориям дел бесспорного характера. Например, по делам, рассматриваемым в порядке приказного производства (См. Приложение 3, схема «Цифровой судебный процесс»).

Так, взыскатель будет инициировать процесс посредством заполнения онлайн-формы, представляющей собой аналог заявления в электронной форме. В зависимости от категории спора система потребует заполнения соответствующих разделов таких, как «обстоятельства дела» и «документы для прикрепления к заявлению» (доказательства). Затем взыскателю необходимо будет указать номер мобильного телефона или e-mail должника для того, чтобы система направила ему sms-уведомление (либо электронное сообщение) об инициировании электронного судебного процесса, после чего должник получит возможность согласиться или отказаться от процесса в электронной форме, пройдя по указанной в сообщении ссылке. При этом обеим сторонам будет направлен проект судебного акта. В случае с SMS-уведомлением должник получит возможность скачать проект судебного акта, таким же образом пройдя по указанной в письме ссылке.

Если должник откажется от электронного производства (в том числе отправив отказ, например, в ответном SMS-сообщении) или направит в суд возражение, требующее рассмотрения непосредственно судьей, приравняемое к отказу, то взыскатель получит уведомление о переводе дела из электронной формы в традиционное исковое производство. Если должник согласится, либо истечет (по аналогии со статьей 128 ГПК РФ, 229.5 АПК РФ) десятидневный срок на получение от него отказа, то проект судебного акта приобретет силу судебного приказа и будет автоматически размещен на сайте суда.

¹ См.: Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13. Москва, 2016. С. 37.

На взыскателя также будет возложена обязанность подтверждения принадлежности номера мобильного телефона или электронного почтового ящика должнику. Таким подтверждением может стать договор, в реквизитах которого указаны данные должника, расписка или любой иной документ, подтверждающий данный факт.

Ненадлежащее уведомление должника (неполучение уведомления, ошибка в предоставленных взыскателям сведениях) по аналогии с отменой судебного приказа в традиционном порядке в силу статьи 129 ГПК РФ, части 4 статьи 229.5 АПК РФ, статьи 123.7 КАС РФ по заявлению должника повлечет перевод дела в традиционное производство, что в конечном итоге сохранит преимущество судьи-человека над технологиями нового поколения, поскольку последней инстанцией в решении вопроса останется разум человека, а не его цифровой аналог.

Релевантность предложенного проекта заключается в том, что приказное производство в силу своей процессуальной специфики не предполагает наличие спора о праве и «поединок сторон» с необходимостью непосредственного участия «арбитра». Проведение судебного разбирательства в этом случае исключается по прямому указанию абзаца 1 части 2 статьи 126 ГПК РФ, абзаца 2 части 2 статьи 229.5 АПК РФ, части 2 статьи 123.5 КАС РФ. Это позволяет сделать вывод о том, что дела приказного производства носят бесконтактный характер и могут быть рассмотрены специальным сервисом с возможностью отмены судебного акта и переходом дела в традиционное судебное производство.

Более того, успешная реализация проекта в тестовом режиме позволит расширить сферы применения элементов искусственного интеллекта, распространив свою силу и на дела упрощенного производства. Как правило, предусмотренные статьями 132.2 ГПК РФ и 227 АПК РФ категории дел не обладают правовой и фактической сложностью, не характеризуются многосубъектностью. Упрощенное производство не предполагает контактный характер рассмотрения дела. В этом производстве в отличие от традиционного искового производства не предусмотрены отдельные процессуальные действия такие, как предъявление встречного иска или вступление в процесс третьих лиц.

Решение суда выносится исключительно по представленным сторонами доказательствам.

Подобные версии использования искусственного интеллекта в упрощенных вариациях споров уже получили свое право на жизнь в США, где платформа LexMachine может предсказывать исход судебного разбирательства посредством автоматического отбора и анализа информации, размещенной в сети «Интернет». Приложение DonotPay, созданное студентом из Стэнфорда Джошуа Браудером, позволяет своим пользователям оспаривать штрафы за неправильную парковку и предъявлять иск в суд на сумму до 25 000 долларов. Всё это происходит в рамках одного приложения без необходимости материальных затрат на услуги представителя.

В Британской Колумбии действует система «The British Columbia Civil Resolution Tribunal» (CRT) – онлайн суд Канады, являющийся одним из первых в мире примеров разрешения споров в режиме онлайн. Несмотря на то, что в его компетенцию входят споры гражданско-правового характера ценой иска до 25 тысяч канадских долларов, CRT считается административным трибуналом. С помощью специальных сервисов граждане обращаются в трибунал с компьютера или с мобильного устройства. Искусственный интеллект анализирует полученную информацию и предоставляет пользователям возможные пути решения их проблемы. Стороны получают возможность урегулировать спор с помощью специального программного обеспечения, использующего шаблоны и выпадающее меню. Если онлайн-переговоры не удалось, то к взаимодействию сторон присоединяется посредник, который также действует удаленно. Компромисс, найденный сторонами, трансформируется в судебный акт, который приобретает силу традиционного судебного решения. Если же спор урегулировать не удалось, то стороны переходят на заключительный этап, который обличается в форму судебного заседания онлайн, по телефону или с помощью видеоконференц-связи¹.

¹ См.: Katsh E. Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes/ E. Katsh, O. Rabinovich-Einy. Oxford: Oxford University Press, 2017. С. 160.

В Китайской народной республике роботы могут на законодательном уровне анализировать и извлекать необходимые для рассмотрения дела данные из всех возможных источников, тем самым уменьшая нагрузку на государственный аппарат и судейский корпус. Некоторые из роботов даже имеют свою собственную специализацию, будучи специалистами в таких областях, как коммерческое право или трудовые споры. Более того, китайские суды используют искусственный интеллект для анализа личных сообщений и комментариев в социальных сетях, которые могут использоваться в качестве допустимого доказательства в суде. А дорожная полиция Китая, как известно, использует технологию распознавания лиц для выявления и осуждения преступников.

Возможности искусственного интеллекта в юридической практике, действительно, – безграничны. Сегодня элементы машинного разума могут использоваться и успешно апробируются не только в оперативно-розыскной деятельности и судопроизводстве, но и в общем обеспечении юридической профессиональной деятельности, осуществлении элементарных юридических консультаций, в сфере нормотворчества и для обеспечения функционирования системы государственных органов исполнительной власти, реализации государственного управления¹.

По словам Э.И. Лескиной, стремительное развитие нейронных сетей становится отличительной чертой эпохи Индустрии 4.0. Необходимость цифровизации диктуется развитием общественных отношений². Но, как справедливо отмечает А.В. Незнамов, несмотря на достижение машинным разумом достаточного технического уровня, вопрос придания ему надлежащей правовой формы останется вторичным после вопроса об этико-правовой целесообразности таких нововведений³.

¹ См.: Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда, 2018. № 2. С. 8-12.

² См.: Лескина Э.И. Влияние развития нейронных сетей на трудовые отношения // Российская юстиция. 2020. №8. С. 9 - 12.

³ См.: Незнамов А.В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14 - 18.

В нашем понимании, этика и мораль, безусловно, важны при рассмотрении вопросов внедрения искусственного интеллекта в судебную систему. Однако оба понятия лежат в плоскости субъективного суждения, в то время как искусственный интеллект может и должен помогать судьям при отправлении правосудия¹.

Как справедливо отмечает В.А. Жилкин, уже сегодня искусственный интеллект способен грамотно анализировать юридическую информацию и проводить ее обработку, но решение юридических задач по-прежнему остается на «стандартизированном» уровне². Последнее свидетельствует о том, что искусственный интеллект не может стать полноценной заменой судье-человеку, поскольку отправление правосудия подразумевает выполнение не рутинных юридических функций с опорой на нормы права, а разрешение конкретного спора с учетом всех обстоятельств дела и обращением к морально-этическому аспекту, которого машинный разум лишен. Однако такие «стандартные» функции, как анализ поступающих в суд документов на предмет соответствия закону, извещение участников процесса, сохранение и передача информации, создание процессуального документа на основании шаблонных команд могут успешно войти в функционал искусственного интеллекта в системе отправления правосудия по гражданским, административным делам и экономическим спорам.

При этом с нормативно-правовой точки зрения использование термина «искусственный интеллект» является необязательным, поскольку в контексте системы отправления правосудия под искусственным интеллектом следует понимать исключительно автоматизированную систему, функционирующую на основе стандартных алгоритмов получения, обработки, сохранения и передачи юридически-значимой информации, – еще один инструмент цифрового правосудия.

¹ См.: Дефиниция «искусственный интеллект» и ее семантико-процессуальное значение в судебной системе России и зарубежных стран / И.В. Воронцова, Ю.А. Луконина // Российский судья. 2020. № 10. С. 41-45.

² См.: Жилкин В.А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5 (72). С. 16-21.

Таким образом, сегодня перед судебной системой стоит вопрос не о легализации машинного разума, а о внедрении элементов искусственного интеллекта в качестве одного из средств информационного обеспечения цивилистического процесса, когда искусственный интеллект ставит перед собой задачу не заменить судью, а увеличить его потенциал.

На основании анализа практических аспектов цифровой цивилистической процессуальной формы мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, внедрение информационных технологий в судебную систему имеет место абсолютно на всех этапах отправления правосудия по гражданским, административным делам и экономическим спорам, постепенно расширяя сферы цифровизации судебной власти. При этом отдельные вопросы правового регулирования цифровых новаций в действующем процессуальном законодательстве по-прежнему остаются должным образом не регламентированными.

Во-вторых, трансформация затрагивает абсолютно все этапы реализации права на судебную защиту, включая все виды производств по пересмотру судебных постановлений. Между тем ни электронный документооборот, ни режим ВКС, ни использование веб-конференций как основные инструменты удаленной связи до сих пор не нашли комплексного правового регулирования.

В-третьих, цифровизация общественных отношений привела к появлению в судебной практике принципиально нового средства доказывания – электронных доказательств, которые в ближайшее время в целях устранения неопределенности электронной информации в доказательственном процессе должны получить соответствующую правовую регламентацию.

В-четвертых, в настоящее время представляется возможным рациональное и гармоничное взаимодействие интеллекта человека с машинным разумом, когда элементы искусственного интеллекта могут стать персональным помощником судьи, способным увеличить его потенциал, автоматизировав систему принятия судьей решений и исключив из его деятельности рутинный фактор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ действующих положений законодательной базы, специальной литературы и правоприменительной практики позволяет сделать следующие выводы и сформулировать конкретные предложения по нормативно-правовому регулированию теоретико-прикладных аспектов цифровой цивилистической процессуальной формы.

Рассмотрев наиболее релевантные теме настоящего исследования позиции относительно природы и сущности цивилистической процессуальной формы, мы приходим к выводу о том, что под ней следует понимать внешнее нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения дел.

Значение цивилистической процессуальной формы как одной из базовых категорий права и процесса раскрывается через объективную и субъективную стороны процессуальной формы. Теоретическая значимость рассматриваемого понятия заключается в возможности отграничения цивилистического процесса от иных аспектов судебной деятельности, в частности, конституционного и уголовного судопроизводства. Прикладная роль цивилистической процессуальной формы раскрывается через определенные судопроизводством правовые гарантии, наделение заинтересованных в исходе дела лиц комплексом предусмотренных законом прав и обязанностей, а суда – полномочиями в целях вынесения законного и обоснованного решения по результатам рассмотрения и разрешения возникшего спора в соответствии с положениями действующего процессуального законодательства.

В зависимости от способа фиксации и передачи юридически-значимой информации цивилистическая процессуальная форма подразделяется на устную, письменную и цифровую. Под устной формой понимается регламент процессуального поведения участников цивилистического процесса, под письменной – порядок документального оформления процессуального поведения, а под цифровой – внешнее нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров с

применением цифровых технологий фиксации, обработки и передачи информации, имеющей юридическое значение.

Как и любое иное правовое явление, цивилистическая процессуальная форма обладает присущими только ей чертами, к которым в научной литературе по общему правилу относят нормативность, системность, формальную определенность и динамизм. Отдельными исследователями наравне с указанными признаками также выделяется универсальность. Однако в условиях цифровизации отправления правосудия универсальность постепенно становится прототипом для кардинально нового для цивилистического процессуального права понятия. В настоящее время цивилистическая процессуальная форма не только обладает универсальностью по отношению к применению норм процессуального права к любым рассматриваемым категориям дел, но и приспособляется под все возможные способы рассмотрения и разрешения дел, в том числе в цифровой среде. Последнее обуславливает возникновение нового свойства цивилистической процессуальной формы, которое в науке цивилистического процессуального права предлагается определить как «процессуально-правовую адаптивность», под которой необходимо понимать гибкость цивилистической процессуальной формы по отношению ко всем способам рассмотрения и разрешения судами гражданских, административных дел и экономических споров.

Возникновение цифровой цивилистической процессуальной формы должно происходить в точном соответствии с руководящими началами цивилистического процесса, при этом не исключая возможности внесения отдельных изменений в механизм их действия. Так, в большей степени цифровой трансформации подвержены организационные принципы, отвечающие за внешнее устройство цивилистического судопроизводства, поскольку выделение цифровой цивилистической процессуальной формы прежде всего обусловлено внешним преобразованием порядка рассмотрения и разрешения гражданских, административных дел и экономических споров. В то же время функциональные принципы также не остаются вне поля цифровизации, но в сравнении с

организационными принципами их трансформация наблюдается в меньшей степени.

Практика применения цифровых технологий за рубежом, как и уже имеющийся опыт внедрения технологий нового поколения в судебную систему России, свидетельствует о довольно успешном и эффективном внедрении в судебную систему современных средств информационного обеспечения.

В настоящее время модернизируются способы использования информации, кардинально меняется отношение к цифровизации отдельных институтов процессуального права, цивилистический процесс приобретает черты процессуально-правовой системы, отвечающей последним требованиям современности. Цифровая модернизация охватывает абсолютно все стадии отправления правосудия, предоставляя судебным органам и иным участникам цивилистического процесса возможность ведения электронного документооборота, аудио- и видеопротоколирования, применения систем ВКС и веб-конференции, а также предлагая использование допустимого потенциала искусственного интеллекта.

Однако, как показывают анализ действующего законодательства и судебной практики, оперирование вышеназванными технологиями превосходит их нормативно-правовое закрепление, впоследствии проявляя существенные пробелы в правовом регулировании порядка их использования.

Для решения вышеуказанной проблемы необходимо принять ряд процессуально-правовых мер.

Во-первых, в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ следует закрепить основания для отклонения документов, поданных в электронном виде. Актуальность новеллы объясняется тем, что отклонение документов, представленных в электронной форме, является неизвестным действующему законодательству, что свидетельствует о появлении в процессуальном праве совершенно нового института и, как следствие, требует соответствующей правовой регламентации.

Во-вторых, в отношении стадии подготовки дела к судебному разбирательству следует упростить механизм получения судом необходимой для

правильного рассмотрения и разрешения дела информации, создав наравне с предварительным судебным заседанием еще одну форму подготовки дела к судебному разбирательству – возможность проведения информационно-подготовительных встреч. В этой связи требуется дополнение ГПК РФ статьей 152.1, АПК РФ статьей 136.1, статьей 138.1 КАС РФ.

В-третьих, необходимо более подробно регламентировать порядок проведения ВКС, дополнив предоставленную в ГПК РФ и КАС РФ правовую регламентацию, как это сделано законодателем в статье 153.1 АПК РФ, одновременно скорректировав часть 1 и часть 5 статьи 153.1 АПК РФ, уточнив круг субъектов инициирования, процессуальное оформление решения суда по ходатайству и основания для его отклонения.

Также одной из консеквенций цифровой модернизации судебной системы стало возникновение принципиально нового средства доказывания – электронных доказательств, правовой регламентации которых российский законодатель не оказал должного внимания, отнеся электронную информацию к уже имеющимся в действующем законодательстве письменным доказательствам.

Между тем, дифференцируя уже имеющиеся средства доказывания, следует отметить, что электронные доказательства не имеют определенной материальной формы, не связаны с материальным носителем и могут храниться в среде, пригодной для хранения и передачи цифровой информации. Специфику электронных доказательств также подчеркивает особый способ их создания, поскольку такая информация возникает с помощью электронно-вычислительных средств программного обеспечения.

Проблема идентификации и установления достоверности электронных доказательств с позиции современных технологий может быть решена с помощью легализации использования в доказательственном процессе технологии блокчейн.

В целях диверсификации перечня средств доказывания предлагается следующий правовой механизм регламентации электронной информации в процессуальном праве.

Во-первых, предлагаем дополнить абзац 2 части 1 статьи 55 ГПК РФ, изложив его в следующей редакции: «Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных, электронных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов». Дополнить абзац 1 части 2 статьи 64 АПК РФ, представив его следующим образом: «В качестве доказательств допускаются письменные, электронные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы». Внести изменения в часть 2 статьи 59 КАС РФ, изложив ее в следующей редакции: «В качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и показания свидетелей, полученные в том числе путем использования систем видеоконференц-связи, системы веб-конференции, а также письменные, электронные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов».

Во-вторых, необходимо исключить из статей 71 ГПК РФ, 75 АПК РФ и 70 КАС РФ информацию, касающуюся документов и материалов, выполненных в форме электронно-цифровой записи, и внести в Кодексы ещё одну статью – предположительно статью 71.1 ГПК РФ, статью 75.1 АПК РФ, статью 70.1 КАС РФ «Электронные доказательства», где следует отобразить специфику электронных доказательств, включив в неё их дефиницию и указав способы их получения.

Под искусственным интеллектом применительно к цивилистическому процессу следует понимать элементы, действующие автономно в рамках одной единой автоматизированной системы хранения и обработки данных, позволяющие машинному разуму выполнять функционал человека на более совершенном – электронно-техническом – уровне.

Поиск новых подходов к адаптации искусственного интеллекта к судебной системе показывает, что экстраполяция результатов внедрения отдельных элементов машинного разума в процесс отправления правосудия может стать своеобразным триггером для наделения модели интеллектуализации судебной власти правом на жизнь. При этом о полной замене человеческого разума

искусственным интеллектом в аспекте применения технологий нового поколения в судебной системе России речи не идет. В настоящее время перед искусственным интеллектом стоит задача не заменить судью, а стать его правой рукой – персональным помощником, способным увеличить его потенциал. В качестве одного из возможных способов оптимизации следует рассмотреть внедрение элементов автоматизации рассмотрения дел с помощью искусственного интеллекта в приказном производстве с возможностью дальнейшего расширения функционала сервиса для категорий дел, рассматриваемых в рамках упрощенного производства. Достаточно простые модификации процессуальной формы с повторяющимися фактическими сценариями, на наш взгляд, могут стать отличным плацдармом для такого рода экспериментов, когда руководящая роль с функционалом контроля останется в руках судьи-человека, участникам процесса будет предложена альтернатива традиционному производству, а судебной системе – возможность цифровой модернизации с целью приведения её модификаций в соответствие с потребностями современности.

Таким образом, выступая в качестве средств информационного обеспечения, технологии нового поколения модернизируют судебную систему, становясь важнейшим катализатором реформирования действующего цивилистического процессуального законодательства. Новые подходы к способам хранения и обращения информации переводят отправление правосудия в цифровую среду, наделяя цивилистическую процессуальную форму признаком «процессуально-правовой адаптивности». Применительно к цифровой среде процессуально-правовая адаптивность становится одним из проявлений цифровой цивилистической процессуальной формы, которая как вид цивилистической процессуальной формы, перестраивает правосудие на цифровые рельсы. В свою очередь стагнация в правовом поле применения цифровых новаций может повлечь за собой дезорганизацию цивилистического процесса, тем самым необоснованно ограничив возможности участников цивилистических процессуальных отношений в цифровой среде.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

SMS	Short Message Service (в пер. СМС)
ВАС РФ	Высший арбитражный суд Российской Федерации
ВКС	видеоконференц-связь
ГАС	Государственная автоматизированная система
ГК РФ	Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК РФ	Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
ЕПГУ	Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)
ЕСИА	Единая система идентификации и аутентификации
КАС РФ	Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации
КоАП РФ	Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации
МФЦ	многофункциональный центр
МФУ	многофункциональное устройство
НК РФ	Налоговый кодекс Российской Федерации
РФ	Российская Федерация
УПК РФ	Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации
ФАС	Федеральный арбитражный суд
ФЗ	Федеральный закон
ФССП	Федеральная служба судебных приставов
ЭВМ	Электронно-вычислительная машина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты

1.1. Международные акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013)// Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
2. Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» (совершена в Нью-Йорке 23 ноября 2005 г.)// Бюллетень международных договоров. 2018. № 6.
3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» [рус., англ.] (Принят в г. Нью-Йорке 28.05.1996 - 14.06.1996 на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ)// Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1996 год. Т. XXVII.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1998. С. 319 - 323.
4. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях» [рус., англ.] (Принят в г. Вене 05.07.2001 на 34-ой сессии ЮНСИТРАЛ). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.07.2022).
5. Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии и пояснительная записка. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.07.2022).

1.2. Нормативные правовые акты Российской Федерации

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

7. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 02.08.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Российская газета. 2018. № 230.

12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021)// Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

15. Закон РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

16. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 05.04.2021) // Российская юстиция. № 11. 1995.
17. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «Об обязательном экземпляре документов»// Собрание законодательства РФ.1995. № 1.Ст. 1.
18. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О техническом регулировании»// Собрание законодательства РФ.2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.
19. Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4531.
20. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ.2003. № 40. Ст. 3822.
21. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 11.06.2021)// Собрание законодательства РФ.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
22. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.
23. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 22.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
24. Федеральный закон от 08.12.2011 г. № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» (ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7364.
25. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ.2010. № 31. Ст. 4179.

26. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. №31. Ст. 4197.

27. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. №31. Ст. 4197.

28. Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 11.06.2021)//Собрание законодательства РФ.2011. № 15. Ст. 2036.

29. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3889.

30. Федеральный закон от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть 1). Ст. 7523.

31. Федеральный закон от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть 1). Ст. 7523.

32. Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4854.

33. Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4854.

34. Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

35. Федеральный закон от 16.12.2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о

трудовой деятельности в электронном виде» (ред. от 24.02.2021)// Собрание законодательства РФ. 2019. № 51 (часть I). Ст. 7491.

36. Федеральный закон от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8976.

37. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (Часть I). Ст. 9.

38. Указ Президента РФ от 18.05.2009 г. № 558 «О представлении гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2021).

39. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

40. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)// Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

41. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 г. № 65 «О Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)»// Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

42. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013 № 1. Ст. 13.

43. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2003 г. № 1577-р «О Концепции развития рынка услуг почтовой связи на период до 2010 года» // Собрание законодательства РФ. 2003. №45. Ст. 4399.

44. Проект Постановления Правительства РФ «О внесении изменения в Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» (по состоянию на 27.04.2022) (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 01/01/04-22/00127122). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.07.2022).

1.3. Правовые акты зарубежных стран

45. Гражданский Процессуальный Кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.05.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065 (дата обращения: 30.07.2021).

46. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053#pos=2;-108 (дата обращения: 30.07.2021).

47. Civil Procedure Law of the People's Republic of China (Revised in 2017)/ URL: <http://cicc.court.gov.cn/html/1/219/199/200/644.html> (дата обращения: 09.02.2020).

48. Civil Procedure Rules (CPR), 1998 (Правила гражданского судопроизводства)// Legal Information Institute URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/frcp> (дата обращения: 17.10.2018).

49. Federal Rules of Civil Procedure (amended December 1, 2013). URL: <http://uscourts.gov/uscourts/rules/civil-procedure.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

50. Zivilprozessordnung (ZPO), 1877 (Гражданское процессуальное уложение)// Deutsch-Russischen Juristenvereinigung e.V. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/index.html> (дата обращения: 09.12.2018).

2. Специальная литература

2.1. Диссертации и авторефераты диссертаций

51. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13. Москва, 2016. 179 с.
52. Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 1998. 216 с.
53. Беков Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2009. 197 с.
54. Борисова Е.А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в российском гражданском, арбитражном процессах: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2005. 48 с.
55. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Санкт-Петербург, 2018. 251 с.
56. Вахтинская Е.М. Основные черты гражданского процесса Австралии: афтореф. дис. ... канд. юрид. Наук: 12.00.15. Москва, 2013. 141 с.
57. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 СПб., 2011. 25 с.
58. Гагаринов А.В. Взаимосвязь и взаимодействие гражданского процессуального права, гражданского процесса и гражданской процессуальной формы. Дис. ... канд. юрид. Наук: 12.00.15. Ленинград, 1988. 134 с.
59. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 185 с.
60. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2010. 51 с.

61. Дудникова Г.В. Арбитражная процессуальная форма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2005. 202 с.
62. Егорова О.В. Сущность гражданской процессуальной формы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. СПб., 2001. 187 с.
63. Зайченко Е.В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2015. 29 с.
64. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии. Автореферат ... докт. дис.: 12.00.01. Москва, 1990. 42 с.
65. Комарова Т.А. Разумность, справедливость и верховенство права как основные начала гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2019. 220 с.
66. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2018. 420 с.
67. Овчаренко О.В. Сочетание принципов устности и письменности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2013. 31 с.
68. Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: автореферат дис. канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 1998. 19 с.
69. Синякова, М.В. Письменные доказательства в гражданском и арбитражном процессах: дисс....канд.. юрид. наук: 12.00.15. М., 2007. 174 с.
70. Ткаченко Е.В. Письменные доказательства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений в арбитражном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2004. 28 с.
71. Цуцкова М.Г. Информационное обеспечение в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2015. 182 с.
72. Шадловская О.Д. Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2015. 32 с.

2.2. Монографии

73. Алиэскеров М.А. Состязательный гражданский процесс в правовом социальном государстве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 240 с.
74. Борисова Е.А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе: монография. М.: Городец, 2008. 221 с.
75. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография. М., 2021. 264 с.
76. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия: монография. М.: Статут, 2016. 624 с.
77. Городнова Н. В. Применение искусственного интеллекта в цифровой экономике: монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Первое экономическое издательство», 2021. 154 с.
78. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе: монография. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.
79. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М., 2010. 576 с.
80. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: Волтерс Клувер, 2007. 389 с.
81. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства: монография. Т.2. С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1875. 364 с.
82. Масленникова Н.И. Гражданский процесс как форма социального управления: монография. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 140 с.
83. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): монография. М.: Проспект, 2017. 280 с.

84. Пономаренко В.А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции: монография. Москва: Проспект, 2015. С. 184 с.
85. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. Монография. С.-Пб.: Изд. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. 672 с.
86. Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2000. 288 с.
87. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.
88. Смагина Е.С. Апелляционное производство в гражданском процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2007. 192 с.
89. Спицин И.Н. Транспарентность в цивилистическом процессе: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 348 с.
90. Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М. 2013. 227 с.
91. Треушников М.К. Судебные доказательства: монография. 3. изд., испр. и доп. М.: Издат. дом «Городец», 2004. 268 с.
92. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы: монография. М.: Новый индекс, 2010. 621 с.
93. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы правосудия по гражданским делам: монография. Новосибирск, 1997. 392 с.
94. Чекмарева А.В. Сущность подготовительных процедур в гражданском судопроизводстве и основные начала их проведения: монография / под ред. О.В. Исаенковой. М., 2013. 208 с.
95. Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права: монография. Л., 1987. 104 с.
96. Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права: монография. М, 1989. 133 с.

97. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе: монография. Москва: Госюриздат, 1951. 296 с.

98. Якуб Л.М. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юридическая литература, 1981. 145 с.

2.3. Статьи, опубликованные в периодических и научных изданиях

99. Алексеев А.А. Принцип гибкости гражданской процессуальной формы в российском гражданском процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14. № 4. С. 68-72.

100. Алиэскеров М.А. Метод гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2006. № 7(115). С. 79-84.

101. Артебякина Н.А. Институт третьих лиц в гражданском и арбитражном судопроизводстве: некоторые проблемы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 19-21.

102. Аушев М.А. Участие и полномочия прокурора в гражданском процессе// Modern Science. 2020. № 7-1. С. 110-113.

103. Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 141-147.

104. Балашов А.Н. Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам/А.Н. Балашов, И.Н. Балашова // Администратор суда. 2015. № 3. С. 23-29.

105. Батурина Н.А. К вопросу о направлении копий искового заявления и приложений к нему документов лицам, участвующим в деле // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 42-47.

106. Бахрах Д.Н. Административно-процессуальная деятельность государственной администрации // Административное право и процесс. 2009. № 3. С. 2-7.

107. Бегичев А.В. Электронные доказательства и способы их фиксации нотариусом// Нотариус. 2014. № 5. С. 3-9.

108. Белозеров О.И. Проблемы использования электронной цифровой подписи для физических лиц/ О.И. Белозеров, Т.В. Лупанова, А.Ю. Ренке// INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE TECHNICAL SCIENCES, MATHEMATICS AND COMPUTER SCIENCE Collection of scientific articles IX International correspondence scientific specialized conference. 2019. С. 26- 31.

109. Бельдова М.В., Ивановский Н.И. Проблемы электронной подписи // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 2. С. 61-64.

110. Богданова Е.Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов // Журнал российского права. 2003. № 6(78). С. 39-45.

111. Боннер А.Т. Правило допустимости доказательств в гражданском процессе: необходимость или анахронизм? // Советское государство и право, 1990. № 10. 21-30.

112. Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 22 - 38.

113. Борисова В.Ф. Перспективы совершенствования механизма реализации права на обращение в суд// Вестник юридического факультета Южного федерального университет. 2016. №1. С. 37-43.

114. Борисова Е.А. Доказывание в апелляционном производстве в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса, 2019. № 1. С. 140-156.

115. Борисова Е.А. К вопросу о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции// Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей Международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского. М.: РУДН, 2018. С. 82-91.

116. Борисова Е.А. Некоторые новеллы арбитражного процессуального законодательства России// Законотворчество. 2011. №2. С. 62-67.

117. Борисова Е.А. Обжалование не вступивших в законную силу судебных решений в гражданском процессе // Российская юстиция, 2003. № 9. С. 28-30.

118. Бортникова Н.А. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве. 2021. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

119. Брановицкий К.Л. Опыт электронного правосудия в ФРГ: достижения и проблемы. С. 57-65.

120. Булгакова Е.В. Электронное правосудие//Российский судья. 2013. № 7. С. 14-17.

121. Валеев Д.Х. Создание цифровой процессуальной среды доверия: сервисы третьей доверенной стороны в процессуальных отношениях как источник «квазипреюдициальной» информации в цифровом пространстве / Д. Х. Валеев, А. Г. Нуриев // Нотариус. 2022. № 3. С. 37-40.

122. Васькова М.Г. Электронное государство: проблемы правового регулирования// Информационное право. 2009. №4. С. 20-25.

123. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики//Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46-50.

124. Виляк О.И. Процессуально-правовые и организационно-технические проблемы использования видеоконференцсвязи в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. №7. С. 13-20.

125. Волкова К.Ю. Цифровой или электронный (Digital vs Electronic)/ К.Ю. Волкова, В.В. Зверевич // Научные и технические библиотеки. 2020. № 12. С. 159-172.

126. Воронцова И.В. О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие»// Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 167-169.

127. Воронцова И.В., Луконина Ю.А. Дефиниция «искусственный интеллект» и ее семантико-процессуальное значение в судебной системе России и зарубежных // Российский судья. 2020. № 10. С. 41-45.

128. Гаджиалиева Н. Ш. Становление и развитие надзорного производства в гражданском процессе// Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 65-69.

129. Гаджиалиева Н.Ш. Развитие института пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам: от ГПК РСФСР 1923 г. до современного состояния// Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 261-264.

130. Гивель Д. Очерк о доказательствах во французском гражданском праве // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 78 - 88.

131. Горелов М.В. Некоторые вопросы исследования электронных документов как доказательств в гражданском судопроизводстве// Юрист.2005. № 7. С.51-52.

132. Громошина Н.А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства // Lex russica (Русский закон). 2010. Т. 69. № 4. С. 767-780.

133. Даулеталиева Г.Т., Руднева Ю.В. Электронные доказательства в гражданском процессе в свете концепции единого процессуального кодекса // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2017. № 1-1. С. 287-289.

134. Долгов С.Г. Нотариат сегодня, цифровой или электронный? // Нотариус. 2021. № 2. С. 42 - 45.

135. Емалтынов А.Р. Некоторые проблемы оценки электронных доказательств в системе электронного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 31 – 35.

136. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. С. 123–126.

137. Жилкин В.А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5 (72). С. 16-21.

138. Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 189 - 204.

139. Зайченко Е.В. Повышение эффективности информационного обеспечения участников гражданского судопроизводства посредством применения информационных технологий// Юрист. 2012. № 23. С. 39-43.

140. Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 211-219.

141. Зинченко А.И. Гражданская процессуальная форма судебного разбирательства// Вопросы теории и практики судебного разбирательства гражданских дел. Саратов, 1988. С.53-56.

142. Зипунникова Ю.Н. К вопросу об электронном правосудии (судопроизводстве) и электронной процессуальной форме // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 22 - 23 ноября 2012 г. / Под ред. Т.Е. Абовой. С. 165-171.

143. Зипунникова Ю.Н. Некоторые вопросы классификации цивилистической процессуальной формы // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 53 - 57.

144. Ильин А.В. Пересмотр судебных актов на основании постановлений Конституционного Суда России // Закон. 2020. № 12. С. 40 - 60.

145. Исаенкова О.В. О проектной модели принципов гражданского процессуального права // Перспективы развития гражданского процессуального права: Материалы международной научно-практической конференции (г. Саратов, 16 сентября 2017 г.): Сб. науч. ст. / Под ред. О.В. Исаенковой. Саратов: Саратовская гос. юрид. акад., 2017. С. 156-159.

146. Ишони́на А.С., Лапаев И.С. Проблемы законодательного регулирования порядка применения систем видеоконференц-связи в гражданском судопроизводстве // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 60. С. 14-18.

147. Канцер Ю.А. Электронное правосудие в арбитражном процессе: новые вызовы и адаптация судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 36 - 40.

148. Кац СЮ. Понятие и значение гражданской процессуальной формы. // Радяньске право. 1971, №5. С. 78-80.

149. Колмаков С.В. Обоснование государственной услуги и сервиса по предоставлению информации о выданных квалифицированных сертификатах ключей электронной подписи// Стратегии бизнеса. 2019. № 7 (63). С. 28-30.

150. Корякина К.Г., Хохрякова О.В. Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 12-18.

151. Котельникова О.В., Антипина А.А. К вопросу о протоколировании судебного заседания в гражданском процессе // Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction: Materials of the VI international scientific conference, Prague, 15–16 октября 2017 года. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017. С. 44-46.

152. Котлярова В.В. Полная и неполная апелляции в цивилистическом и судебном административном процессах // Lex russica, 2018. № 6. С. 63-71.

153. Котова С.И. Концепция трудовой занятости: цифровые профсоюзы, право на трудоустройство, абсолютное социально-обеспечительное отношение // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 10 - 13.

154. Кудрявцева Е.В. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? // Закон. 2017. № 10. С. 20 - 35.

155. Кудрявцева Е.В. Подготовка дел к судебному разбирательству в России и Англии // Законодательство. 2008. № 1. С. 46-55.

156. Кудрявцева Е.В. Тенденции развития английского гражданского процессуального права после принятия Правил гражданского судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2012. №2. С. 177-179.

157. Кузнецов М.Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 2(38). С. 58-67.

158. Лескина Э.И. Влияние развития нейронных сетей на трудовые отношения // Российская юстиция. 2020. №8. С. 9 - 12.

159. Любимова Е.В. Влияние электронного правосудия на вопросы подсудности гражданских и административных дел // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 200 - 210.

160. Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2. С.159 - 168.

161. Малешин Д.Я. Тенденции развития современного гражданского процесса / Д. Я. Малешин, М. А. Филатова, В. В. Ярков // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 11. URL: <https://szrf.ru/szrf/doc.php?nb=107&issid=1072008011000&docid=11> (дата обращения: 17.08.2021).

162. Малько Е.А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики // Арбитражный и гражданский процесс, 2013. № 11. С. 2-7.

163. Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда, 2018. № 2. С. 8-12.

164. Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. С. 81 - 90.

165. Незнамов А. В. О классификации цифровых технологий в гражданском процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3. С. 7–15.

166. Незнамов А.В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14 - 18.

167. Новопавловская Е.Е. Некоторые проблемы цифровизации российского правосудия// Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей): сборник материалов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, посвящённый X Всероссийскому съезду судей. В двух частях. Часть II / под ред. В.И. Поправко, Ю.В. Журавлёвой, Р.В. Ярцева. Н. Новгород: Изд-во «Автор», 2022. 332 с.

168. Нестеров А.В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 11 - 16.

169. Никитина С.В. Процессуальная форма и обоснованность судебных решений в досудебном производстве по уголовным делам// Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 72-79.

170. Опалев Р.О. К вопросу о единстве и дифференциации процессуальной формы административного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. №№ 9. С. 56 - 60.

171. Пабло Браво-Хуртадо Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте// Вестник гражданского процесса, 2018. № 1. С. 181-199.

172. Панкратова Е. П. Электронные доказательства// ЭЖ-ЮРИСТ. 2013. № 22. С. 5-9.

173. Пацация М.Ш. К вопросу об объектах надзорного обжалования в гражданском процессе // Закон. 2019. № 7. С. 133-144.

174. Перспективы электронного документооборота в российском арбитражном процессе / С.В. Изотова, Л.А. Баталова, Е.С. Щербина, В. Б. Наумов // Информационное право. 2006. № 4. С. 22-29.

175. Рассахатская Н.А. Акты судопроизводства и гражданская процессуальная форма // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 1. С. 46-50.

176. Рассахатская Н.А. Пределы гражданской процессуальной формы // Правоведение. 1996, № 6. С.137-144.

177. Ревнов Б.А. О некоторых вопросах деперсонификации и опубликования в сети «Интернет» текстов судебных актов // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 27-30.

178. Решетняк В.И. Зарубежный опыт использования информационных технологий для организации деятельности судов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 2. С. 298-303.

179. Решетняк В.И. Информационные технологии в судебной системе Сингапура // Информационное право. 2012. № 2. С.21-24.

180. Ринальди Д. Электронное гражданское судопроизводство в Италии. URL: <http://www.pravo.ru/interpravo/practice/view/10752> (дата обращения: 03.08.2021).

181. Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. №4. С. 26-31.

182. Рябинская С.С. Информатизация общества в России: особенности формирования и сопутствующие угрозы// Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 4. С. 276–280.

183. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94 - 117.

184. Сапожников С.А., Бармина О.Н. К вопросу о требованиях, предъявляемых к исковому заявлению в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 14-18

185. Сафронов С.Г., Минбалеев А.В. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России// Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. № 4. С. 114-116.

186. Серова А.В. Внедрение цифровых технологий в практику взаимодействия субъектов отношений по трудоустройству у данного работодателя // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5. С. 65 - 71.

187. Соловьева Т.В. Принцип непосредственности судебного разбирательства в условиях информатизации гражданского судопроизводства // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О. В. Исаенковой; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 373-375.

188. Смола А.А. Актуальные вопросы реализации принципа гласности судебного разбирательства в арбитражных судах Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2012. №5. С. 47-77.

189. Смоленский И.Н. Новые доказательства в апелляционной инстанции // Вестник гражданского процесса, 2019. № 1. С. 457-464.

190. Стрелкова И.И. Территориальная подсудность гражданских дел (проблемы совершенствования законодательства) // Российский судья. 2015. № 6. С. 16-19.

191. Стюфеева И.В. Новый уровень правосудия. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2021).

192. Телешина Н.Н. Реализация электронного правосудия в России (на примере Арбитражного суда Владимирской области) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. №6. С. 44-50.

193. Ткачева Н.Н. К вопросу о проведении беседы при подготовке дела к судебному разбирательству в гражданском процессе // Современное право. 2014. № 11. С. 84-87.

194. Трезубов Е.С. Видео-конференц-связь в судах: вынужденная трансформация в условиях пандемии // Администратор суда. 2020. № 2. С. 38 - 43.

195. Туманов Д.А., Алехина С.А. О некоторых тенденциях развития гражданского процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. С. 12-28.

196. Тымчук Ю.А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью в условиях информатизации нотариальной деятельности: современные тенденции // Нотариус. 2018. № 8. С. 24 - 27.

197. Федина А.С. Форма и содержание принципов гражданского процессуального права. Журнал российского права, 2014. №11. С. 107-114.

198. Федосеева Н.Н. Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы // Администратор суда. 2008. №3. С. 14-17

199. Федосеева Н.Н., Чайковская М.А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 6-10.

200. Фокина М.А. Юридические предположения в гражданском и арбитражном процессах // Современное право. 2009. № 6. С. 75-79.

201. Хасашин И.А. Реализация процессуальных гарантий в стадии возбуждения дела в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 18 - 20.

202. Хисамов А.Х. Технологии видеоконференц-связи и веб-конференции в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 254 - 269.

203. Цой В.И. Институт подсудности гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 9-15.

204. Чечина Н.А. Судебная защита и конституционные принципы гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С.38-50.

205. Чубарь А. А. Характер заинтересованности третьих лиц в гражданском процессе / А. А. Чубарь // Modern Science. 2021. № 6-1. С. 304-308.

206. Шакарян М.С., Сергун А.К. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы»// Проблемы соотношения материального и процессуального права. Труды ВЮЗИ. М., 1980. С.61-86.

207. Шакирьянов Р. В. Рассмотрение гражданских дел в апелляционном и кассационном порядке по новому ГПК РФ // Право и экономика. 2003. № 7. С. 75-78.

208. Шакирьянов Р.В. Действие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. №4. 2012. С. 46-67.

209. Шелепина Е.А. Применение электронных документов в гражданских правоотношениях: условия и возможности// Законы России: опыт, анализ, практика. № 10. 2017. С. 31-39.

210. Щелокова А.А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11 - 13.

211. Ярков В.В. Блокчейн и нотариат: опыт первой оценки // Нотариальный вестник. 2017. № 8. С. 36-41.

212. Ярков В.В. Электронное правосудие и принципы цивилистического процесса // Закон. М.: Закон, 2011. № 2. С. 44-50.

2.4. Учебная и иная научная литература

213. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / под ред. В.М. Бозрова. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2017. 568 с.

214. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 419 с.

215. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. III. Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М.: Проспект. 461 с.

216. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Спб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. 832 с.

217. Бороздина М. О. Предварительное судебное заседание как новелла ГПК РФ // Проблемы гражданской юрисдикции в свете нового законодательства. Саратов. 2003. 309 с.

218. Бурцева Е.В. Информационные технологии в юриспруденции: учебное пособие / Е.В. Бурцева, А.В. Селезнёв, В.Н. Чернышов. Тамбов: Издательство ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2012. 104 с.

219. Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / Под. Ред. Е.А. Борисовой. М., 2014. 544 с.

220. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: учебно-практическое пособие. М.: Городец, 2000. 248 с.

221. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова; Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2014. 960 с.

222. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 8-е изд., пераб. и доп. М., 2012. 768 с.

223. Гражданский процесс: учебник / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М., 1996. 480 с.

224. Гражданский процесс: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. 448 с.

225. Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.С. Шакарян. М., 1993. 444 с.

226. Гражданский процесс: учебник / С.Н. Абрамов, В.Н. Бельдюгин, В.Г. Гранберг, А.Ф. Клейнман и др./ Под ред.: А.Ф. Клейнмана. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 352 с.

227. Гражданский процесс: учебник для бакалавров / Под ред. В.В. Блажеева, Е.Е. Уксусовой. М., 2015. 736 с.

228. Гражданское процессуальное право России: учебник / О. В. Исаенкова, А. А. Демичев; под ред. О. В. Исаенковой. М.: Норма, 2009. 448 с.

229. Гражданское процессуальное право России: учебник / Под ред. С.Ф. Афанасьева. М., 2013. 879 с.
230. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. Москва, 1950. 198 с.
231. Гурвич М.А. Право на иск. Отв. ред.: Клейнман А.Ф. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 216 с.
232. Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. 540 с.
233. Загайнова С.К. Пересмотр судебных актов в цивилистическом процессе: учебное пособие / С.К. Загайнова М.Л. Скуратовский, Ю.А. Тимофеев; под. ред. Ю.А. Тимофеева. М.: Статут, 2018. 207 с.
234. Зайцев И.М., Викут М.А. Гражданский процесс России: учебник. М.: Юристъ, 1999. 384 с.
235. Кавелин К.Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства, в период времени от Учреждения о губерниях. М., 1844. 191 с.
236. Курс советского гражданского процессуального права. Под ред.: А.А. Мельникова, П.П. Гуреева, А.А. Добровольского и др. М., 1981. Т. 1. 464 с.
237. Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в его историческом развитии от Уложения 1649 г. до издания Свода Законов. СПб., 1856. 220 с.
238. Мохов А.А., Воронцова И.В., Семёнова С.Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / отв. ред. А.А. Мохов. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. 384 с.
239. Никифоров А.В. Гражданский процесс: учебное пособие. 7-е изд. Москва: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 134 с.
240. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 704 с.

241. Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. 442 с.

242. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV - XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 527 с.

243. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Под ред. К.А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. 503 с.

244. Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: учебное пособие. Саратов: СГАП, 1998. 88 с.

245. Рассолов М.М. Правовая информатика и управление в сфере предпринимательства: учебное пособие / М.М. Рассолов, В.Д. Элькин, И.М. Рассолов. М.: Юрист, 1996. 480 с.

246. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданский процесс. 7-е изд., перераб. М.: 2016. 304 с.

247. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2017. 304 с.

248. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 784 с.

249. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. 696 с.

250. Смагина Е.С. Пересмотр судебных постановлений в гражданском процессе: учебное пособие. М.: ООО «Издательство «Перо», 2012. 140 с.

251. Советский гражданский процесс / Под ред. А.А. Добровольского М., 1979. 367 с.

252. Советский гражданский процесс. Под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. М., 1978. 432 с.

253. Советский гражданский процесс. Под ред. М.А. Гурвича. М., 1975. 399 с.
254. Советский гражданский процесс: учебник/ отв. ред. К.И. Комиссаров, В.М. Семенов. М., 1978. 430 с.
255. Советское гражданское процессуальное право. Под ред. К.С. Юдельсона. М., 1965. 470 с.
256. Тихиня В.Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве / В.Г. Тихиня, Э. Мурадян, П. Павлюченков. Минск, 1983. 159 с.
257. Толковый словарь русского языка: [А-Я]: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии». 944 с.
258. Флексор Д.С. Отмена решений по просьбе третьих лиц. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1894. 200 с.
259. Шах Х. Международное гражданское процессуальное право: учебник. М., 2001. 560 с.
260. Эндрю А. Искусственный интеллект. Москва: Мир, 1985. 264 с.
261. Юридическая процессуальная форма. Под ред.: В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло. М., 1976. 279 с.

3. Материалы правоприменительной практики

3.1. Акты Конституционного суда Российской Федерации

262. Определение Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 716-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шеломенцева Андрея Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьями 12, 55 и 155.1 Гражданского процессуального кодекса РФ» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2021).

263. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 г. № 2254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Радимира Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2021).

264. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 г. № 96-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байдина Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 132, 136 и частью первой статьи 331 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2021).

265. Определение Конституционного Суда РФ от 26.02.2021 г. № 245-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кубашева Руслана Казымовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2021).

266. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 г. № 1036-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2021).

3.2. Акты Верховного суда Российской Федерации

267. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении»// Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2004.

268. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2020).

269. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда

Российской Федерации» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2020).

270. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Российская газета, 2012. № 295.

271. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

272. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2020).

273. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»// Российская газета, 2015. № 235.

274. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144.

275. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144.

276. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в

порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»// Российская газета. 2021. № 144.

277. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821». Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

278. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.04.2021 № 19-КАД21-1-К5. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

279. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2018 г. № 305-ЭС17-13822 по делу №А40-4350/2016. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

280. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.12.2018 № 78-КГ18-60. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2021).

281. Определение Верховного Суда РФ от 27.10.2020 № 309-ЭС20-1600 по делу № А50-17627/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

282. Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2021 № 303-ЭС20-23313 по делу № А51-21536/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

283. Определение Верховного Суда РФ от 12.05.2021 № 304-ЭС20-24382 по делу № А46-4212/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

284. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2021 № 304-ЭС20-16049 по делу № А70-16003/2018. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

285. Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2021 № 302-ЭС21-3164 по делу № А74-14640/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

286. Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2021 № 309-ЭС21-1914 по делу № А60-11573/2020 Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

3.4. Акты кассационных судов общей юрисдикции

287. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2020 по делу № 88-6717/2020. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

288. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2020 по делу № 88-12014/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

289. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 по делу № 88-7959/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

290. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2020 по делу № 2-1-774/2019. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

291. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 № 88-5661/2021. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

292. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.07.2021 по делу № 88-13211/2021, 2-3195/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

3.5. Акты областных и приравненных к ним судов общей юрисдикции

293. Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 11.12.2019 по делу № 44г-371/2019. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

294. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда № 33-16246/2014 от 29 июля 2014 г. по делу № 33-16246/2014. Доступ из архива решений судов общей юрисдикции справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

295. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда № 33-5104/2014 от 20 марта 2014 г. по делу № 33-5104/2014. Доступ из архива решений судов общей юрисдикции справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

296. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 13 мая 2016 г. № 11-6287/2016// Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.08.2021).

297. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 06 июля 2020 года по делу № 33-8972/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

298. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 21.12.2020 по делу № 33-4789/2020, 13-98/2020. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

299. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 26.08.2020 по делу № 33-3355/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

300. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 23.04.2020 № 33-6314/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.08.2021).

3.6. Акты районных и приравненных к ним судов общей юрисдикции

301. Постановление Вахитовского районного суда г. Казани от 26.03.2020 г. по делу №5-385/2020 (16RS0046-01-2020-000436-91). URL: <http://vahitovsky.tat.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.04.2020).

302. Постановление Невьянского городского суда Свердловской области от 30.03.2020 г. по делу 5-40/2020 (66RS0038-01-2020-000380-15). URL: <http://neviansky.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.04.2020).

303. Определение Октябрьского районного суда города Самары от 18.05.2021 № 9-583/2021~М-2264/2021. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

304. Определение Октябрьского районного суда города Самары от 24.05.2021 № 9-601/2021~М-2326/2021. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

305. Определение Советского районного суда города Самары от 25.10.2019 № 9-453/2019~М-3758/2019. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

306. Определение Ставропольского районного суда Самарской области от 17.07.2020 № 9-241/2020~М-1468/2020. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

307. Определение Ставропольского районного суда Самарской области от 30.04.2020 № 9-147/2020~М-856/2020. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 08.08.2021).

308. Определение Вахитовского районного суда об оставлении искового заявления без движения по делу № 2-9576/2019 по иску Сафиуллиной А.Ф. к Кагирову Ф.Ф. // Архив Вахитовского районного суда г. Казани.

309. Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 13.03.2020 г. по делу № 2-1074/2020. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2021).

310. Решение Вахитовского районного суда г. Казань от 21.11.2017 г. по делу № 2-1108/2017. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2018).

311. Решение Йошкар-Олинского городского суда от 04.09.2017 г. по делу № 2/3-375/2017 Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2018) .

312. Решение Йошкар-Олинского городского суда от 26.09.2017 г. по делу № 2/3-418/2017. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2018).

313. Решение Йошкар-Олинского городского суда от 26.09.2017 г. по делу № 2/3-418/2017. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2018).

314. Решение Новосибирского областного суда от 18.01.2011 № 7-6-2011. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020).

315. Решение Приволжского районного суда от 25.12.2017 г. по делу № 2а-7751/17. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2018).

3.7. Акты арбитражных судов Российской Федерации

316. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2013 г. № 18002/12// Вестник ВАС РФ, 2014. № 5.

317. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.12.2020 № 17АП-8834/2020-ГК по делу № А60-63900/2019. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.08.2021).

318. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2017 № 05АП-9653/2016 по делу № А24-4176/2016. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 22.08.2021).

319. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2021 № 19АП-757/2021 по делу № А14-1360/2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.08.2021).

320. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 13.11.2008 г. № Ф04-6221/2008(15680-А45-4) по делу № А45-1450/2008-6/17 Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018).

321. Постановление ФАС Московского округа от 22.10.2009 г. № КГ-А40/10844-09. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018).

322. Постановление ФАС Московского округа от 30.12.2009 г. № КА-А40/14666-09. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018).

323. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.12.2010 г. № А56-11028/2010. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018).

324. Постановление ФАС Московского округа от 04.03.2011 г. № КА-А40/17007-10;2 по делу № А40-51805/09-20-309. Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 04.03.2018).

325. Определение Суда по интеллектуальным правам об отложении судебного заседания от 03 февраля 2022 года по делу № СИП-845/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.07.2022)

3.8. Иные материалы правоприменительной практики

326. Постановление ЕСПЧ по делу «Бурдов против РФ» №2 (Жалоба №33509/04), принятое 15 января 2009 года. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-90671%22%5D%7D> (дата обращения: 30.07.2021)

327. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

328. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2020).

329. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 №401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» (ред. от 30.12.2020) // Бюллетень актов по судебной системе. № 3. 2016.

330. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронной форме, в том числе в форме электронного документа». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020).

331. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 «Об утверждении порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020).

332. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2020)

333. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 7.

334. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.02.2017 г. № 25 (ред. от 02.08.2019) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.08.2021).

335. Письмо Красноярского краевого суда от 31.05.2010 г. «О судебных поручениях» // Буква закона. 2010. № 66.

336. Решение Пекинского интернет-суда по делу Toutiao против Baidu. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2018/09/id/3510354.shtml> (дата обращения: 09.02.2020).

3.9. Статистические данные

337. Обзор практики рассмотрения в 2016 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 6.

338. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения 19.08.2021).

339. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения 19.08.2021).

340. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения 19.08.2021).

341. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения 28.07.2022).

4. Источники и литература на иностранных языках

342. About Service Bureau. Integrated Electronic Litigation System (eLitigation). URL: https://www.elitigation.sg/_layouts/IELS/HomePage/Pages/AboutSB.aspx (дата обращения: 03.08.2021).

343. Administrative Procedures for Electronic Case Filings and Unique Procedures and Practices for Electronic Filings. URL:

<http://www.laed.uscourts.gov/case-information/procedures-and-practices-e-filing> (дата обращения: 21.02.2018).

344. Bush V. As We May Think. URL: [http://worrydream.com/refs/Bush%20-%20As%20We%20May%20Think%20\(Life%20Magazine%209-10-1945\).pdf](http://worrydream.com/refs/Bush%20-%20As%20We%20May%20Think%20(Life%20Magazine%209-10-1945).pdf) (дата обращения: 11.04.2020).

345. Charniak E. Introduction to Artificial Intelligence/ E. Charniak, D. McDermott. Canada: Addison Wesley Publishing Company, 1985. 701 с.

346. Da Silva Moore v. Publicis Groupe - 287 F.R.D. 182 (S.D.N.Y. 2012). URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-da-silva-moore-v-publicis-groupe> (дата обращения: 12.04.2020).

347. Electronic Filing Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF) system. United States Courts. URL: <https://www.uscourts.gov/court-records/electronic-filing-смecf> (дата обращения: 03.08.2021).

348. European yearbook 15 (Annuaire Europeen / European Yearbook, 15) 1969th Edition. by Council of Europe (Editor). 900 с.

349. Fa Shi [2018] No. 16, Sept. 3, 2018, effective Sept. 7, 2018 (на китайском языке) // Официальный веб-сайт SPC. URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981.html> (дата обращения: 09.02.2020).

350. Haugeland J. Artificial Intelligence: The Very Idea. Cambridge (Massachusetts, USA): MIT Press, 1985. 287 с.

351. HM Courts & Tribunals Service. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/hm-courts-and-tribunals-service> (дата обращения: 03.08.2021).

352. International Civil Procedure by Shelby R.// World Law Group Series. Kluwer Law International; 1 edition. October 28, 2003. 864 с.

353. Kari Kujanen E-services in the courts in Finland. 2004. URL: <https://rechtsinformatik.ch/wp-content/uploads/2004/06/kujanen.pdf> (дата обращения: 06.08.2021).

354. Katsh E. Digital Justice: Technology and the Internet of Disputes/ E. Katsh, O. Rabinovich-Einy. Oxford: Oxford University Press, 2017. 264 с.

355. Marco Fabri and Francesco Contini Justice and technology in Europe: How ICT Is Changing the Judicial Business. Kluwer Law International, 2001. 336 с.

356. Reiling A.D. Technology for Justice. How Information Technology Can Support Judicial Reform/ A.D. Reiling. Leiden: Leiden University Press, 2009. 311 с.

357. Rideout P.G. Continued Efficiencies in the Commercial Division/ P.G. Rideout, G Song // New York Law Journal. 2018. Vol. 74. C.1-3.

358. Smith C. The History of Artificial Intelligence. Seattle: University of Washington, 2006. 27 с.

359. The UK Supreme Court: Twitter policy. URL: <https://www.supremecourt.uk/twitter-policy.html> (дата обращения: 05.04.2021).

360. Thematic report: Use of information technology in European courts / The Council of Europe's European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) // CEPEJ STUDIES № 24. 2016. 178 с.

361. Turing A. Computing Machinery and Intelligence. Oxford: Oxford University Press, 1950. 460 с.

362. Winston P.H. Artificial Intelligence. London: Addison-Wesley Publishing Company, 1984. 524 с.

363. Matej Michalko blockchain «witness»: a new evidence model in consumer disputes. URL: <https://clap.nls.ac.in/wp-content/uploads/2021/02/BLOCKCHAIN-%e2%80%98WITNESS%e2%80%99-A-NEW-EVIDENCE-MODEL-IN-CONSUMER-DISPUTES-.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).

5. Интернет-ресурсы

364. В Казани не имеющих компьютера и выхода в Сеть школьников будут обучать по телефону// Татмедиа. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/science/30-03-2020/v-kazani-ne-imeyuschih-kompyutera-i-vyhoda-v-set-shkolnikov-budut-obuchat-po-telefonu-5732507> (дата обращения: 05.04.2021).

365. Веб-конференции (онлайн-заседания)// Официальный сайт Арбитражного суда Ярославской области. URL: <https://yaroslavl.arbitr.ru/process/online> (дата обращения: 29.07.2022).

366. Временный регламент организации участия в судебном заседании Арбитражного суда Удмуртской Республики с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел»// Официальный сайт Арбитражного суда Удмуртской Республики. URL: <https://udmurtiya.arbitr.ru/process/onlinet> (дата обращения: 29.07.2022).

367. ГОСТ Р 52292-2004 «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200038309> (дата обращения: 07.08.2021),

368. ГОСТ Р 52872-2019 «Национальный стандарт Российской Федерации. Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Приложения для стационарных и мобильных устройств, иные пользовательские интерфейсы. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200167693> (дата обращения: 08.08.2022).

369. Заказные письма на расстоянии клика // Официальный сайт Почты России. URL: <https://zakaznoe.pochta.ru/> (дата обращения: 07.08.2021).

370. Именной указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда». URL: <https://base.garant.ru/57566520/> (дата обращения: 07.08.2021).

371. Информатизация судебной системы: первоочередные задачи и перспективы развития: интернет-интервью с Л.А. Юхневичем, руководителем ФГБУ «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие». URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/yukhnevich/> (дата обращения: 09.04.2021).

372. Информация о рассмотрении дел Первым кассационным судом общей юрисдикции в период пандемии коронавируса // Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=104 (дата обращения: 07.08.2021).

373. Итоги IX Всероссийского съезда судей: об основных направлениях деятельности и планах развития судебной системы: интернет-интервью с А.В.

Гусевым, генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/gusev4/> (дата обращения: 06.04.2020).

374. Момотов В.В. Судьи принимают решения, руководствуясь сердцем и законом// Информационный портал. URL: <https://zasudili.ru/news/9914/> (дата обращения: 14.04.2020).

375. Нестор: система распределенного компьютерного документирования устной речи. URL: <https://www.speechpro.ru/solution/sudebnaya-sistema> (дата обращения: 09.04.2020)

376. Новости судов общей юрисдикции Белгородской области по итогам 2018 года// Официальный сайт Белгородского областного суда. URL: http://oblsud.blg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1723 (дата обращения: 09.04.2020).

377. О проведении судебных заседаний с использованием системы веб-конференции// Официальный сайт Арбитражного суда Ивановской области. URL: <https://ivanovo.arbitr.ru/node/13690> (дата обращения: 29.07.2022).

378. Официальный сайт ROSS Intelligence. URL: <https://blog.rossintelligence.com/> (дата обращения: 26.07.2021).

379. Официальный сайт компании iManage. URL: <https://imanager.com/> (дата обращения: 26.07.2021).

380. Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9). Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovyye-tehnologii.pdf> (дата обращения: 28.07.2022).

381. Проект «Цифровые технологии». Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/878/> (дата обращения: 28.07.2022).

382. Трансляция заседаний суда// Официальный сайт Арбитражного суда Республики Марий Эл. URL: https://mari-el.arbitr.ru/court_video/Zal1/ (дата обращения: 29.07.2022)

383. Украинский Р.В. Система «Сутяжник» - легкое решение сложных задач. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 30.07.2022)

384. Участники судебного процесса смогут получать информацию о деле у автоматического голосового помощника// Официальный сайт ФГБУ ИАЦ Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://iac.cdep.ru/index.php?id=9&item=213> (Дата обращения: 19.08.2021).

385. Федеральные целевые программы России: Программа «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы». Целевые индикаторы. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-in/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2019/410/?yover=2020> (дата обращения: 12.12.2019)

386. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 14.04.2020).

387. Цыпленков С.А. Краткий сравнительно-правовой анализ основных институтов гражданского процесса в России и США при подготовке дел к судебному разбирательству. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/arbitration/article103.html> (дата обращения: 09.04.2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1**Показатели выполнения предусмотренных
Федеральной целевой программой
«Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»
планов информатизации судебной системы**

Диаграмма 1. *Оснащение системами видеопотоколирования судов общей юрисдикции.*



Диаграмма 2. *Оснащение системами видеопотоколирования арбитражных судов.*



Диаграмма 3. *Оснащение системами аудиоопотоколирования судов общей юрисдикции.*

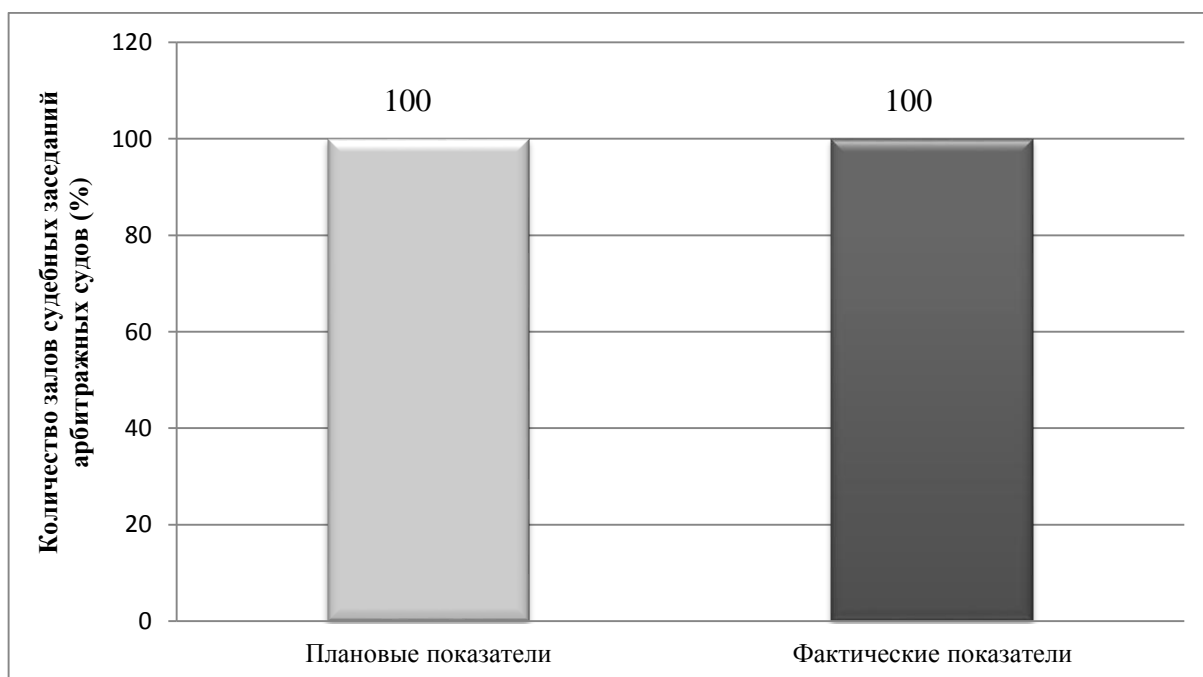


Диаграмма 4. *Оснащение системами аудиоопотоколирования арбитражных судов.*

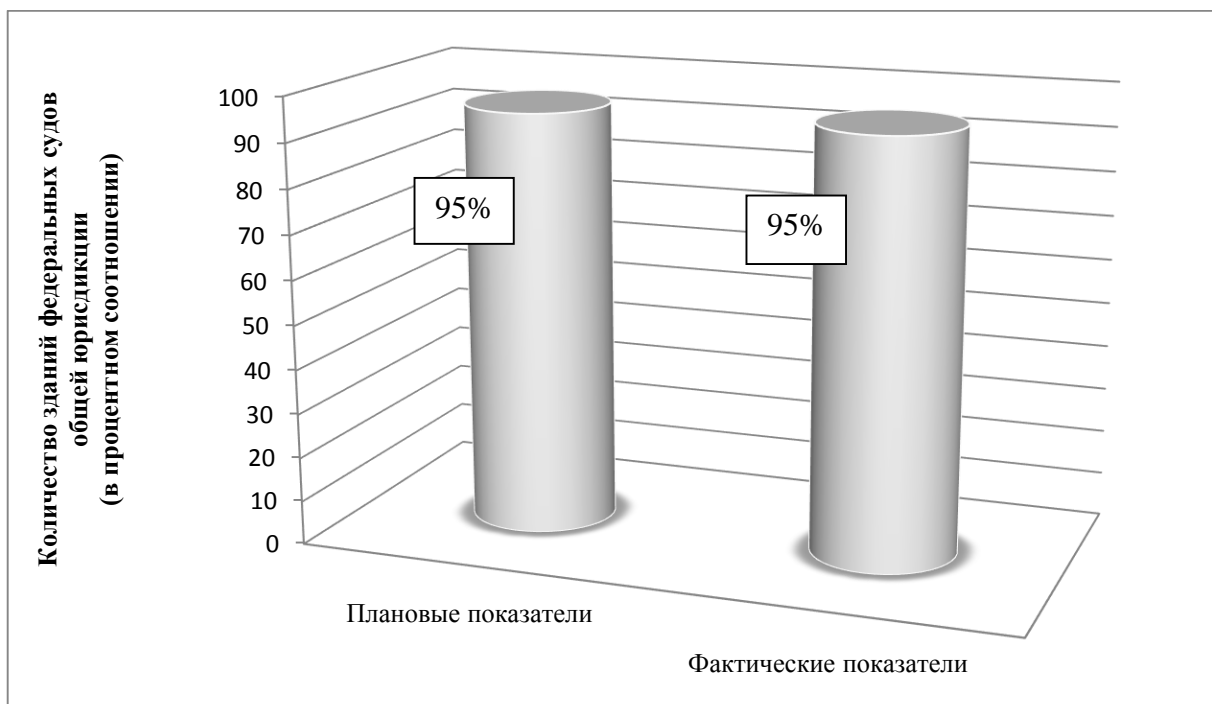


Диаграмма 5. Оснащение комплектами видеоконференц-связи судов общей юрисдикции.

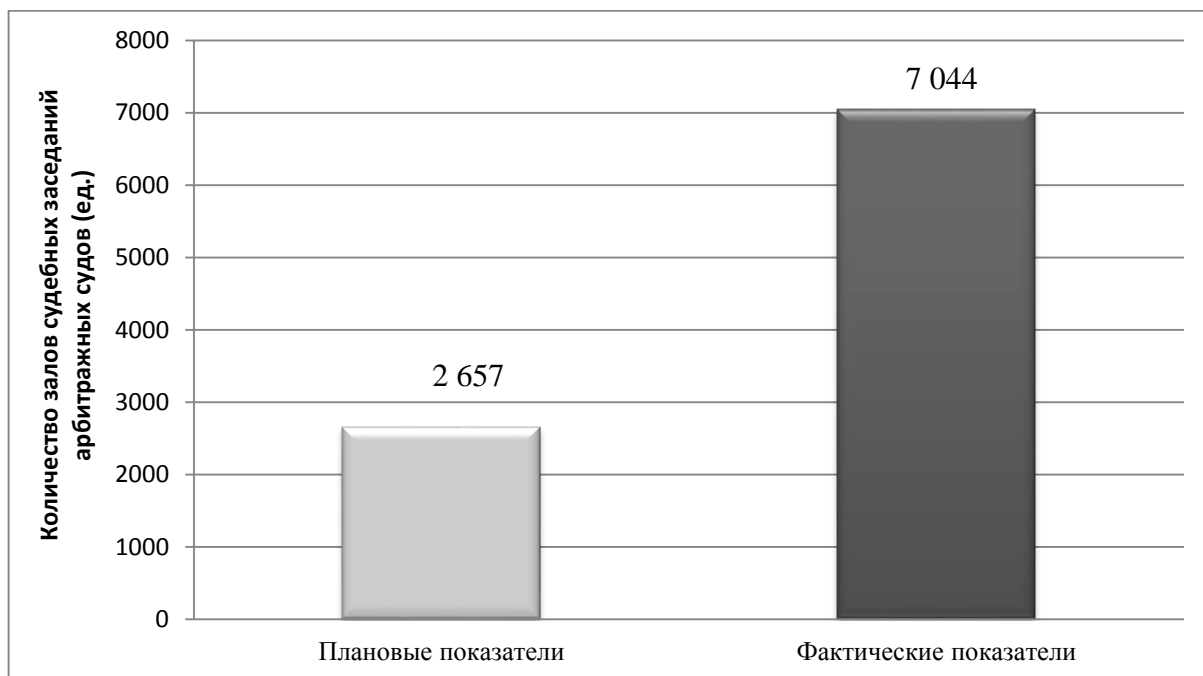


Диаграмма 6. Оснащение комплектами видеоконференц-связи арбитражных судов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Статистика назначения ВКС, использования аудио, видеозаписи федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями

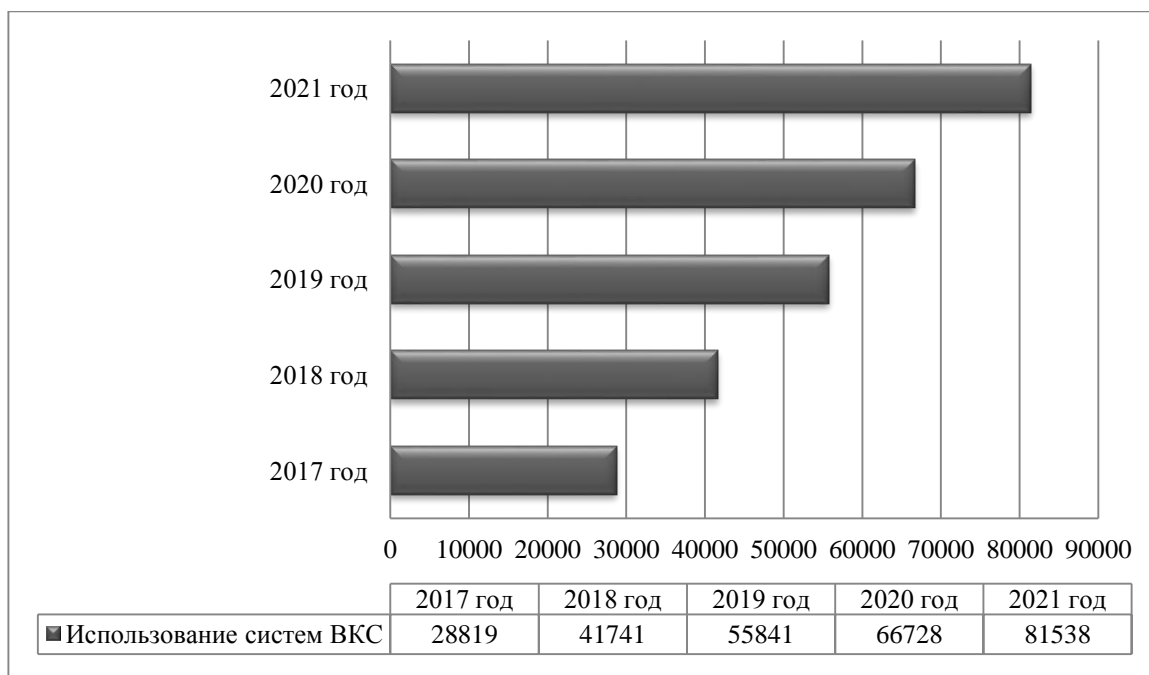


Диаграмма 1. Назначение судебных заседаний с применением систем видеоконференц-связи.

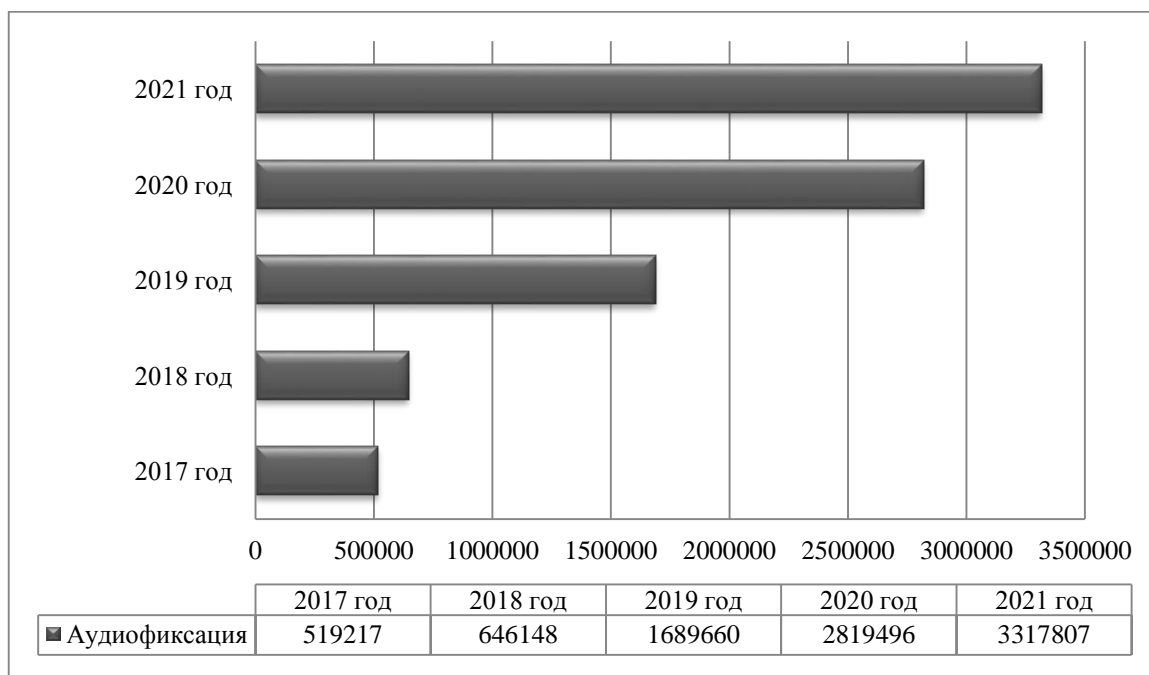


Диаграмма 2. Использование в судебных заседаниях аудиозаписи.

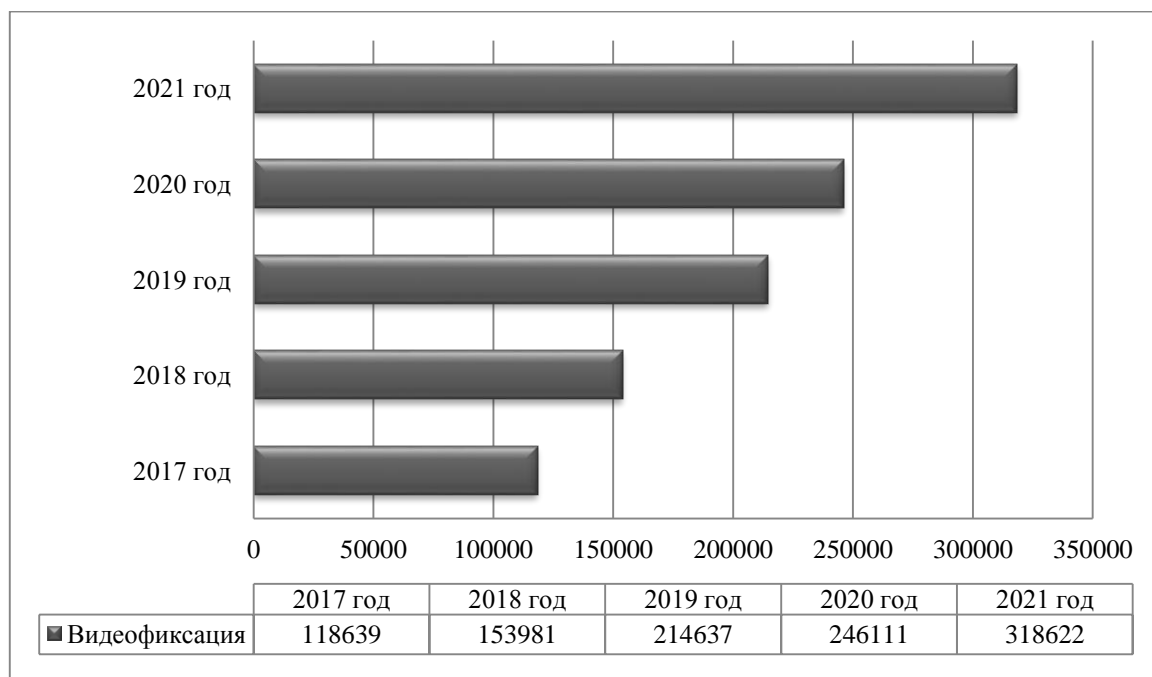


Диаграмма 3. *Использование в судебных заседаниях видеозаписи.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Модель функционирования системы искусственного интеллекта
в режиме рассмотрения дел приказного производства

Схема. Цифровой судебный процесс.